К 134.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ“.

„Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое!“

Л. Шишко.

Разсказы изъ Русской исторіи.

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Книгопечатня „Трудъ и Польза“. Фонтанка, 71—21.
1906.

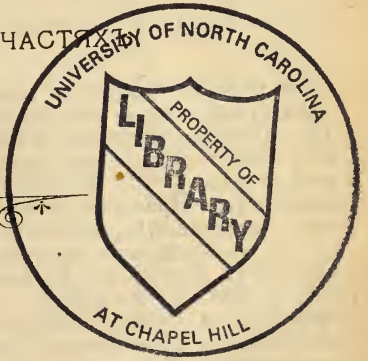
„Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое!“

DK40
.S33
1906

Л. Шишко.

Разсказы изъ Русской исторіи.

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Книгопечатня „Трудъ и Польза“. Фонтанка, 71—21.
1906.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Часть Первая.—Вступленіе.

	стр.
Глава первая. Зарожденіе Руси.	4
Глава вторая. Принятіе христіанства.	12
Глава третья. Татарское нашествіе и его послѣдствія. . . .	15
Глава четвертая. Возвышеніе московскихъ князей.	19
Глава пятая. Подчиненіе Новгорода и Пскова.	23
Глава шестая. Паденіе татарскаго ига	28
Глава седьмая. Послѣдствія татарскаго ига.	31
Глава восьмая. Внутреннее устройство московскаго государства.	34
Глава девятая. Царь Иванъ Грозный.	38
Глава десятая. Смутное время.	51
Глава одиннадцатая. Самозванцы и московское разореніе. . .	60
Глава двѣнадцатая. Избраніе новаго царя и новые порядки въ московскомъ государствѣ.	65
Глава тринадцатая. Царствованіе Алексѣя Михайловича . . .	69
Глава четырнадцатая. Патріархъ Никонъ и начало раскола. .	86
Глава пятнадцатая. Царевна Софья и Стрѣлецкій бунтъ. . . .	91

Часть вторая. Вступленіе. Краткое изложеніе первой части.

	стр.
I.—Русь до татарскаго нашествія	97
II.—Происхожднie самодержавія	101
III.—Происхожденіе крѣпостного права	105
Глава первая. Умственное состояніе въ Московской Руси . .	115
Глава вторая. Петръ Великій	118
Глава третья. Правленіе временщиковъ	131
Глава четвертая. Царствованіе Елисаветы и Петра Третьяго. Восшествіе на престолъ Екатерины Второй . . .	137
Глава пятая. Екатерина Вторая	148
Глава шестая. Пугачевщина	158
Глава седьмая. Откуда появились въ Россіи богатые помѣщики.	169
Глава восьмая. Новиковъ и Радищевъ	174
Глава девятая. Императоръ Павелъ и его смерть	179
Глава десятая. Царствованіе Александра Перваго	184
Глава одиннадцатая. Нашествіе французовъ	187
Глава двѣнадцатая. Тайное общество декабристовъ.	194

Разсказы изъ русской исторіи.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Каждый дѣдъ можетъ разсказать своему внуку много такого, чего уже нельзя увидѣть своими глазами. Кто, напримѣръ, изъ теперешней молодежи самъ видѣлъ все то, что творилось на Руси при крѣпостномъ правѣ? На томъ же самомъ мѣстѣ, въ томъ же городѣ или въ той же деревнѣ были тогда другіе порядки и жизнь шла совсѣмъ по иному. Теперь только отъ стариковъ можно узнать объ этихъ временахъ. А когда нынѣшніе старики сами были молоды, то имъ разсказывали ихъ отцы и дѣды также много такого, чего они уже не застали на бѣломъ свѣтѣ.

Это показываетъ, что порядки въ государствѣ не остаются одни и тѣ же, а постоянно мѣняются; что было прежде, то уже никогда не возвращается назадъ. Отчего и какъ мѣняются эти порядки? Отъ какихъ причинъ?

Этого никто не можетъ увидѣть своими глазами, потому что порядки въ государствѣ мѣняются очень медленно, а жизнь человѣческая коротка. Есть насѣкомое *поденка*; она живетъ всего только одинъ лѣтній день. Если бы она могла думать по человѣческому, то ей казалось бы, что на свѣтѣ не бываетъ ни осени, ни зимы, а всегда одно лѣто. Вотъ почему и человѣкъ, никогда не слыхавшій о томъ, что было за сто и за тысячу лѣтъ назадъ, думаетъ, что порядки въ государствѣ не мѣняются, а всегда остаются одни и тѣ же. Его мысли не идутъ дальше того, что онъ видитъ вокругъ себя; а откуда все это взялось и почему все это такъ, а не иначе, онъ не знаетъ и не можетъ знать. Онъ видитъ

помѣщика и не знаетъ, откуда явились на свѣтѣ помѣщики; онъ видитъ крестьянъ и не знаетъ, откуда явились на свѣтѣ крестьяне. Такой человѣкъ думаетъ, что на свѣтѣ всегда были помѣщики и крестьяне, также какъ поденка стала бы думать, что на свѣтѣ не бываетъ ни зимы, ни осени, а всегда одно лѣто.

Вотъ почему народу надо ознакомиться не только съ тѣмъ, что есть теперь, но также и съ тѣмъ, что было прежде и откуда взялось все то, что есть теперь. Это надо для того, чтобы каждый зналъ, отчего ему хорошо или плохо живется. Когда мы не знаемъ, откуда идетъ наше несчастье, мы часто говоримъ: на то Божья воля! А между тѣмъ всего чаще виною нашихъ несчастій бываютъ дурные порядки; поэтому мы должны знать, откуда взялись эти дурные порядки. Откуда взялись они? Ежели они установлены людьми, то люди могутъ и измѣнить ихъ. Но чтобы узнать, откуда взялись такіе порядки и на комъ они держатся, мы должны обратиться къ наукѣ о старыхъ временахъ. Эта наука о старыхъ временахъ называется *Исторія*. Въ этой книжкѣ мы хотимъ познакомить читателя съ *Русской* Исторіей.

Но прежде всего насъ могутъ спросить, откуда взялась сама наука *Исторія?* Какъ могли люди узнать о томъ, что было за тысячу лѣтъ назадъ? Это было не легко, и ученые люди положили на это не мало труда. Всего труднѣе было узнать о тѣхъ временахъ, когда люди еще не умѣли писать. Отъ тѣхъ временъ остались только устныя преданія, былины и пѣсни, да еще могильные курганы, въ которыхъ находятъ кости, оружіе, посуду, монеты, золотыя и мѣдныя украшенія. Все это даетъ ученымъ важныя указанія. Такъ, напримѣръ, по рѣкѣ Днѣпру и по его притокамъ найдено въ курганахъ много арабскихъ серебряныхъ монетъ, оставшихся отъ очень старыхъ временъ. Это показываетъ, что славяне, которые жили тогда по рѣкѣ Днѣпру и его притокамъ, вели торговлю съ арабами и получали отъ нихъ серебряную монету. Узнавъ это, ученые стали читать древнія арабскія книги и нашли въ нихъ разсказы о славянахъ, которые еще за тысячу лѣтъ назадъ спускались по Волгѣ со своими товарами въ Хазарское царство, а товары эти были мѣха и воскъ. Тогда стало

видно, во первыхъ, что за тысячу лѣтъ назадъ въ низовьяхъ Волги было Хазарское царство, а во вторыхъ, что русскіе занимались въ тѣ времена звѣроловствомъ и лѣснымъ пчеловодствомъ (бортничествомъ).

Такимъ путемъ ученые мало по-малу проникаютъ въ самую глубокую старину. Но всего болѣе помогаютъ имъ старинныя лѣтописи. Какъ только въ какой-либо странѣ люди научились писать, нѣкоторые изъ нихъ начинали записывать то, что они видѣли и слышали. У насъ первые лѣтописцы появились за восемьсотъ лѣтъ до настоящаго времени. Но еще гораздо раньше этого, при самомъ зарожденіи Руси, то есть болѣе чѣмъ за тысячу лѣтъ назадъ, вокругъ этой Руси уже жили народы, давно научившіеся писать: греки и арабы. Ихъ лѣтописцы, описывая разныя страны, говорятъ также и о томъ, что происходило на Руси. Такимъ путемъ ученые узнали о самыхъ первыхъ временахъ русской исторіи. Съ одинадцатаго же вѣка уже ведется самими русскими, преимущественно монахами, непрерывная запись обо всемъ, что происходило на Руси. Иногда воинъ, посѣдѣвшій въ бояхъ, уходилъ подъ старость въ монастырь и тамъ писалъ, въ тишинѣ, свой разсказъ, на память потомству. Такъ составились наши лѣтописи. Онѣ во многихъ спискахъ переходили изъ рукъ въ руки, хранились въ монастыряхъ и нѣкоторыя изъ нихъ уцѣлѣли до ностоящаго времени... Ученые собираютъ эти лѣтописи, сличаютъ ихъ, провѣряютъ, и то, что достойно вѣры, вносятъ въ науку *Исторію*.

Теперь я прямо перейду къ разсказу о томъ, что намъ извѣстно объ Исторіи Россіи.

Но прежде я скажу нѣсколько словъ о лѣтосчисленіи. Время въ Исторіи считается отъ Рождества Христова, и считается по вѣкамъ и по годамъ. Съ перваго года по Рождествѣ Христовомъ и до сотаго года идетъ первый вѣкъ: отъ 101 года до 200-го года—второй вѣкъ; отъ 201-го до 300-го—третій вѣкъ и т. д. Такъ, напримѣръ, Крещеніе Руси началось въ 988 году; это значитъ, что оно началось въ 88 году *десятаго* вѣка. Теперь у насъ 1902 годъ, то есть двадцатый вѣкъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Зарожденіе Руси.

Древніе обитатели Руси называли себя *славянами*. Они поселились по Днѣпру и его притокамъ въ восьмомъ вѣкѣ, то есть болѣе чѣмъ за тысячу лѣтъ назадъ. Они пришли на Днѣпръ съ Карпатскихъ горъ, изъ теперешней Галиціи, гдѣ еще до сихъ поръ живутъ Русины, говорящіе на славянскомъ языкѣ.

Славяне поселились по Днѣпру отдѣльными дворами. Каждый дворъ занимала отдѣльная, большая, нераздѣленная семья. Въ этихъ мѣстахъ еще и теперь находится много *городищъ*, небольшихъ площадокъ, обнесенныхъ чуть замѣтнымъ валомъ. Тутъ и стояли встарину дворы нашихъ предковъ-славянъ. Когда начинаютъ раскапывать эти городища, то находятъ въ землѣ кости покойниковъ и остатки домашней утвари. Городища отстоятъ одно отъ другого на разстояніи четырехъ и шести верстъ.

Славяне въ то время уже занимались немного земледѣліемъ, но главнымъ ихъ промысломъ было звѣроловство и лѣсное пчеловодство. Они уже умѣли добывать желѣзо и приготовлять желѣзныя издѣлія. У нихъ были стрѣлы съ желѣзными наконечниками, топоры и сохи; поэтому они легко добывали себѣ пищу. Они расчищали подъ пашню лѣса, ловли много звѣря и все дальше и дальше разселялись вверхъ по Днѣпру и его притокамъ. Скоро они дошли до озера Ильменя, а потомъ, по рѣкѣ Волхову, и до Балтійскаго моря. Они не только добывали себѣ пищу и одежду, но собирали мѣха и воскъ на продажу; у нихъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, скоро завязалась торговля.

На востокъ отъ Днѣпра, въ сторону Дона и Волги тогда, какъ и теперь, простирались огромныя степи, а въ этихъ степяхъ еще до прихода славянъ основалось Хозарское царство. Хозары были раньше кочевниками, но скоро перешли къ осѣдлому образу жизни, построили города и стали заниматься торговлею. Ихъ столица, Итель, стояла при устьѣ Волги. Хозары были мирный народъ; они не вели войнъ со славянами, а завязали съ ними торговлю.

Эта торговля и повела къ тому, что у русскихъ славянъ также возникли свои города. Это произошло вотъ какъ:

Когда завязалась торговля съ Хазарами, къ славянамъ стали пріѣзжать хозарскіе купцы или *гости*, какъ ихъ называли славяне; тогда для торга стали выбирать на берегу рѣки удобныя мѣста, куда приплывали на лодкахъ звѣроловы со своими мѣхами. Сначала это были только временные базары; но потомъ сюда стали переселяться на постоянное жительство люди, занимавшіеся торговлею, какъ постояннымъ промысломъ. Потомъ русскіе люди сами начали ѣздить съ пушнымъ товаромъ и воскомъ къ хозарамъ и даже дальше, черезъ Каспійское море и черезъ закаспійскія степи въ Персидское царство; они спускались также внизъ по Днѣпру въ Черное море и вели торговлю съ Константинополемъ или Царьградомъ. Торговля была выгодная, торговыхъ людей становилось все больше и больше, и скоро по берегамъ русскихъ рѣкъ, на мѣстахъ старыхъ базаровъ, возникли большіе торговые города: Кіевъ, Черниговъ, Смоленскъ, Полоцкъ, Новгородъ.

Около каждаго такого города было разбросано сельское населеніе, тянувшееся къ этому городу. Такимъ путемъ возникло на Руси нѣсколько отдѣльныхъ областей: Кіевская область, Черниговская, Новгородская и другія, каждая со своимъ городомъ. Горожане занимались торговлею; сельскіе жители—хлѣбопашествомъ и лѣснымъ промысломъ.

Но такая мирная, торговая жизнь могла продолжаться только до тѣхъ поръ, пока у славянъ, жившихъ по Днѣпру, не было воинственныхъ сосѣдей. Такіе сосѣди скоро явились. Въ девятомъ вѣкѣ, изъ-за Урала пришла азіатская орда: печенѣги. Хозары не могли сдержать эту орду, и она прорвалась за Донъ. Печенѣги были дикій, воинственный народъ; они заняли своими кочевьями южныя степи и преградили русскимъ торговые пути на востокъ. Вскорѣ они подошли близко къ Кіеву и стали нападать на русскія земли. Отъ этого произошли большія перемѣны на Руси.

Пока не было печенѣговъ, торговые пути были свободны, и города были въ безопасности. Русскіе славяне ни съ кѣмъ не вели войнъ и не нуждались въ ратныхъ людяхъ. Но когда вблизи поселилась печенѣжская орда, то славянамъ пришлось защищать свои города и защищать свои

товары во время пути. Каждую минуту грозила опасность отъ набѣговъ. Надо было не только пахать землю, ловить звѣрей и вести торговлю, но еще и охранять свою жизнь и свое имущество отъ хищнаго врага; это было даже еще важнѣе. Поэтому военное дѣло получило тогда большую важность. Города были обнесены стѣнами, городскіе и сельскіе жители стали вооружаться; все было поставлено на военную ногу. Вотъ тутъ то и появляются на Руси *варяги* и занимаютъ видное мѣсто.

Варягами или данами славяне называли выходцевъ изъ сѣверныхъ странъ, Норвегіи и Даніи. Это были отважные мореходы и храбрые воины. Они занимались больше всего морскимъ разбоемъ; плавали по морскимъ берегамъ, входили въ устья рѣкъ и нападали на жителей. Но при случаѣ они занимались также и торговлей.

Варяги и прежде попадались въ русскихъ городахъ, особенно въ Кіевѣ и Новгородѣ, куда ихъ привлекала торговля съ Царьградомъ. Когда на Руси понадобились ратные люди, то русскіе торговые города охотно стали принимать къ себѣ на службу варяговъ для охраны своей торговли. Есть преданіе, что русскіе славяне посылали даже пословъ за море приглашать къ себѣ варяжскихъ князей съ ихъ дружинами; но возможно, что варяги и сами пришли, безъ зова. Какъ бы то ни было, но въ девятомъ вѣкѣ въ Кіевѣ, Новгородѣ и другихъ городахъ уже появились варяжскіе князья съ военными дружинами. Объ этихъ первыхъ варяжскихъ князьяхъ намъ мало извѣстно достовѣрнаго. Варяги появились у насъ въ девятомъ вѣкѣ, а первыя русскія лѣтописи появились только въ одинадцатомъ вѣкѣ, значитъ черезъ двѣсти лѣтъ послѣ того. Слѣдовательно о призваніи варяговъ и о первыхъ князьяхъ, Рюрикѣ, Святославѣ и другихъ, лѣтописцы разсказывали не то, что видѣли сами или слышали отъ очевидцевъ, а только по очень смутному преданію. Вотъ почему намъ мало извѣстно объ этихъ временахъ. Но начиная съ одинадцатаго вѣка уже ведется русская лѣтопись, и изъ этой лѣтописи уже можно видѣть, какіе порядки установились на Руси черезъ двѣсти лѣтъ послѣ вторженія печенѣговъ и призванія варяжскихъ князей.

По прежнему, во главѣ стояли большіе торговые города; Кіевъ, Новгородъ, Черниговъ, Смоленскъ, Полоцкъ, Минскъ,

Ростовъ и другіе. Вокругъ нихъ раскладывались пригороды и деревни. Каждый городъ со своими пригородами и деревнями составлялъ особую волость, или княжество, а въ каждой такой волости былъ свой князь. Князь собиралъ въ свою пользу дань съ каждаго городского жителя и съ каждаго сельскаго двора; кромѣ того, въ его же пользу шли судебныя пошлины или *судебная вира.* *) На эти деньги онъ содержалъ свой дворъ и дружину.

Князь охранялъ свое княжество отъ вражескихъ набѣговъ. Въ этомъ была его главная обязанность. Онъ предводительствовалъ на войнѣ всѣмъ войскомъ; но войско князя состояло не изъ одной его дружины. Княжеская дружина была невелика; у самыхъ богатыхъ князей было не болѣе пяти, шести сотъ дружинниковъ; это было только ядро войска; главная же ратная сила состояла изъ самихъ городскихъ и сельскихъ жителей, которые, въ случаѣ надобности, всѣ шли на войну.

Князь завѣдывалъ военнымъ дѣломъ и вмѣстѣ съ выборнымъ посадникомъ творилъ судъ. Все же остальное управленіе находилось въ рукахъ *народнаго вѣча* и выборныхъ городскихъ старшинъ.

Вѣчемъ назывался общій народный сходъ. Когда надо было рѣшить какое-нибудь дѣло, то всѣ городскіе жители созывались колокольнымъ звономъ на главную городскую площадь. Всякій имѣлъ право идти на вѣче, и всѣ имѣли на немъ равный голосъ. У пригородовъ съ селами были свои вѣча, а въ важныхъ случаяхъ они посылали своихъ

---

*) Какъ у всѣхъ древнихъ народовъ, у древнихъ славянъ виновный, вмѣсто наказанія, уплачивалъ за свою вину денежную пеню или виру. За каждое преступленіе была установлена особая плата: за убійство столько-то, за отсѣченіе руки столько-то, за порчу охотничьяго пса столько-то, за кражу коня или коровы столько-то, и такъ далѣе. Ранѣе этого у древнихъ народовъ была въ обычаѣ кровавая месть: за всякую обиду потерпѣвшій или его семья сами мстили обидчику или его семьѣ. Отъ этого происходили непрерывныя кровавыя междоусобія. Чтобы прекратить эти кровавые раздоры, отъ которыхъ никому не было покоя, каждое общество, съ теченіемъ времени, замѣняло у себя кровавую месть денежной пеней. Такъ возникъ этотъ древній обычай. Часть этой денежной пени или виры шла въ пользу потерпѣвшаго или его семьи, а другая часть въ пользу князя.

выборныхъ въ старшій городъ. Вѣче выбирало посадника, тысяцкаго и городскихъ старостъ, которые и завѣдывали всѣми городскими и земскими дѣлами. Тысяцкій начальствовалъ, во время походовъ, надъ земскимъ полкомъ, подъ главнымъ начальствомъ князя. Посадникъ присутствовалъ при княжескомъ судѣ, чтобы не давать въ обиду земскихъ людей. Въ пригородахъ судебныя дѣла рѣшали княжескіе намѣстники также въ присутствіи выборныхъ старостъ.

Но главная власть находилась въ рукахъ народнаго вѣча. Оно выбирало городскихъ старшинъ; оно заключало договоръ или «рядъ» съ княземъ; оно рѣшало, надо ли начинать войну. До призванія варяжскихъ князей, у славянъ не было никакой другой власти, кромѣ своихъ выборныхъ старшинъ. Съ появленіемъ князей появилась на Руси новая военная власть. Но рядомъ съ этою военною властью стояла земская сила; рядомъ съ княземъ стояло народное вѣче, и вѣче было сильнѣе князя.

Лѣтописцы прямо говорятъ, что города приглашали къ себѣ на княженіе того или другого князя по своему выбору и заключали съ ними договоръ. Такъ, суздальскій лѣтописецъ говоритъ, что владимірцы «посадили у себя на столѣ князя Ярополка и свой рядъ съ нимъ положили въ церкви Святой Богородицы.» Въ 1146 году кіевляне заключили договоръ со своимъ княземъ Всеволодомъ, чтобы послѣ его смерти у нихъ княжилъ братъ его Игорь. И дѣйствительно, по смерти Всеволода на Кіевскій столъ садится Игорь и цѣлуетъ съ кіевлянами крестъ «на всей ихъ волѣ», какъ говоритъ лѣтописецъ.

Въ 1177 году владимірцы призвали къ себѣ князя Всеволода, а ростовцы Мстислава; въ Суздалѣ же еще не было князя. Тогда Всеволодъ послалъ сказать Мстиславу: «Тебя ростовцы привели и бояре, а меня Богъ и владимірцы; а Суздаль кого захочетъ, тотъ и будетъ имъ князь!» Послѣ смерти Всеволода, сынъ его Ярославъ пріѣзжаетъ въ Переяславль, созываетъ вѣче и говоритъ: «Отецъ мой отошелъ къ Богу, а васъ отдалъ мнѣ, а меня вамъ. Хотите имѣть меня у себя?".

Изъ всего этого видно, что хотя древніе князья на Руси имѣли большое значеніе и пользовались большимъ почетомъ, но они не были самовластными; они княжили съ согласія

вѣча. Даже когда дѣло шло о войнѣ, то и тогда требовалось согласіе вѣча. Да это и понятно, такъ какъ главная ратная сила состояла не въ княжеской дружинѣ, а въ самихъ городецкихъ и сельскихъ жителяхъ, которые всѣ шли на войну. Все это подтверждается нашими древними лѣтописями.

Такъ, когда кіевскій князь Изяславъ захотѣлъ воевать съ Юріемъ Суздальскимъ, сыномъ Владиміра Мономаха, то кіевляне отвѣтили ему: «Княже, ты на насъ не гнѣвайся, мы не можемъ на владимірово племя руки поднять!» И не пошли. Изяславъ началъ войну съ одною своею дружиной и былъ разбитъ. Въ другой разъ тѣ же кіевляне отвѣтили своему князю: „Всѣ пойдутъ на войну; а кто не пойдетъ, того мы сами побьемъ".

Если князь не исполнялъ своего договора съ вѣчемъ, если онъ поступалъ противно обычаю, и вѣче было недовольно имъ, то оно могло смѣнить князя и призвать къ себѣ другого.

Въ 1136 году новгородцы были недовольны своимъ княземъ Всеславомъ; они пригласили свои пригороды, псковичей и ладожанъ, и стали думать, какъ имъ выгнать князя. Они выбрали себѣ новаго князя Святослава Черниговскаго, а Всеслава заперли въ епископскомъ дворѣ съ женою и дѣтьми, и приставили тридцать вооруженныхъ стражниковъ стеречь его день и ночь, до пріѣзда новаго князя. Вины же Всеслава были перечислены такія: 1) Зачѣмъ хотѣлъ уѣхать изъ Новгорода? 2) Въ битвѣ при Ждановой горѣ первый побѣжалъ изъ полка. 3) Вмѣшивалъ Новгородъ въ княжескіе раздоры.

Въ другой разъ владимірцы были недовольны своими князьями за то, что тѣ неправильно собирали себѣ имущество. Они созвали вѣче и стали говорить: «Мы выбирали себѣ вольныхъ князей, а эти князья грабятъ насъ, будто не свои волости. Промышляйте, братья!» Они прогнали Ростиславичей и выбрали Михаила Юрьевича.

Въ 1276 году новгородцы рѣшили изгнать своего князя Ярослава. Они «созвонили вѣче, говоритъ лѣтописецъ, и позвали князя, исписавъ на грамотѣ всю вину его: „Почто возлюби играти и утѣшатися, а людей не управляше? Почто взялъ Олексинъ дворъ? Почто взялъ серебро съ Никифора

Мунискинова и Романа Волдышева? Почто выводишь отъ насъ иноземцевъ, которые живутъ у насъ? Нынѣ, княже, не можемъ терпѣть насилія твоего, поѣди отъ насъ, а мы себѣ князя промыслимъ."

Князь началъ упрашивать вѣче съ поклономъ и обѣщалъ цѣловать крестъ на „всей ихъ волѣ", но новгородцы отвѣтили: «Княже, поѣди прочь; не хотимъ тебѣ, или весь Новгородъ прогонитъ тебя.»

Въ другой разъ кіевскій князь Святополкъ сталъ добиваться, чтобы новгородцы взяли къ себѣ княземъ сына его. Новгородцы отвѣтили: „Не хотимъ Святополка, ни сына его; а если у твоего сына двѣ головы, то присылай."

Таковы были тогда вѣчевые порядки. Князь не могъ поступать самовластно, не могъ нарушать народнаго обычая, а во всѣхъ важныхъ случаяхъ долженъ былъ спрашивать согласія вѣча. Обо всемъ этомъ, какъ мы видѣли, прямо говорятъ древнія лѣтописи. Теперь многимъ это можетъ показаться даже небылицей, теперь мы привыкли къ другимъ порядкамъ, теперь у народа нѣтъ своей воли, а распоряжаются имъ, безъ его вѣдома, по своему усмотрѣнію, не обращая вниманія на то, хорошо ли, худо ли отъ этого народу. Но вотъ мы видимъ, что не всегда было такъ, и что были времена, когда русскій народъ заключалъ договоръ со своими князьями и заставлялъ ихъ править согласно этому договору. Если же князья нарушали договоръ, то они лишались престола; и это было не бунтомъ противъ князя, а законнымъ правомъ народнаго вѣча. Бунтовщикомъ былъ тогда не народъ, который выгонялъ своего князя, а князь, который не выполнялъ своего договора.

Далѣе мы увидимъ, почему измѣнились эти порядки и какъ свободная вѣчевая Русь была обращена въ рабство.

Хотя древняя Русь не составляла одного государства, а разбилась на нѣсколько княжествъ, но все-таки это было одно родственное племя, жившее въ одной и той же странѣ. Всѣ говорили однимъ языкомъ, у всѣхъ были одни и тѣ же обычаи, всѣ приняли одну и ту же христіанскую вѣру; у всѣхъ были князья изъ одного и того же рюрикова рода. Хотя часто кіевляне ходили войной на новгородцевъ, а новгородцы на суздальцевъ или суздальцы на кіевлянъ, но когда печенѣги или половцы производили набѣги, то всѣ

понимали, что надо соединиться противъ общаго врага. Иногда происходили княжескіе съѣзды, и князья держали совѣтъ, какъ имъ охранять русскую землю. Эта забота никогда не прекращалась. Русь была окружена съ юга и съ востока степями и открыта для набѣговъ. Изъ-за Урала, изъ Азіи, постоянно появлялись дикія кочевыя орды и нападали на русскія княжества. Особенно много терпѣло отъ нихъ Кіевское княжество. Кіевъ былъ прежде самымъ богатымъ городомъ; но когда кочевники заняли низовья Днѣпра и преградили доступъ въ Грецію, въ Царьградъ, то торговля упала, Кіевъ сталъ бѣднѣть и многіе жители Кіевскаго Княжества стали переселяться на сѣверо-востокъ, на Оку, въ лѣсную Суздальскую и Владимірскую страну, гдѣ потомъ и возникло Московское государство. Такимъ образомъ самая плодородная, южная, степная часть Руси всего больше страдала отъ набѣговъ, и русское населеніе должно было податься къ сѣверо-востоку, изъ плодородныхъ южныхъ степей въ холодную и менѣе плодородную сторону. Воинственные кочевые народы не давали спокойно жить русскому населенію, разоряли его и лишили его лучшихъ земель. Но все-таки русскія княжества еще отбивались отъ первыхъ двухъ кочевыхъ племенъ, печенѣговъ и половцевъ, и не пускали ихъ дальше своихъ границъ. Но вотъ въ тринадцатомъ вѣкѣ изъ-за Урала нахлынула новая кочевая орда и такая многочисленная, что русскіе уже не могли удержать ее. Она прорвалась внутрь страны, истребила города, перебила большую часть населенія и обратила Русь въ свое подданство. Это было татарское нашествіе. Съ него начинается совсѣмъ новая полоса въ Русской Исторіи. Но прежде намъ необходимо сказать нѣсколько словъ о принятіи древними славянами христіанства.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Принятіе христіанства.

Христіанство перешло въ Россію изъ Греціи, изъ Византійской Имперіи. Мы уже знаемъ, что Кіевъ торговалъ съ Царьградомъ. Кіевскіе купцы ѣздили въ Константинополь и знакомились тамъ съ греческой вѣрою; многіе изъ

русскихъ поступали на службу въ Грецію, къ византійскимъ императорамъ, принимали тамъ христіанство, а потомъ возвращались въ свое отечество. Не удивительно поэтому, что христіанство, скоро стало проникать въ Россію, особенно въ Кіевъ. Въ десятомъ вѣкѣ въ Кіевѣ уже было много христіанъ, и даже кіевская княгиня Ольга приняла крещеніе. Наконецъ въ 988 году принялъ крещеніе и самъ кіевскій великій князь Владиміръ, внукъ княгини Ольги, прозванный Святымъ. Вмѣстѣ съ нимъ крестилась его дружина, и съ тѣхъ поръ христіанство стало распространяться по всей русской землѣ.

Итакъ, христіанство перешло къ намъ изъ Греціи и перешло, разумѣется, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ оно было тамъ; оно перешло къ намъ со всѣми греческими церковными порядками, съ архіереями, митрополитами и монастырями.

Христіане первыхъ вѣковъ жили маленькими общинами, собирались въ простыхъ домахъ для чтенія евангелія и тайной вечери и терпѣли всякія гоненія отъ римскихъ императоровъ. Съ тѣхъ поръ и до крещенія Руси прошло около тысячи лѣтъ, а за это время многое успѣло измѣниться въ самой христіанской церкви.

Въ первыя времена христіанства церковью называлось собраніе вѣрующихъ. Каждая христіанская община была церковью. Были такія церкви въ Римѣ, въ Сиріи, въ Коринѳѣ, въ Македоніи, въ Египтѣ. Въ каждой церкви всѣ были равны другъ другу, всѣ называли другъ друга братьями и сестрами. Вѣрующіе выбирали среди самихъ же себя пресвитеровъ, то есть старшихъ, для наблюденія за порядкомъ. Эти пресвитеры назывались также епископами. Слова *пресвитеръ* и *епископъ* греческія; *пресвитеръ* значитъ по-гречески *старѣйшій*, а *епископъ* значитъ по-гречески *блюститель*. Богослуженіе состояло въ чтеніи евангелія, въ пѣніи духовныхъ пѣсенъ и въ совершеніи тайной вечери. Вначалѣ даже имущество у христіанъ было общее, а для завѣдыванія этимъ общимъ имуществомъ выбирался *дьяконъ*, что значитъ по-гречески *служитель, управляющій*.

Христіанство зародилось впервые, какъ извѣстно въ Палестинѣ, въ Римской Имперіи. Римская Имперія охватывала тогда много странъ; ей принадлежала Греція, Сирія,

Палестина съ Іерусалимомъ, Египетъ и много другихъ земель. Когда на землѣ появился Христосъ, римскимъ губернаторомъ въ Палестинѣ былъ Пилатъ. Онъ и передалъ Христа на судъ еврейскимъ первосвященникамъ. Христіанство возникло, слѣдовательно, въ Римской Имперіи. Прежде всего оно распространилось, конечно, среди евреевъ. Всѣ ученики Христа и всѣ апостолы были евреи. Такъ какъ евреи жили тогда по всей громадной Римской Имперіи, то черезъ нихъ и христіанство быстро распространилось по всему этому огромному пространству.

Ученіе Христа было обращено къ бѣднымъ и страждущимъ. „Прійдите ко мнѣ всѣ страждущіе и обремененные и Азъ успокою вы», говорилъ Христосъ. Всѣмъ извѣстны слова Христа о богатыхъ. Извѣстно также, что Христосъ отвергалъ господство сильныхъ и власть человѣка надъ человѣкомъ. „Вы знаете, говорилъ онъ своимъ ученикамъ, что почитающіеся князьями народовъ господствуютъ надъ ними, и вельможи ихъ властвуютъ надъ ними; но между вами да не будетъ такъ.“ (*Евангеліе отъ Марка*, гл. 10, стихъ 42—43).

Поэтому первые христіане, хорошо знавшіе истинное ученіе Христа и помнившіе его проповѣдь, сторонились отъ окружавшей ихъ римской жизни со всѣми ея порядками: съ ея императоромъ, губернаторами и всякимъ начальствомъ. Они не хотѣли служить въ войскахъ, не хотѣли воздавать божескія почести римскому императору, не хотѣли присутствовать при римскомъ богослуженіи. Тогда римскія власти стали принуждать ихъ силой исполнять обряды римской религіи, точно такъ же какъ теперь у насъ принуждаютъ штундистовъ, духоборовъ и другихъ христіанъ, вѣрующихъ въ Евангеліе, ходить въ церковь и покланяться иконамъ, въ которыя они не вѣрятъ. Но такъ какъ никого нельзя заставить силой вѣрить противъ его разума и совѣсти; то это и тогда ничему не помогало, и число христіанъ все увеличивалось, несмотря на ссылки и пытки.

Увидѣвъ это, римскіе императоры сочли выгоднымъ для себя вступить въ соглашеніе съ христіанскою церковью.

Это было нетрудно для нихъ, потому что съ теченіемъ времени и въ самой церкви произошли большія перемѣны: сущность ученія Христа была забыта многими христіанами,

и въ тогдашней христіанской церкви на первое мѣсто выступили обряды и пышное богослуженіе.

Когда число христіанъ возросло, то епископы, особенно въ большихъ городахъ: въ Антіохіи, Римѣ, въ Царьградѣ, Іерусалимѣ и во многихъ другихъ, старались усилить свою власть и уже стали называться патріархами. Теперь они уже не только не выбирались вѣрующими, но сами назначали епископовъ въ другіе города; пресвитеры и дьяконы также уже не выбирались, а назначались епископами. Появилось церковное начальство; духовенство отдѣлилось отъ народа; церковь отдѣлилась отъ вѣрующихъ. Епископы съѣзжались на соборы и издавали церковные законы; всѣ вѣрующіе должны были подчиняться этимъ законамъ, а кто не подчинялся, того объявляли еретикомъ и подвергали гоненію.

Съ другой стороны, когда епископы обратились сами въ начальство, то они стали поддерживать свѣтское начальство и всѣ римскіе порядки; они даже просили помощи у римскаго начальства, когда надо было преслѣдовать несогласныхъ съ ними христіанъ. При такомъ положеніи дѣла, римскимъ императорамъ легко было вступить въ соглашеніе съ христіанскою церковью и даже самимъ принять христіанство. Отъ этого ничего не измѣнялось ни въ ихъ жизни, ни въ ихъ государствѣ. Все оставалось по прежнему. По прежнему были вельможи и простолюдины, богатые и бѣдные, властители и рабы; передъ императоромъ по прежнему всѣ падали на колѣни, и онъ по прежнему могъ казнить и посылать въ тюрьмы кого хотѣлъ, по своему усмотрѣнію. Измѣнилось только то, что вмѣсто языческаго храма онъ ходилъ теперь въ раззолоченный христіанскій храмъ, гдѣ служили архіереи въ пышныхъ, раззолоченныхъ одеждахъ и гдѣ ему оказывались всяческія почести. Не императоры подчинились ученію Христа, а христіанская церковь приспособилась къ императору и ко всѣмъ старымъ римскимъ порядкамъ.

Въ это же самое время громадная Римская Имперія распалась на двѣ части: на Восточную или Византійскую Имперію и на Западную Имперію. Въ Восточной Имперіи столицей былъ Константинополь или Царьградъ, а въ Западной Имперіи столицей былъ Римъ.

Римскій патріархъ или папа считалъ себя самымъ старшимъ патріархомъ, преемникомъ апостола Петра, который основалъ первую церковь въ Римѣ. Поэтому онъ требовалъ, чтобы всѣ другіе патріархи подчинялись ему. Онъ говорилъ, что самъ Христосъ сказалъ Петру, что онъ— тотъ камень, на которомъ будетъ утверждена церковь, а римскій папа — преемникъ Петра. Но восточные патріархи не захотѣли подчиниться римскому патріарху. Вслѣдствіе этого произошелъ расколъ, и христіанская церковь также раздѣлилась на двѣ церкви: западную — римско-католическую и восточную — византійскую или греческую. Каждая изъ нихъ называла и называетъ себя до сихъ поръ истинно-православною. Въ этотъ онѣ очень походятъ одна на другую, и вообще между ними гораздо больше сходства нежели различія.

Мы уже сказали, что Россія приняла греческую или византійскую вѣру со всѣми ея церковными порядками, и мы увидимъ, что русское духовенство, подобно византійскому, всегда поддерживало свѣтскую власть и всегда заботилось болѣе всего о своихъ собственныхъ церковныхъ выгодахъ. Попадались, конечно, и среди русскаго духовенства истинные христіане, какъ напримѣръ отшельникъ Нилъ Сорскій, старецъ Вассіанъ Патрикѣевъ, митрополитъ Филиппъ; но такихъ было немного. Большинство же духовенства примкнуло не къ страждущимъ и обремененнымъ, а къ сильнымъ и богатымъ, и всегда поддерживало и защищало ихъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Татарское нашествіе и его послѣдствія.

Въ степяхъ средней Азіи. къ сѣверу отъ Китая, за озеромъ Байкаломъ, кочевало многочисленное племя монголовъ или татаръ. Въ началѣ тринадцатаго вѣка одинъ изъ ихъ хановъ, Темучинъ, прозванный *Чингизъ-Ханомъ* или *великимъ ханомъ*, покорилъ всѣхъ другихъ хановъ и собралъ подъ свое владычество все монгольское племя. Затѣмъ онъ началъ завоевывать другія азіатскія страны и сдѣлался повелителемъ необозримыхъ пространствъ. Онъ уже считалъ себя какъ бы владѣльцемъ всего міра и, уми-

рая, отдалъ всю страну къ западу отъ Урала и Каспійскаго моря, т. е. всю Русскую землю, во владѣніе своему внуку Батыю, хотя страна эта еще не была завоевана имъ.

Татары, впрочемъ, еще при жизни Чингизъ-Хана проникли въ южныя степи Росссіи, гдѣ тогда кочевали половцы, смѣнившіе печенѣговъ. Половцы обратились за помощью къ русскимъ князьямъ. Русскіе князья соединили свои дружины и пошли вмѣстѣ съ половцами на встрѣчу татарамъ. Татары отступали и заманивали русскихъ. Храбрѣйшій изъ русскихъ князей, Мстиславъ Удалой, съ передовымъ отрядомъ, неосторожно отдѣлился отъ главной рати и былъ разбитъ при рѣчкѣ Калкѣ; затѣмъ были разбиты и половцы; они бросились бѣжать и привели въ разстройство всю русскую рать. Пораженіе было полное. Это произошло въ 1224 году. Но на этотъ разъ татары ушли обратно за Уралъ; это были только передовые отряды Чингизъ-Хана. Главное нашествіе совершилось черезъ тринадцать лѣтъ, въ 1237 году, когда внукъ Чингизъ-Хана, Батый, рѣшилъ завоевать отданную ему въ наслѣдство страну, на западъ отъ Урала.

Татарское нашествіе совершилось внезапно. Никто не ожидалъ, никто не предвидѣлъ этого удара. На Руси не знали, что происходило въ Азіи, и не имѣли понятія о томъ, какія силы были собраны у Чингизъ-Хана и его наслѣдниковъ.

Батый съ несмѣтною ордою переправился въ началѣ зимы 1237 года черезъ Волгу, подошелъ къ Рязанскому княжеству и потребовалъ дани. Рязанскіе князья отвѣтили: «Когда насъ не будетъ въ живыхъ, все будетъ ваше». Тогда началось разореніе и опустошеніе. Первою была взята Рязань, потомъ Москва, Владиміръ, Суздаль и такъ далѣе. Русскіе города защищали свою свободу съ изумительнымъ мужествомъ. Ни одинъ городъ не сдался добровольно татарамъ. А у татаръ было такое правило: если побѣжденные покоряются, щадить ихъ; если же сопротивляются — истреблять всѣхъ безъ разбора, отъ мала до велика. Русь сопротивлялась съ крайнимъ упорствомъ и потому была опустошена до послѣдней степени. Завоеватели должны были брать города приступомъ, и жители ихъ погибали въ отчаянной борьбѣ. «Лучше быть потяту (убиту), чѣмъ по-

лонёну», говорится въ одной старинной пѣснѣ. Небольшой городъ Козельскъ защищался семь недѣль, а когда былъ взятъ, то тамъ была такая рѣзня, что кровь текла ручьемъ по улицамъ, и малолѣтній князь Василій захлебнулся кровью. Татары прозвали Козельскъ «злымъ городомъ». Изъ русскихъ женщинъ только немногія попадались въ плѣнъ; иныя спасались отъ плѣна самоубійствомъ. Многіе жители разбѣгались по лѣсамъ, но и тамъ погибали отъ голода и холода. Кромѣ Новгорода, Смоленска и бѣлорусскихъ княжествъ, куда не заходили татары по причинѣ лѣсовъ и болотъ, въ остальной Руси едва ли осталась въ живыхъ десятая часть жителей. Кіевъ былъ взятъ въ 1240 году и превращенъ въ груду развалинъ. Цѣлыхъ четыре года опустошалъ и завоевывалъ Батый русскія княжества. Потомъ вернулся въ степи и расположилъ свою главную стоянку въ низовьяхъ Волги. Здѣсь, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь городъ Царевъ, была основана ханская столица «Золотая Орда».

Такъ произошло покореніе Руси татарами. Изъ свободной страны она стала теперь улусомъ ордынскаго царя. Всѣ русскіе люди, отъ князя и до простого работника, стали теперь его рабами. Прежняя вольная жизнь исчезла. Начались новые порядки.

Уцѣлѣвшіе князья стали ѣздить въ Золотую Орду на поклонъ къ хану, и ханъ отдавалъ имъ ихъ княженія въ вотчину, то есть въ наслѣдственное владѣніе. Теперь они были уже не выборные князья свободной земли, а ханскіе ставленники, татарскіе слуги. Татары не хотѣли сами управлять завоеванной страной; они сами жили попрежнему въ степяхъ и желали только собирать дань съ русскаго народа; а это имъ было всего удобнѣе дѣлать черезъ русскихъ князей. Ханы принимали покорныхъ князей радушно и милостиво и раздавали имъ русскія княжества, но только требовали отъ нихъ полнаго повиновенія; а кто не оказывалъ повиновенія, съ тѣмъ расправлялись жестоко. Князья сразу поняли, что теперь ихъ княженіе зависитъ отъ воли хана, какъ прежде оно зависѣло отъ согласія народнаго вѣча. И вотъ стали князья ѣздить въ Золотую Орду на поклонъ и добиваться княженія. Но татары хорошо понимали, что покорность князей подневольная и что

за ними нуженъ надзоръ. Тогда ханъ сталъ назначать одного изъ князей старшимъ надъ всѣми. Всѣ другіе князья должны были повиноваться этому старшему или великому князю; а если кто-нибудь его не слушался, то ханъ посылалъ въ помощь ему татарское войско. И вотъ началась большая вражда и соперничество между русскими князьями; каждый изъ нихъ старался угодить хану и получить отъ него ярлыкъ на великое княженіе. Они женились на ханскихъ дочеряхъ, раздавали подарки ханскимъ любимцамъ и при случаѣ не щадили ни другихъ князей, ни своего народа.

Самыми хитрыми изъ всѣхъ князей оказались московскіе. Они лучше другихъ умѣли угождать татарамъ. Другіе князья иногда вспоминали свою свободу, говорили о своихъ предкахъ, а московскіе князья просили у хана только милости: «Ты вольный царь, говорили они; ты воленъ въ своемъ улусѣ; кого восхочешь, того и пожалуешь».

Татарамъ нравилась такая покорность, и они возвышали московскихъ князей надъ всѣми другими князьями и поручали имъ собирать дань. Московскіе князья пользовались и этимъ. Они собирали больше дани, чѣмъ требовали татары, и часть оставляли себѣ. Такъ они богатѣли, а разбогатѣвъ, скупали у бѣдныхъ князей ихъ села и земли, и увеличивали свои владѣнія. Иногда же присоединяли къ себѣ силою другія княжества, и никто не могъ имъ противиться, потому что за нихъ стоялъ ханъ, а ханъ былъ господинъ русской земли; надъ русскою землею тяготѣло теперь татарское иго.

Въ чемъ же заключалось это татарское иго? Самихъ татаръ не было на Руси. Они разорили страну и ушли назадъ въ степи. Но они поставили вмѣсто себя своихъ намѣстниковъ русскихъ князей; черезъ нихъ они и правили Русью, черезъ нихъ они и наложили на Русь неволю. Татарское иго заключалось въ новомъ татарскомъ управленіи, которое замѣнило собою прежнее вѣчевое управленіе. Прежде князь управлялъ съ согласія вѣча; теперь власть князя уже не зависѣла отъ вѣча; она была дана ему татарами. Ханъ былъ полный господинъ надъ княземъ, а князь былъ полный господинъ въ своемъ княжествѣ. Въ этомъ и заключалось татарское иго. Оно заключалось въ самовластіи князей и въ порабощеніи народа.

Теперь разскажемъ подробнѣе, какими путями возвышалась Москва, и какъ вмѣсто многихъ выборныхъ князей на Руси сдѣлался одинъ не выбранный, а самовластный князь или царь.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Возвышеніе московскихъ князей.

Первымъ старшимъ или великимъ княземъ, поставленнымъ татарами, былъ Александръ Невскій. Сынъ его, Данила, былъ московскимъ княземъ. Послѣ смерти Данилы московскимъ княземъ сдѣлался старшій сынъ его Юрій. Великое княженіе получилъ тогда въ Ордѣ тверской князь Михаилъ. Съ этого времени и началась жестокая борьба за великое княженіе между тверскими и московскими князьями.

Юрій самъ поѣхалъ въ Орду, вошелъ въ милость къ хану Узбеку, женился на его сестрѣ Кончакѣ и вернулся въ Москву съ татарскимъ войскомъ. Вернувшись, онъ началъ войну съ тверскимъ княземъ Михаиломъ, но потерпѣлъ пораженіе. Рать его была разбита, а жена его Кончака, попалась въ плѣнъ къ Михаилу и скоро умерла въ плѣну; прошелъ слухъ, что она была отравлена. Тогда Юрій поспѣшилъ въ Орду жаловаться хану. Ханъ вызвалъ къ себѣ Михаила, обвинилъ его въ смерти своей сестры и велѣлъ убить, а великимъ княземъ назначилъ московскаго князя Юрія. Но сынъ убитаго Михаила, Димитрій, по прозванію Грозныя Очи, отомстилъ Юрію за смерть своего отца и самъ убилъ его, за что и былъ казненъ ханомъ. Тогда московскимъ княземъ сдѣлался братъ Юрія, Иванъ Даниловичъ Калита, а Тверскимъ княземъ—братъ Димитрія, Александръ.

Александръ пообѣщалъ хану собирать съ своего народа двойную дань и за это получилъ ярлыкъ на великое княженіе. Но ханъ не довѣрялъ Александру и послалъ въ Тверь наблюдать за нимъ своего чиновника Чолкана съ толпою вооруженныхъ татаръ. Эти татары, по привычкѣ обращаться съ русскими, какъ съ рабами, производили въ Твери разныя безчинства и раздражали народъ. Князь приказывалъ народу терпѣть; но у тверичанъ не стало силы

терпѣть. Какъ-то разъ татары захотѣли отнять у діакона Дюдка молодую кобылу. Діаконъ крикнулъ кличъ къ народу. Ударили въ вѣчевой колоколъ. Сбѣжался народъ и перебилъ татаръ.

Московскій князь Иванъ Калита, какъ только услыхалъ о томъ, что произошло въ Твери, поспѣшилъ въ Орду, получилъ тамъ ярлыкъ на великое княженіе и пошелъ съ татарами наказывать Тверь. Татаръ съ нимъ было пятьдесятъ тысячъ. Проходя по Суздальской Области, онъ потребовалъ, чтобы суздальскій князь присоединился къ нему, и суздальскій князь не посмѣлъ ослушаться. Эта соединенная рать татаръ и русскихъ зимою вошла въ тверскую землю и стала жечь города и села, убивать жителей, старыхъ и малыхъ. Князь Александръ съ братомъ Константиномъ бѣжали въ Псковъ. Такъ разорены были Кашинъ и Тверь; вся тверская область была опустошена и обезлюдѣла.

Расправившись съ Тверью, Иванъ поѣхалъ въ Орду явиться къ Узбеку. Узбекъ очень хвалилъ его, и съ тѣхъ поръ положеніе Ивана стало еще крѣпче. Тогда же явился къ Узбеку съ поклономъ братъ Александра тверского, Константинъ. Узбекъ принялъ его милостиво и утвердилъ на тверскомъ княженіи, но приказалъ Ивану, а съ нимъ и всѣмъ русскимъ князьямъ отыскать Александра и предоставить въ Орду на расправу. По ханскому приказу, Иванъ съ митрополитомъ Ѳеогностомъ, суздальскимъ княземъ и тверскимъ княземъ Константиномъ пріѣхалъ въ Новгородъ, а оттуда послалъ къ Александру пословъ. Александръ уже согласился было ѣхать къ хану, «чтобы не давать христіанъ на погибель поганымъ»; но псковичи удержали его и говорили: «Не ѣзди, господине, въ Орду; чтобы съ тобою ни было, за одно умремъ съ тобою».

Получивъ отказъ, Иванъ пошелъ ратью на Псковъ, а митрополитъ Ѳеогностъ, въ угожденіе Ивану, наложилъ на псковичей проклятіе и отлученіе отъ церкви. Тогда Александръ уѣхалъ въ Литву.

Митрополиты раньше жили въ Владимірѣ, но потомъ, когда увидѣли усиленіе московскаго князя, переѣхали въ Москву и поддерживали во всемъ московскихъ князей.

Такимъ путемъ Иванъ при помощи татаръ избавился

отъ своего главнаго соперника, тверского князя; теперь онъ уже владѣлъ, кромѣ Москвы, Можайскомъ, Коломною, Рузою, Звенигородомъ и Серпуховымъ. Другіе князья должны были подчиниться Ивану. Суздальскій князь сдѣлался его подручникомъ; по смерти его, Иванъ удержалъ за собою Владиміръ, и новый суздальскій князь долженъ былъ довольствоваться тѣмъ, что ему оставилъ московскій князь. Иванъ отдалъ одну изъ своихъ дочерей за Ярославскаго князя, а другую за Ростовскаго и самовластно распоряжался во владѣніяхъ своихъ зятьевъ. Города Угличъ, Галичъ и Бѣлозерскъ были куплены Иваномъ у ихъ князей; кромѣ того онъ покупалъ многія села.

Но вотъ ему снова стала грозить неожиданная опасность. Бывшій тверской князь Александръ соскучился на чужбинѣ. Онъ послалъ въ Орду своего сына Ѳеодора узнать: есть ли ему надежда получить прощеніе и милость хана Узбека. Ѳеодоръ, вернувшись изъ Орды, принесъ утѣшительныя вѣсти. Тогда Александръ отправился въ Орду и прямо явился къ Узбеку.

Лѣтописцы говорятъ, что онъ произнесъ такую рѣчь: «Господинъ, самовластный царь! если я много дурного сдѣлалъ тебѣ, то теперь пришелъ принять отъ тебя либо жизнь, либо смерть. Какъ Богъ тебѣ на душу положитъ, а я на все готовъ!»

Узбеку понравилась такая прямота и покорность. Онъ простилъ Александру, оказалъ ему большой почетъ и отпустилъ домой съ правомъ снова сѣсть на княженіе въ Твери. Братъ его, Константинъ, владѣвшій Тверью, уступилъ ему княженіе добровольно.

Возвращеніе Александра было сильнымъ ударомъ для московскаго князя. Его заклятый врагъ пріобрѣлъ опять милость хана и могъ теперь вредить ему. Тогда Иванъ Даниловичъ поспѣшилъ въ Орду и взялъ съ собою своихъ сыновей, чтобъ представить хану, какъ будущихъ вѣрныхъ татарскихъ слугъ. Пріѣхавъ въ Орду съ подарками, онъ старался всѣми мѣрами очернить и оклеветать тверского князя, и это ему удалось. Узбекъ послалъ своего приближеннаго, Истрочея, звать Александра. По совѣту Ивана, Истрочей говорилъ Александру, что ханъ хочетъ оказать ему почетъ и сдѣлать его великимъ княземъ. Но Александръ

догадался, что тутъ что то не такъ. „Ежели я пойду въ Орду, говорилъ онъ своимъ, то буду преданъ смерти, а ежели не пойду, то придетъ татарская рать и много христіанъ будетъ убито и взято въ плѣнъ. Ужъ лучше мнѣ одному принять смерть.“ И онъ поѣхалъ.

Когда Александръ прибылъ въ Орду, то татары, расположенные къ нему, извѣстили его, что дѣло плохо: „Царь хочетъ тебя убить, сказали они. Тебя крѣпко оклеветали передъ нимъ!“ Александръ цѣлый мѣсяцъ въ тревогѣ ждалъ своей участи. Наконецъ явились ханскіе посланцы, Берканъ и Черкасъ, схватили князя и повели къ ханскому вельможѣ Тавлугбегу. „Убейте его!“—приказалъ Тавлугбегъ. Татары повалили на землю Александра и сына его Ѳеодора, убили ихъ, а потомъ отрубили имъ головы.

Въ Москвѣ было тогда великое веселіе и радость. Иванъ Калита не только избавился отъ своего врага, но снова пріобрѣлъ большое довѣріе къ себѣ татарскаго хана. Теперь онъ могъ быть спокоенъ не только за себя, но и за своихъ сыновей. Онъ оставилъ ихъ въ Ордѣ. Послѣ смерти Александра, они вернулись изъ Орды съ большою честью.

Такъ усиливался и возвышался московскій князь. Опираясь на татаръ, онъ ослабилъ и подчинилъ себѣ другихъ князей, а чтобъ достигнуть этого, не страшился приводить татарское войско и опустошать русскую землю. Послѣ смерти Ивана Калиты, также поступали и его сыновья. Вскорѣ московскіе князья уже присоединили къ своимъ владѣніямъ всѣ окружающія княжества и стали самовластно распоряжаться на Руси. Они уже переняли у татаръ самовластные обычаи. Посланный въ Ростовъ отъ Ивана Калиты боярин Кочева свирѣпствовалъ надъ жителями, а одного старѣйшаго боярина, по имени Аверкія, приказалъ всенародно повѣсить за ноги и нещадно бить палками. Появилась и смертная казнь, о которой раньше не было слыхано на Руси. Въ 1379 году въ Москвѣ въ первый разъ была совершена всенародно смертная казнь: отрубили голову сыну послѣдняго московскаго тысяцкаго, командовавшаго прежде земскою ратью. Появилось и битье кнутомъ, позорная торговая казнь. Этого рода наказаніе тоже было неизвѣстно въ древней Руси; оно стало входить въ обычай при сынѣ

Димитрія Донского. Да и самое слово *кнутъ* не русское, а татарское.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Подчиненіе Новгорода и Пскова.

Ничто теперь не мѣшало самовластію московскаго князя на Руси. Только въ одномъ сѣверо-западномъ углу Россіи оставались еще вольные вѣчевые города, не разоренные татарами, Новгородъ и Псковъ. Тамъ еще держались прежніе вѣчевые порядки; новгородцы и псковичи еще не считали себя холопами московскаго князя. Новгородъ особенно дорожилъ своей свободой. Это былъ большой и богатый городъ; онъ велъ большую морскую торговлю съ нѣмецкими городами и владѣлъ обширными землями въ теперешней Вологодской и Пермской губерніяхъ, по Двинѣ, Печорѣ и Камѣ. Оттуда къ нему шли пушные товары, а изъ Сибири къ нему шло за-камское серебро.

Но свобода не уживается рядомъ съ самовластіемъ. Или то, или другое должно погибнуть. И вотъ московскіе князья начали долгую борьбу съ Новгородомъ и Псковомъ.

Еще Александръ Невскій заставилъ ихъ, по требованію татаръ, платить дань вмѣстѣ съ другими русскими землями. Они согласились на это, но удержали свое прежнее правленіе: выбирали своего посадника, сами призывали къ себѣ князей.

Въ 1332 году Иванъ Калита вернулся изъ Орды, гдѣ сильно поистратился на подарки, и сталъ придумывать, какъ бы ему добыть денегъ. Онъ вспомнилъ, что у новгородцевъ есть закамское серебро. Въ сибирскихъ странахъ, за рѣкою Камою, съ незапамятныхъ временъ добывали серебряную руду. Новгородъ, какъ мы уже сказали, владѣлъ тогда Двинскою и Пермскою областями, а отчасти и зауральскою страною, и получалъ оттуда серебро. Иванъ Даниловичъ потребовалъ отъ Новгорода этой статьи дохода, а въ видѣ залога захватилъ города Торжокъ и Бѣжецкій Верхъ. Новгородцы послали къ нему своего архіепископа и предлагали взять пятьсотъ рублей серебра, *) но онъ не согласился на миръ.

*) Тогдашній рубль равнялся полфунту серебра.

Тогда новгородцы заключили союзъ съ литовскимъ княземъ Гедиминомъ и призвали къ себѣ въ князья сына его Наримонта, нарѣченнаго при крещеніи Глѣбомъ. Иванъ Даниловичъ испугался этого союза, потому что Гедиминъ былъ очень сильный и воинственный литовскій князь. Испугавшись, онъ самъ пріѣхалъ въ Новгородъ и заключилъ съ новгородцами миръ. Въ Новгородѣ была по этому случаю большая радость.

Но черезъ три года Иванъ Даниловичъ внезапно нарушилъ миръ и послалъ свое войско захватить новгородскія земли по рѣкѣ Двинѣ. Однако это покушеніе не удалось. Московское войско было разбито новгородцами и вернулось со срамомъ.

Внукъ Ивана Калиты, Димитрій Донской, при которомъ Москва была разорена татарами, также захотѣлъ поправить свою казну насчетъ Новгорода. Онъ собралъ большую рать и подъ тѣмъ предлогомъ, что новгородскіе ушкуйники †) ограбили Кострому и Ярославль, двинулся зимою 1386 года въ походъ, сожигая и разоряя новгородскія села. Новгородцы выслали къ нему своихъ пословъ просить мира и предлагали заплатить 8000 рублей. Димитрій не принялъ просьбы, грозилъ идти далѣе и взять Новгородъ. Новгородцы рѣшили защищаться до послѣдняго; всѣ годные къ войнѣ взялись за оружіе. Но они все-таки послали еще разъ къ Димитрію двухъ архимандритовъ, семь поповъ и пять богатыхъ жителей отъ пяти концовъ города просить мира. Димитрій разсудилъ, что его упорство можетъ довести новгородцевъ до отчаянія, и согласился взять 8000 руб., но кромѣ того выговорилъ, чтобы новгородцы платили ему ежегодную дань.

Черезъ семьдесятъ лѣтъ послѣ того, внукъ Димитрія Донского, Василій Темный, нанесъ Новгороду новый ударъ. Онъ объявилъ Новгороду войну и разбилъ новгородское войско. Новгородцы должны были просить мира. Москов-

†) Ушкуйниками называлась новгородская вольница. Еще изстари новгородскіе смѣльчаки, преимущественно изъ молодежи, спускались въ своихъ лодкахъ (ушкуяхъ) внизъ по большимъ рѣкамъ и проникали далеко въ земли инородцевъ. Они именно пріобрѣли Новгороду Двинскую, Пермскую и Вятскую области. Нерѣдко они занимались и грабежемъ.

скій князь заставилъ заплатить 16,000 рублей, обязалъ вносить ежегодную подать и кромѣ того обязалъ новгородцевъ не писать больше вѣчевыхъ грамотъ отъ имени «Господина Великаго Новгорода», какъ писали до тѣхъ поръ, а писать грамоты отъ имени великаго князя Московскаго и употреблять великокняжескую печать. Это уже значило отказаться отъ своей свободы и предвѣщало скорое паденіе Новгорода.

Новгородцы чувствовали близкую бѣду и ненавидѣли московскаго князя. Въ 1460 году Василій Темный пріѣхалъ въ Новгородъ съ сыновьями Юріемъ и Андреемъ. Новгородцы собрались на вѣче и замышляли убить его съ дѣтьми. Но архіепископъ новгородскій Іона отговорилъ ихъ: «Изъ этого намъ не будетъ пользы, говорилъ онъ; останется еще одинъ сынъ, старшій Иванъ. Онъ выпроситъ у хана войско и разоритъ насъ.»

Этотъ самый старшій сынъ Василія Темнаго, Иванъ Васильевичъ, и нанесъ Новгороду послѣдній ударъ. Еще при отцѣ его въ Новгородѣ были смѣлые люди, думавшіе о томъ, какъ имъ спасти свою родину отъ московскаго самовластія. Во главѣ этихъ людей была богатая вдова посадника, Марѳа Борецкая и два ея сына, Димитрій и Ѳедоръ. Такъ какъ было ясно, что Новгородъ не въ силахъ самъ защитить себя отъ Москвы, то сторонники Марѳы Борецкой хотѣли искать помощи у князя литовскаго Казимира, который былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и королемъ польскимъ.

Иванъ Васильевичъ узналъ объ этомъ и послалъ сказать новгородцамъ: «Люди новгородскіе, исправьтесь, помните, что Новгородъ—вотчина великаго князя, не творите лиха, живите по старинѣ.»

Новгородцы собрались на вѣче и дали такой отвѣтъ: «Новгородъ не вотчина великаго князя; Новгородъ самъ себѣ господинъ.»

Сторонники Марѳы Борецкой настояли на томъ, чтобы заключить договоръ съ Казимиромъ, и Казимиръ обязался охранять Новгородъ отъ московскаго великаго князя.

Тогда Иванъ Васильевичъ собралъ большую рать и отправилъ ее въ новгородскія земли съ приказаніемъ сжигать всѣ новгородскіе пригороды и селенія и убивать безъ

разбора старыхъ и малыхъ. Цѣль его было обезсилить новгородскую землю.

Новгородцы выслали свое войско, но оно было разбито. Четыре его предводителя, и въ томъ числѣ Дмитрій Борецкій, попались въ плѣнъ. Имъ отрубили головы.

Тогда Иванъ Васильевичъ двинулся къ Новгороду. Новгородцы ждали помощи отъ Казимира, но ихъ послы были перехвачены, и помощь не приходила. Народъ пришелъ въ отчаяніе и отправилъ своего архіепископа просить у великаго князя пощады.

Московскій князь потребовалъ, чтобы Новгородъ отрекся отъ Казимира, уступилъ Москвѣ часть Двинской земли, заплатилъ 15,000 рублей дани и не писалъ больше вѣчевыхъ грамотъ.

Въ эту войну новгородская земля была такъ разорена и обезлюжена, что московскому князю стало еще легче справиться съ нею.

Въ слѣдующемъ году онъ отнялъ у Великаго Новгорода Пермь, а еще черезъ четыре года, воспользовавшись тѣмъ, что новгородцы казнили трехъ его приверженцевъ, онъ снова двинулся съ войскомъ наказывать Новгородъ огнемъ и мечемъ. Московскіе отряды были распущены по всей новгородской землѣ и должны были жечь людскія поселенія и истреблять жителей. Затѣмъ великокняжеское войско захватило подгородные монастыри и окружило городъ.

Народъ не въ силахъ былъ защищаться оружіемъ, помощи ему было не у кого просить, и ни откуда она не могла придти. Городъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ.

Архіепископъ съ послами снова поѣхалъ въ станъ великаго князя и объявилъ, что Новгородъ соглашается на все.

Новгородцы были приведены къ присягѣ на полное повиновеніе великому князю. Каждый новгородецъ обязанъ былъ доносить на другого новгородца, если услышитъ отъ него что-нибудь о великомъ князѣ хорошаго или худого. Вѣчевой колоколъ былъ снятъ и отвезенъ въ московскій станъ.

Великій князь велѣлъ схватить, заковать и отправить въ Москву главныхъ защитниковъ новгородской свободы и

въ томъ числѣ Марѳу посадницу, а имущество ихъ отписать на себя.

Черезъ годъ, узнавъ, что новгородцы снова замышляютъ избавиться отъ его власти, Иванъ опять собралъ войско и пошелъ на Новгородъ. Новгородцы прогнали московскихъ намѣстниковъ, возобновили вѣчевой порядокъ и снова избрали посадника и тысяцкаго. Но послѣ недолгой обороны, они сдались и отворили ворота. Иванъ велѣлъ схватить сто пятьдесятъ главныхъ заговорщиковъ и подвергнуть ихъ пыткѣ, а потомъ казнить.

Вслѣдъ затѣмъ болѣе восьми тысячъ семей самыхъ зажиточныхъ гражданъ были выведены изъ Новгорода и поселены въ московскихъ земляхъ, а все имущество ихъ отписано на великаго князя. Многіе изъ сосланныхъ умерли въ дорогѣ, такъ какъ ихъ погнали, не давши собраться. Вмѣсто вывезенныхъ новгородскихъ жителей, въ Новгородѣ поселили москвичей.

Такъ расправились московскіе князья съ Новгородомъ. Та же участь постигла и Псковъ. Съ нимъ покончилъ сынъ Ивана Васильевича, Василій Ивановичъ. Въ 1510 году псковичей заставили принести присягу московскому князю и сняли ихъ вѣчевой колоколъ. Псковичи плакали по своей волѣ. „Развѣ только грудной младенецъ не плакалъ“, говоритъ лѣтописецъ. До трехсотъ наиболѣе зажиточныхъ семействъ было отправлено въ Москву, а ихъ земли и дворы розданы московскимъ людямъ.

Съ уничтоженіемъ свободы исчезло и богатство Новгорода и Пскова; торговля почти прекратилась, такъ какъ московскіе намѣстники грабили нѣмецкихъ купцовъ, и тѣ перестали ѣздить. Послѣ паденія Кіева, Новгородъ одинъ связывалъ Русь съ другими государствами. Сюда пріѣзжали иноземные купцы, привозили заграничные товары, и русскіе узнавали отъ нихъ о томъ, что дѣлалось на бѣломъ свѣтѣ. Послѣ паденія Новгорода все это прекратилось, и Русь была надолго отрѣзана отъ остального міра; только Петръ Великій снова и съ большимъ трудомъ установилъ сношенія между Россіей и другими государствами или, какъ сказалъ Пушкинъ, прорубилъ окно въ Европу.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Паденіе татарскаго ига.

Въ то время какъ московскіе князья всякими неправдами усиливали свою власть и забирали въ свои руки всѣ русскія земли, огромное татарское царство, растянувшееся по всей Волгѣ и по всему Черному морю, все больше и больше разстраивалось и распадалось. Въ немъ шли внутренніе раздоры. Чанибека, сына Узбека, убилъ его же сынъ Бердибекъ; а Бердибека убилъ полководецъ Наврусъ и объявилъ себя ханомъ. Но вскорѣ и Навруса убилъ другой полководецъ, Хидырь, который также объявилъ себя ханомъ: затѣмъ убили и Хидыря. Орда раздѣлилась; въ ней появилось разомъ два хана. Одного изъ нихъ поддерживалъ сильный полководецъ Мамай. Въ Москвѣ въ это время не знали, что дѣлать: у котораго изъ хановъ просить велико-княжескаго ярлыка и которому посылать подарки. Вскорѣ ярлыкъ на великое княжество удалось получить у Мамая тверскому князю. Тверской князь объявилъ тогда московскому князю, Димитрію Донскому, войну, но былъ разбитъ и долженъ былъ заключить миръ. Между тѣмъ Мамай, который теперь уже самъ сдѣлался ханомъ, захотѣлъ наказать московскаго князя за то, что тотъ поставилъ ни во что его ярлыкъ, данный тверскому князю; онъ послалъ на него мурзу Бегича съ отрядомъ. Московскій князь, Димитрій, прозванный потомъ Донскимъ, вышелъ навстрѣчу татарскому отряду и разбилъ его на берегахъ Вожи (въ Рязанской землѣ). Москвичи уже перестали страшиться хана, думая, что онъ теперь не опасенъ.

Тогда Мамай задумалъ напомнить русскимъ батыевщину и собралъ огромную орду. Но и на Руси у всѣхъ загорѣлось желаніе освободиться отъ татаръ.

Московскому князю не приходилось понуждать ратныхъ людей: всѣ спѣшили сами, изо всѣхъ княжествъ. Лѣтописецъ говоритъ, что у Димитрія собралось 150,000 воиновъ.

Русскіе встрѣтились съ полчищами Мамая на Куликовомъ полѣ, при впаденіи Непрядвы въ Донъ, 6 сентября 1380 года. Въ первомъ часу началась сѣча, какой, по

словамъ лѣтописца, еще не бывало на Руси. На десять верстъ огромное Куликово поле было покрыто воинами. Кровь лилась дождевыми потоками; все смѣшалось, шла рукопашная битва. Въ московской рати было много небывалыхъ въ бою; на нихъ напалъ страхъ, и они обратились въ бѣгство; татары съ страшнымъ крикомъ бросились за ними и били ихъ. Дѣло русскихъ казалось проиграннымъ.

Но на западной сторонѣ поля стоялъ въ засадѣ избранный русскій отрядъ подъ начальствомъ князя Серпуховскаго, Владиміра Андреевича, и литовскаго воеводы Боброка, который пріѣхалъ служить Москвѣ. Увидавъ, что русскіе бѣгутъ, а татары гонятся за ними, Владиміръ Андреевичъ хотѣлъ сейчасъ же ударить на враговъ, но Боброкъ удержалъ его до тѣхъ поръ, пока вся татарская рать не прошла мимо нихъ. Тогда русскій отрядъ стремительно бросился на татаръ, которые совсѣмъ не ожидали нападенія сзади. На все полчище Мамая напалъ страхъ. Поражаемые съ двухъ сторонъ, татары побросали оружіе и побѣжали опрометью. Русскіе гнали татаръ на тридцать верстъ. Побѣда была полная.

Эта побѣда была одержана потому, что всѣ русскія земли: московская, владимірская, суздальская, ростовская бѣлозерская, нижегородская, муромская, псковская и брянская соединились воедино. Это было всенародное ополченіе. Самъ московскій князь былъ тутъ почти не причемъ; о немъ даже не упоминаетъ лѣтописецъ при описаніи битвы. Одна Москва не могла бы побѣдить татаръ, да и московскіе князья не были храбрыми воинами, какъ это скоро и оказалось на дѣлѣ.

Черезъ два года послѣ Куликовской битвы, изъ-за Урала явился потомокъ Батыя, Тохтамышъ. Онъ отнялъ у Мамая ханство и рѣшилъ наказать русскихъ за ихъ неповиновеніе. Собравъ орду, онъ прямо пошелъ на Москву. Московскій князь, Димитрій Донской, вышелъ было навстрѣчу татарамъ, но потомъ испугался и, покинувъ свою столицу, бѣжалъ въ Кострому, гдѣ и заперся. Тохтамышъ подошелъ къ Москвѣ, взялъ ее хитростью и перебилъ все населеніе; городъ былъ сожженъ и разграбленъ. Потомъ татары разсыпались по другимъ городамъ, разорили Звенигородъ, Юрьевъ, Дмитровъ, Можайскъ. Повсюду татары убивали

людей или гнали ихъ толпами въ плѣнъ. Припомнились батыевы времена; только тогда русскіе князья умирали вмѣстѣ съ народомъ, а теперь московскій великій князь сидѣлъ запершись съ семьею въ Костромѣ, а другіе князья также прятались или спѣшили на поклонъ къ разгнѣванному хану. Одинъ Серпуховской князь, Владиміръ Андреевичъ, не измѣнилъ себѣ: выѣхавъ изъ Волоколамска, онъ ударилъ на татарскій отрядъ разбилъ его и взялъ много плѣнниковъ. Этотъ подвигъ такъ испугалъ Тохтамыша, что онъ сейчасъ же сталъ отступать и ушелъ назадъ въ Орду. Но Русь снова была разорена и снова должна была платить татарамъ дань. Московскій князь не съумѣлъ защитить даже своей столицы.

Черезъ двадцать лѣтъ послѣ нашествія Тохтамыша, сынъ Димитрія Донского, Московскій князь Василій опять пересталъ платить дань татарскому хану. Тогда татарскій полководецъ Эдиги неожиданно напалъ на Москву. Подобно отцу, Василій Дмитріевичъ бѣжалъ въ Кострому, поручивъ защиту Москвы тому же храброму Князю Владиміру Андреевичу. Татары не могли взять Кремля, но за то опустошили много русскихъ городовъ и селъ. Послѣ этого Василій ѣздилъ въ Орду, поклонился хану, принесъ ему дань и одарилъ ханскихъ вельможъ.

Прошло еще семьдесять лѣтъ. Въ Москвѣ княжилъ тогда сынъ Василія Темнаго, Иванъ Третій, тотъ самый, который покончилъ съ Новгородомъ. Золотая Орда тогда уже распалась на нѣсколько отдѣльныхъ царствъ: появилось Казанское царство и Крымское царство. Татары такъ ослабѣли, что вятскіе ушкуйники спустились какъ-то по Волгѣ и разграбили ханскую столицу Сарай. Московскій великій князь пересталъ платить дань хану и только изрѣдка посылалъ подарки. Но вотъ ханъ Золотой Орды, Ахматъ, надѣясь на помощь литовскаго князя, собрался въ походъ на Москву. Иванъ Васильевичъ сильно обезпокоился. Онъ не былъ храбръ и вспомнилъ о Тохтамышѣ. Выславъ впередъ войско со своимъ сыномъ, онъ самъ остался въ Москвѣ, жену-же свою Софью отправилъ съ казною на Бѣлоозеро. Народъ узналъ объ этомъ съ недовольствомъ и роптал; онъ хотѣлъ, чтобы князь ѣхалъ къ войску. Наконецъ, Иванъ Васильевичъ. по настоянію матери и духо-

ренства, рѣшился поѣхать самъ къ войску. Но тамъ, говоритъ лѣтописецъ, его окружили такіе же трусы, какимъ онъ былъ самъ: «богатые сребролюбцы, брюхатые предатели». Они говорили ему «не становись на бой, великій государь, а лучше бѣги; такъ дѣлали прадѣдъ твой, Дмитрій Донской, и дѣдъ твой, Василій Дмитріевичъ». Иванъ Васильевичъ поддался ихъ увѣщаніямъ и вернулся въ Москву. Но тамъ его встрѣтило народное волненіе. Народъ и безъ того не любилъ своего князя, а только боялся его. Теперь онъ сталъ говорить открыто: «Ты, государь, такъ княжишь надъ нами: пока тихо и спокойно, ты обираешь насъ, а придетъ бѣда, ты насъ покидаешь. Самъ разгнѣвалъ хана, не платилъ ему дани, а теперь отдаешь насъ всѣхъ татарамъ». Духовенство съ своей стороны подняло голосъ; архіепископъ ростовскій Вассіанъ говорилъ Ивану: «Ты боишься смерти, но вѣдь ты не безсмертенъ. Если боишься, то передай своихъ воиновъ мнѣ. Я хоть и старъ, но не пощажу себя». Тогда Иванъ испугался народнаго возстанія и уѣхалъ къ войску.

Между тѣмъ оказалось, что ханъ Ахматъ самъ боялся русскаго войска; его татары были плохо одѣты, а уже наступали морозы. Когда онъ увидѣлъ, что русскіе хотятъ сражаться, онъ повернулъ назадъ и ушелъ въ степи. Вскорѣ послѣ того Ахматъ былъ убитъ (6-го января 1481 г.), а его преемники были уже совсѣмъ ничтожны. Это время и считается временемъ окончательнаго освобожденія Руси отъ татарскаго ига. Послѣ того, хотя татары еще долго безпокоили русскій народъ своими набѣгами, но это была уже распавшаяся на части Золотая Орда; татары уже не могли теперь завоевать всей русской земли, а только грабили ея пограничныя области.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Послѣдствія татарскаго ига.

Итакъ мы видимъ, что татарское царство пришло въ разстройство, распалось на части и не могло удержать своей власти. Но татарское иго тяготѣло надъ русскимъ народомъ около двухсотъ пятидесяти лѣтъ, и это время

не прошло даромъ для русскаго народа. Посмотримъ же, какія перемѣны произвели татары въ прежней русской жизни. Уже заранѣе, можно сказать, что эти перемѣны были въ худую, а не въ хорошую сторону, потому что никакая неволя не приноситъ народу добра.

Мы уже видѣли, что вмѣсто прежнихъ свободныхъ вѣчевыхъ порядковъ татары ввели новое управленіе. Прежде князь избирался народомъ, а если и получалъ княжество отъ отца или отъ старшаго брата, то только съ согласія народнаго вѣча. Но и это еще не самое главное. Самое главное не то, каковъ самъ князь, а то, каковъ надъ нимъ уставъ, каковъ установленъ общій порядокъ въ государствѣ. Князья могли быть хорошіе и дурные; одни изъ нихъ хотѣли послужить своей землѣ, другіе больше заботились о своей собственной выгодѣ. Но когда рядомъ съ княземъ стояло народное вѣче, оно наблюдало за поступками князя, и князь не могъ сдѣлать много худого; если онъ поступалъ во вредъ народу, вѣче останавливало его, а въ крайнемъ случаѣ могло лишить власти и выгнать изъ города. Народъ былъ выше князя. «Новгородъ не вотчина великаго князя; Новгородъ самъ себѣ господинъ», отвѣтили новгородцы Ивану Васильевичу. Таковъ былъ порядокъ въ древней вѣчевой Руси; потому то псковичи и оплакивали свой старый вѣчевой колоколъ.

Но когда татары завоевали Россію, они обратили всѣхъ русскихъ въ своихъ подданныхъ и поставили надъ ними для сбора дани прежнихъ же русскихъ князей. Князья остались тѣ же, но порядокъ теперь былъ уже другой. Теперь князь уже не зависѣлъ отъ народнаго вѣча. Теперь князь долженъ былъ блюсти выгоды хана, а до народа ему не было никакого дѣла. Если ханъ былъ доволенъ, то князь могъ поступать въ своей землѣ какъ хотѣлъ; а хотѣлъ онъ конечно прежде всего своей собственной выгоды. У народа уже не было теперь возможности остановить князя, не позволить ему того, что было выгодно князю, а невыгодно для народа. Теперь за княземъ стоялъ ханъ; вѣче было безсильно; оно не могло смѣнить князя или грозить ему; народъ долженъ былъ безпрекословно повиноваться князю, народъ былъ покоренъ татарами и князь теперь сталъ выше народа. Князь боялся теперь только грознаго

татарскаго царя и когда пріѣзжалъ въ Золотую Орду, то долженъ былъ кланяться ему въ землю. Но зато у себя дома онъ ужъ никого не боялся; онъ опирался на хана и укрѣплялъ свою власть. Мы видѣли, какъ Московскіе князья сдѣлались великими князьями, какъ они подчинили себѣ всѣхъ другихъ князей, присоединили захватомъ или покупкой къ Московскому княжеству всѣ другія владѣнія и, наконецъ, забрали въ свои руки новгородскія земли и новгородскія богатства.

Теперь никто уже не могъ въ Русской землѣ противиться великому Московскому князю; вокругъ него собралось много бояръ и служилыхъ людей, у него было большое войско, за него стояло всѣми своими силами высшее духовенство. Послѣ двухсотъ-лѣтней неволи русскій народъ пересталъ и вспоминать о прежнихъ вѣчевыхъ порядкахъ; все уже было перестроено теперь на новый ладъ; всѣмъ распоряжались теперь не выборные посадники и тысяцкіе, а княжескіе служилые люди, княжеская дворня, княжескіе дворяне. Вмѣсто жалованья имъ раздавались населенныя крестьянскія земли, съ которыхъ они получали кормъ; за это они служили князю и исполняли его волю. Такой установился теперь новый порядокъ въ государствѣ, и установился онъ, какъ мы видѣли, благодаря татарскому нашествію, благодаря тому, что татары поработили русскій народъ и возвысили русскихъ князей.

Но что же произошло, когда Золотая Орда обезсилѣла и распалась, и когда съ Руси было снято татарское иго? Произошла ли отъ этого какая перемѣна въ Московскомъ государствѣ? Нѣтъ, этого даже никто не замѣтилъ. Все осталось въ томъ же видѣ, какъ было и при татарахъ; Золотая Орда исчезла, но порядки, которые установились на Руси послѣ татарскаго нашествія, не измѣнились; то, что было уничтожено, уже не вернулось назадъ. Татарская неволя уже сдѣлала свое дѣло; она уже перестроила Русь на свой образецъ; она уже укрѣпила на Руси княжеское самовластіе. Московскій великій князь уже сдѣлался полнымъ властелиномъ Русской земли. Когда татары покорили русскій народъ, они передали свою власть надъ нимъ русскимъ князьямъ; эта власть и осталась теперь въ рукахъ московскаго великаго князя. Когда былъ убитъ въ

степи послѣдній ханъ Золотой Орды, то московскій князь уже давно заступилъ на Руси его мѣсто. Отъ того и не произошло никакихъ перемѣнъ отъ паденія татарскаго ига. Это иго уже успѣло проникнуть внутрь, во внутренніе порядки и даже въ самыя души русскаго народа. Распространилось раболѣпіе; русскіе люди, по татарскому обычаю, кланялись Московскому князю въ ноги; князья сдѣлались жестокими; тюрьмы наполнялись, битье кнутомъ стало обычнымъ дѣломъ, стали употреблять пытки и варварскія казни. Таковы были послѣдствія татарскаго нашествія.

Теперь намъ надо разсказать подробнѣе, какіе порядки установились въ Московскомъ государствѣ подъ властью Московскихъ великихъ князей.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Внутреннее устройство Московскаго Государства.

Мы знаемъ, что варяжскіе князья пришли княжить въ русскіе города со своими дружинами. У каждаго князя была своя дружина. Но эти дружины были невелики; онѣ составляли только ядро военной рати; главная же военная сила, во время походовъ, состояла въ самомъ городскомъ и сельскомъ населеніи.

Дружина всегда находилась при князѣ; когда князь переѣзжалъ княжить въ другой городъ, дружина переѣзжала вмѣстѣ съ нимъ, а такъ какъ мы знаемъ, что въ древней Руси князья постоянно переходили съ одного княженія на другое, то и ихъ дружина не имѣла прочной осѣдлости. Она набиралась изъ всякихъ удалыхъ людей, которыхъ князь принималъ къ себѣ на службу и платилъ имъ жалованье. Старшіе изъ нихъ назывались боярами, а младшіе—отроками, боярскими дѣтьми или дворянами.

Но послѣ татарскаго нашествія князья уже не переѣзжали изъ одного княжества въ другое; они не выбирались и не призывались на княженіе городами. Ихъ княжества давались имъ ханами «въ вотчину», въ собственность и переходили отъ отца къ сыновьямъ по наслѣдству. Тогда и дружина княжеская тоже перестала переѣзжать изъ одного мѣста въ другое, вслѣдъ за своимъ княземъ.

Когда московскіе великіе князья стали усиливаться и богатѣть, то на службу къ нимъ стали стягиваться дружинники изъ всѣхъ другихъ княжествъ; они покидали своихъ князей и пріѣзжали въ Москву, гдѣ имъ было выгоднѣе служить. Въ Москвѣ ихъ охотно принимали на службу, потому что это было выгодно для московскаго князя: другіе князья слабѣли, у нихъ дружины уменьшались, а дружина московскаго князя все болѣе и болѣе увеличивалась. Теперь главное войско московскаго князя состояло уже не изъ земскаго ополченія, какъ было въ прежнее время, когда князь долженъ былъ обращаться къ вѣчу за ратными людьми, а вѣче могло согласиться на войну, а могло и не согласиться, если находило войну невыгодной и ненужной. Теперь у московскаго князя было свое собственное войско изъ его служилыхъ людей или дворянъ. Теперь все населеніе раздѣлилось на двѣ части; одна часть состояла изъ «черныхъ», податныхъ людей: торговцевъ, ремесленниковъ и крестьянъ; а другая часть изъ княжескихъ слугъ; бояръ и дворянъ. Теперь войско уже отдѣлилось отъ народа и составило высшее сословіе. Прежде войско состояло изъ самого народа, и военная сила находилась въ рукахъ народнаго вѣча; теперь военная сила находилась въ рукахъ князя; теперь князь опирался на своихъ служилыхъ людей, которые получали отъ него жалованье и которыхъ онъ поставилъ выше всѣхъ другихъ сословій: выше купцовъ, выше ремесленниковъ и земледѣльцевъ. Эти служилые дворяне были конечно такіе же необразованные и малограмотные люди, какъ и всѣ тогда на Руси; тогда только очень немногіе умѣли читать и писать, да и то среди одного духовенства; бояре же и дворяне, по своему образованію, ничѣмъ не отличались отъ крестьянъ; иногда, когда надо было пополнить войска, въ дворяне записывали даже боярскихъ холоповъ, Но разъ сдѣлавшись дворяниномъ, человѣкъ уже становился выше простыхъ, *черныхъ* людей, онъ становился царскимъ слугою, а цари конечно стремились возвысить своихъ слугъ. Дворяне не платили никакихъ податей; а вскорѣ московскіе князья стали дѣлать ихъ *помѣщиками*. Вмѣсто того чтобы платить своимъ служилымъ людямъ жалованье, московскіе князья начали раздавать имъ деревни. Крестьяне этихъ

деревень должны были содержать такого помѣщика, платить ему оброкъ или обработывать для него часть земли. Помѣщикъ же долженъ былъ по первому требованію выѣзжать на конѣ и съ оружіемъ на военную службу. Съ этого и началось крѣпостное право. Сначала крестьяне могли переходить отъ одного помѣщика къ другому. Такъ какъ земли тогда свободной было много, и одна земля безъ крестьянъ не имѣла никакой цѣны, то поэтому дворяне-помѣщики старались переманивать къ себѣ крестьянъ изъ другихъ деревень, обѣщая имъ разныя льготы. Если помѣщикъ слишкомъ притѣснялъ крестьянъ то они сами уходили отъ него туда, гдѣ имъ было лучше; всего чаще они уходили къ богатымъ помѣщикамъ и въ монастырскія вотчины. Это все таки было спасенье для крестьянъ, и помѣщики не могли совсѣмъ закабалить ихъ, пока былъ дозволенъ переходъ. Но помѣщикамъ это конечно было невыгодно, особенно мелкимъ, у которыхъ всего тяжелѣе было крестьянину. И вотъ дворяне стали мало по мало добиваться того, чтобы крестьянъ окончательно прикрѣпили къ землѣ, чтобы они не могли переходить отъ одного помѣщика къ другому, а вѣчно оставались на одномъ мѣстѣ. Такъ потомъ и было сдѣлано; мы увидимъ дальше, что при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ всякій переходъ былъ окончательно запрещенъ для помѣщичьихъ крестьянъ. Они были обращены въ крѣпостныхъ рабовъ.

Но раздавая своимъ служилымъ людямъ вмѣсто жалованья населенныя земли, позаботилось ли московское правительство хоть о томъ, чтобы какъ-нибудь оградить крестьянъ отъ притѣсненій помѣщиковъ? Нѣтъ, объ этомъ оно не позаботилось. Возвышая дворянъ и дѣлая изъ нихъ помѣщиковъ, московскіе князья думали только о собственной выгодѣ. Имъ нужны были дворяне, и имъ нужно было, чтобы дворянство было предано имъ; а до крестьянъ имъ не было никакого дѣла, крестьяне были отданы въ полную власть помѣщикамъ. Московскіе князья поступили въ этомъ случаѣ точно такъ же, какъ поступили татары, когда завоевали Русскую землю: татарамъ нужна была дань, и они поручили собирать ее русскимъ князьямъ; а какимъ путемъ русскіе князья собирали дань, что они дѣлали въ своихъ владѣніяхъ, до этого татарамъ не было никакого дѣла;

лишь бы только имъ доставляли полностью дань и привозили больше подарковъ. Такъ было и съ дворянами: чтобы привлечь ихъ къ себѣ на службу, московскіе князья роздали имъ помѣстья и закрѣпили за ними крестьянъ; а какъ помѣщики обращались съ крестьянами, что они дѣлали въ своихъ помѣстьяхъ, до этого московскимъ князьямъ не было никакого дѣла. И вотъ скоро помѣщики стали брать крестьянъ въ свою дворню, стали наказывать ихъ и истязать, какъ имъ было угодно, и стали, наконецъ, продавать крестьянъ, какъ рабочую скотину. И такъ продолжалось до отмѣны крѣпостного права въ 1861 году. Больше двухсотъ пятидесяти лѣтъ находились крестьяне въ неволѣ у помѣщиковъ. Послѣ татарскаго ига для нихъ наступило еще болѣе тяжкое крѣпостное рабство. И причина этого была въ княжескомъ самовластіи, которое замѣнило татарское иго.

Кромѣ помѣщичьихъ крестьянъ были еще крестьяне государственные или «черносошные», какъ ихъ называли тогда. Они платили оброкъ прямо въ казну. Но для сбора податей и для суда надъ ними назначали тѣхъ же дворянъ. Кромѣ податей эти крестьяне несли еще ямскую службу, дорожную службу и много другихъ повинностей. Затѣмъ были еще дворцовые крестьяне, которые принадлежали самому царю; они послѣ стали называться удѣльными.

Торговые и ремесленные люди, жившіе въ городахъ, также были обложены различными пошлинами.

Итакъ, мы знаемъ теперь, какіе порядки были установлены внутри Московскаго Государства. Во главѣ стоялъ самовластный царь, не спрашивавшій ни совѣта, ни согласія у народа. У него были служилые люди, бояре и дворяне; они составляли высшее сословіе. Весь же трудящійся народъ, торговцы, ремесленники и крестьяне составляли низшее, податное сословіе, причемъ большая часть крестьянъ была обращена въ крѣпостныхъ. Посмотримъ теперь, какъ жилось при такихъ порядкахъ народу.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Царь Иванъ Грозный.

Въ 1533 году, по смерти Василія Ивановича, того самаго, который окончательно расправился съ Псковомъ, московскимъ великимъ княземъ былъ объявленъ его трехлѣтній сынъ Иванъ, а государствомъ стала управлять его мать Елена Глинская, со своимъ любимцемъ Телепневымъ—Оболенскимъ. Молодой Иванъ еще съ дѣтства отличался жестокостью. Будучи ребенкомъ, онъ для забавы бросалъ съ крылецъ или съ вышекъ животныхъ и тѣшился ихъ муками; тринадцати лѣтъ онъ набралъ около себя отроковъ изъ знатныхъ семействъ и скакалъ съ ними верхомъ по городу, топталъ и билъ людей, а опекуны и ихъ угодники похваливали его за это и говорили: «Вотъ будетъ храбрый и мужественный царь!» Однажды четырнадцатилѣтній Иванъ собирался на охоту; въ это время къ нему явилось пятьдесятъ новгородскихъ жителей жаловаться на намѣстниковъ. Ивану стало досадно, что они задерживаютъ его; онъ приказалъ своимъ дворянамъ прогнать ихъ; но когда дворяне принялись бить новгородцевъ, тѣ стали давать сдачи, и нѣсколько человѣкъ легло на мѣстѣ. Взбѣшенный Иванъ приказалъ узнать, кто подговаривалъ новгородцевъ подать жалобу. Дьякъ Василій Захаровъ указалъ на князя Кубенскаго и на Иванова любимца Ѳедора Воронцова. Иванъ приказалъ немедленно отрубить имъ головы. Ему ничего не стоило убить человѣка, котораго онъ еще не такъ давно считалъ своимъ другомъ. По его приказанію были удавлены его молодые сверстники: князь Трубецкой и Ѳедоръ Телепневъ.

Такъ достигъ Иванъ семнадцати лѣтъ. 16 января 1547 г. онъ вѣнчался въ Успенскомъ соборѣ царскимъ вѣнцомъ и принялъ царскій титулъ; русскіе люди въ теченіе двухъ вѣковъ привыкли называть хановъ Золотой Орды царями, а московскіе князья заступили ихъ мѣсто и потому также стали называться царями.

Вначалѣ 1547 г. по царскому повелѣнію собраны были со всего московскаго государства дѣвицы, и молодой царь

выбралъ изъ нихъ себѣ въ невѣсты дочь Романа Юрьевича Захарьина. Имя царской невѣсты было Анастасія. Женитьба не измѣнила царя. Онъ продолжалъ свою буйную, безпорядочную жизнь, не занимался дѣлами, но постоянно говорилъ, что онъ самодержавный государь и можетъ дѣлать, что ему угодно. Всѣмъ заправляли родные его Глинскіе, повсюду сидѣли ихъ намѣстники, и не было нигдѣ правосудія; вездѣ происходили насилія и грабежи. Самъ царь не терпѣлъ, чтобы его безпокоили жалобами. Третьяго іюня 1547 года семьдесятъ псковскихъ людей пріѣхали въ Москву жаловаться на своего намѣстника, угодника Глинскихъ. Они явились къ царю въ его сельцѣ Островкѣ. Царь велѣлъ раздѣть псковичей, положить на землю, поливать горячимъ виномъ и палить имъ свѣчами волосы и бороды.

Между тѣмъ въ Москвѣ случился страшный пожаръ; загорѣлась церковь Воздвиженья на Арбатѣ; въ продолженіе часа сгорѣло все Занеглинье и Чертолье (нынѣшняя Пречистенка). Буря понесла пламя на Кремль, занялись деревянныя крыши на царскихъ палатахъ. Пожаръ сдѣлался еще ужаснѣе, когда дошелъ до пороха, который хранился въ стѣнахъ Кремля, и произошелъ взрывъ. Огонь охватилъ большой посадъ вплоть до Яузы. Тогда, говорятъ, сгорѣло тысяча семьсотъ взрослыхъ людей и несчетное множество дѣтей. Царь съ женою и приближенными не былъ въ Москвѣ во время пожара, а послѣ пожара проживалъ въ своемъ загородномъ селѣ Воробьевѣ; онъ мало заботился о пострадавшихъ жителяхъ столицы и велѣлъ прежде всего поправлять церкви и палаты на своемъ царскомъ дворѣ.

Между тѣмъ большая часть москвичей находилась въ ужасномъ положеніи, безъ хлѣба и безъ крова; многіе не могли отыскать своихъ ближнихъ, пропавшихъ безъ вѣсти. Отчаяніе овладѣло народомъ. Стали ходить слухи, пущенные врагами Глинскихъ, что злодѣи, учинившіе пожаръ, никто иные, какъ Глинскіе. Легко было увѣрить народъ, такъ какъ всѣ не любили Глинскихъ и были недовольны ихъ могуществомъ. У Глинскихъ было много любимцевъ, которые позволяли себѣ безчинства и своеволія. На пятый день послѣ пожара народная толпа бросилась къ Успенскому собору и кричала: «Кто зажигалъ Москву?» Одинъ изъ Глинскихъ, дядя царя, скрылся въ церкви. Народъ вломился за нимъ въ церковь. Его вытащили оттуда, убили

дубьемъ, повлекли мертвое тѣло его по землѣ и бросили на торгу.

Истребили всѣхъ людей Глинскихъ. Досталось и такимъ, которые вовсе не принадлежали къ числу ихъ. Такъ прошло два дня. Народъ не унимался. Изъ Глинскихъ погибъ только одинъ; народъ искалъ другихъ Глинскихъ. Раздались такіе крики: «Государь спряталъ у себя на Воробьевѣ княгиню Анну Глинскую и сына ея Михаила!»

Толпа хлынула на Воробьево.

Начиналось что то, еще невиданное въ Москвѣ. Казалось, что народъ, потерявшій терпѣніе, уже не чувствовалъ болѣе страха передъ царемъ. Иванъ до сихъ поръ слишкомъ вѣрилъ въ свое всемогущество и потому держалъ себя нагло и необузданно; теперь онъ впалъ въ крайнюю трусость и совершенно растерялся. Тутъ явился передъ нимъ человѣкъ въ священнической одеждѣ, по имени Сильвестръ. Намъ неизвѣстна прежняя жизнь этого человѣка. Говорятъ только, что онъ былъ пришлецъ изъ Новгорода Великаго. Въ его рѣчи было что то грозное и сильное. Онъ изобразилъ царю печальное положеніе Московской земли и указывалъ, что причиною всѣхъ несчастій были пороки царя.

Царь началъ каяться, плакалъ и далъ обѣщаніе съ этихъ поръ во всемъ слушаться своего наставника.

Толпу разогнали выстрѣлами, нѣсколько человѣкъ убили. Остальные разбѣжались.

Съ тѣхъ поръ Иванъ Васильевичъ очутился подъ опекою священника Сильвестра, и въ то же время сдружился съ Алексѣемъ Адашевымъ. Адашевъ случайно попалъ въ число тѣхъ, которыхъ Иванъ приближалъ къ себѣ ради забавы. Это былъ человѣкъ большого ума, добрый, справедливый и честный. Подъ вліяніемъ Сильвестра, Иванъ предался Адашеву всею душою. Сильвестръ и Адашевъ подобрали кружокъ хорошихъ и добрыхъ людей, какъ знатныхъ, такъ и не знатныхъ, и роздали имъ главныя должности.

И вотъ государство стало управляться Сильвестромъ и Адашевымъ. Безъ нихъ Иванъ не только ничего не дѣлалъ, но даже не смѣлъ мыслить. Сильвестръ до такой

степени напугалъ его, что Иванъ не дѣлалъ шагу, не спросившись у него совѣта.

Сильвестръ и Адашевъ призвали къ себѣ на помощь весь народъ; они собрали именемъ государя земскій соборъ или земскую думу изъ выборныхъ людей всей Русской земли. Въ одно воскресенье послѣ обѣдни царь съ духовенствомъ вышелъ на площадь, кланялся народу, каялся въ томъ, что правленіе его было дурно и говорилъ: «Люди божіи, умоляю васъ ради вѣры къ Богу и любви къ намъ! Знаю, что нельзя уже исправить тѣхъ обидъ и разореній, которыя вы понесли во время моей юности и пустоты, и безпомощества моего; но умоляю васъ: оставьте другъ къ другу вражду и взаимныя неудовольствія». Послѣ этого собравшіеся выборные люди стали совѣщаться, какъ водворить правосудіе и улучшить правленіе. Они составили Судебникъ и Уставныя Грамоты. Чтобы охранить народъ отъ царскихъ намѣстниковъ, новый Судебникъ давалъ жителямъ право выбирать своихъ земскихъ старостъ, которые должны были сидѣть на судѣ намѣстниковъ и наблюдать за ними; для важныхъ уголовныхъ дѣлъ судьи выбирались всѣмъ уѣздомъ; они назывались губными старостами. Наконецъ, законъ предоставлялъ жителямъ совсѣмъ освобождаться отъ царскихъ намѣстниковъ и волостелей, и выбирать для управленія своихъ излюбленныхъ старостъ съ платежемъ за то особаго оброка въ казну.

Во всѣхъ этихъ новыхъ законахъ, составленныхъ земскимъ соборомъ, видно желаніе вернуться къ старымъ вѣчевымъ порядкамъ. Недаромъ Сильвестръ, дававшій всему починъ въ то время, былъ новгородецъ.

Въ это счастливое время, когда Русская земля немного вздохнула отъ произвола и самовластія, было покорено татарское Казанское царство и присоединено къ Московскому государству. Самъ Иванъ долженъ былъ идти въ походъ, хотя ему этого очень не хотѣлось, какъ онъ потомъ самъ сознавался: «Вы меня, какъ плѣнника, посадили въ судно, повезли въ безбожную и невѣрную землю», жаловался онъ послѣ. Въ душѣ царя уже шевелилось недовольство противъ своихъ наставниковъ. Вскорѣ послѣ того онъ заболѣлъ горячкою; пришедши въ себя послѣ бреда, онъ приказалъ написать завѣщаніе, въ которомъ объявлялъ своего

сына, младенца Димитрія, наслѣдникомъ престола. Когда въ царской столовой палатѣ собрали бояръ для присяги, многіе отказались присягать: „Мы рады повиноваться тебѣ и твоему сыну, говорили они, но не хотимъ служить Захарьинымъ, которые будутъ управлять государствомъ именемъ младенца“. Споръ между боярами шелъ горячій Въ числѣ нехотѣвшихъ присягать былъ двоюродный братъ государя, Владиміръ Андреевичъ.

Иванъ не умеръ, какъ ожидали; онъ выздоровѣлъ и показывалъ видъ что ничего не помнитъ, ни на кого не сердится; но въ сердцѣ у него заронилась ожесточенная злоба. Иванъ уже ненавидѣлъ Сильвестра и Адашева, а враги ихъ уже наговаривали и нашептывали ему: Если хочешь быть настоящимъ самодержцемъ, говорилъ царю бывшій коломенскій владыка Вассіанъ, не держи около себя никого мудрѣе тебя самаго; ты всѣхъ лучше. Если такъ будешь поступать, то будешь твердъ на своемъ царствѣ, и все будетъ у тебя въ рукахъ; а если станешь держать около себя мудрѣйшихъ, то поневолѣ будешь ихъ слушаться“.

Эти слова запали глубоко въ самое сердце Ивана. Онъ поцѣловалъ руку Вассіана и сказалъ: „если бы отецъ родной былъ живъ, такъ и тотъ не сказалъ бы мнѣ ничего лучшаго“!

Главными врагами Сильвестра и Адашева были Захарьины, братья царицы; они говорили Ивану: „Царь долженъ быть самодержцемъ, всѣмъ повелѣвать и никого не слушаться“. Въ довершеніе всего они убѣдили Ивана, что Сильвестръ чародѣй и что онъ опуталъ его силою волшебства и держитъ его въ неволѣ. Тогда Сильвестръ и Адашевъ увидѣли сами, что имъ невозможно оставаться при царѣ. Сильвестръ удалился въ какой то пустынный монастырь, а Алексѣй Адашевъ уѣхалъ къ войску въ Ливонію. Но Иванъ не оставилъ ихъ въ покоѣ: Сильвестръ былъ взятъ изъ своей пустыни и отвезенъ въ тяжелое заточеніе въ Соловки; а Адашева царь велѣлъ посадить въ тюрьму, гдѣ онъ черезъ два мѣсяца умеръ.

Съ этихъ поръ Иванъ опять вырвался на свободу; въ немъ загорѣлась свирѣпая злоба противъ людей, которые хотѣли стѣснить его произволъ; онъ началъ мстить тѣмъ умнымъ и добрымъ боярамъ, которые держали его, какъ

онъ говорилъ, въ неволѣ. Онъ опять окружилъ себя угодниками и любимцами; они расшевеливали его дикія страсти, напѣвали ему о его самодержавномъ достоинствѣ и возбуждали противъ честныхъ бояръ. Главными изъ этихъ любимцевъ были Алексѣй Басмановъ, Афанасій Вяземскій, Малюта-Скуратовъ и чудовскій архимандритъ Левкій. По ихъ наущенію царь началъ свирѣпствовать надъ друзьями и сторонниками Адашева и Сильвестра. Тогда казнены были братъ Адашева, Данила съ двѣнадцатилѣтнимъ сыномъ, тесть его Туровъ, трое братьевъ жены Адашева, Сатины и еще одинъ родственникъ, Иванъ Шишкинъ съ женою и дѣтьми. Одинъ Бояринъ Михаилъ Рѣпинъ, человѣкъ степенный, не позволилъ царю надѣть на себя шутовскую маску, въ то время какъ пьяный Иванъ веселился со своими любимцами. Царь приказалъ умертвить его. Князь Димитрій Курлятовъ, одинъ изъ сторонниковъ Адашева, былъ сосланъ съ женою и дѣтьми въ каргопольскій Челмскій монастырь, а черезъ нѣсколько времени царь вспомнилъ о немъ и приказалъ умертвить со всею семьею. Другой опальный бояринъ, Юрій Кашинъ былъ безъ ссылки умерщвленъ вмѣстѣ съ братомъ. Тогда-же Иванъ сталъ преслѣдовать семейство Шереметевыхъ; одинъ изъ нихъ, Никита, былъ умерщвленъ, а другой, Иванъ, былъ засаженъ въ тюрьму. Все это были друзья Сильвестра и Адашева.

Но этого все еще было мало. Царь задумалъ устроить «Опричнину», то есть окружить себя особыми, «опричными» людьми, которые помогали бы ему истреблять всѣхъ его недруговъ, всѣхъ, кого онъ подозрѣвалъ въ непокорности.

Для этого онъ переѣхалъ въ Александровскую Слободу, за Троицкимъ монастыремъ и поселился во дворцѣ, обведенномъ валомъ и рвомъ. Никто не смѣлъ ни выѣхать оттуда, ни въѣхать туда безъ вѣдома царя; для этого въ трехъ верстахъ отъ Слободы стояла воинская стража. Царь жилъ тутъ, окруженный своими любимцами, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занимали Басмановъ, Малюта-Скуратовъ и Афанасій Вяземскій. Любимцы набрали въ Опричнину до 6000 дворянъ, которымъ раздавались помѣстья и вотчины, отнимаемыя у прежнихъ владѣльцевъ. Опричники давали царю особую присягу; они обязывались не только доносить обо всемъ, что услышатъ дурного о царѣ, но не

имѣть никакого дружескаго общенія, не ѣсть и не пить съ земскими людьми. Имъ даже вмѣнялось въ долгъ, какъ говорятъ лѣтописцы, насиловать, предавать смерти земскихъ людей и грабить ихъ дома, чтобы повсюду внушать страхъ и ужасъ къ царю. Современники пишутъ, что у опричниковъ были особые знаки; собачья голова и метла, чтобы показать, что они кусаются, какъ собаки, и выметаютъ всѣхъ лиходѣевъ царя. Всякому доносу опричника на земскаго давали вѣру; чтобы угодить царю, опричникъ долженъ былъ отличаться свирѣпостью и безсердечіемъ. Случалось, ѣдетъ опричникъ въ Москвѣ и завернетъ въ лавку, тамъ его боятся, какъ чумы: онъ подброситъ что нибудь, потомъ придетъ съ приставомъ и подвергнетъ конечному разоренію купца.

Случалось, — заведетъ опричникъ съ кѣмъ нибудь на улицѣ разговоръ, потомъ вдругъ схватитъ его и начнетъ обвинять, что тотъ сказалъ ему обидное слову; опричнику вѣрятъ. Обидѣть царскаго опричника было смертельнымъ преступленіемъ.

Такимъ путемъ утверждалось и вкоренялось на Руси повиновеніе царю, страхъ и ужасъ передъ его властью. Иноземцы, жившіе тогда въ Москвѣ, пишутъ: «Если бы самъ сатана захотѣлъ выдумать что-нибудь для порчи человѣческой, то и тотъ не могъ бы выдумать ничего удачнѣе Опричнины».

Со введенія Опричнины свирѣпыя казни и мучительства возросли еще болѣе. Вскорѣ былъ казненъ Александръ Горбатый-Шуйскій съ семнадцатилѣтнимъ сыномъ и другіе. Иные были насильно пострижены въ монахи, иные, сосланы. Иванъ хотѣлъ истребить всѣ прежніе княжескіе роды, чтобы у него не было соперниковъ.

Въ Александровской слободѣ онъ завелъ у себя подобіе монастыря, отобралъ 300 опричниковъ, надѣлъ на нихъ черныя рясы сверхъ вышитыхъ золотомъ кафтановъ, а на головы тафьи или монашескія шапочки; самъ себя назвалъ игуменомъ, Вяземскаго назначилъ келаремъ, Малюту-Скуратова пономаремъ. Утреннее богослуженіе длилось по царскому приказанію отъ четырехъ до семи часовъ утра. Въ восемь часовъ шли къ обѣднѣ. Послѣ обѣдни всѣ наѣдались до сыта и напивались до пьяна; а послѣ обѣда царь

Иванъ нерѣдко ѣздилъ пытать и мучить опальныхъ; въ нихъ у него никогда не было недостатка. Ихъ приводили цѣлыми сотнями и многихъ изъ нихъ передъ глазами царя замучивали до смерти. То было любимое развлеченіе Ивана; послѣ такихъ кровавыхъ расправъ онъ казался особенно веселымъ.

Но у него были и иного рода забавы. Узнаетъ царь, что у какого-нибудь знатнаго или незнатнаго человѣка есть красивая жена, прикажетъ своимъ опричникамъ силою привезти къ нему. Натѣшившись ею, онъ отдавалъ ее на поруганіе опричникамъ, а потомъ приказывалъ отвезти къ мужу. Иногда-же царь потѣшался и надъ опозоренными мужьями. Такъ, онъ отнялъ у одного приказнаго жену, а потомъ приказалъ повѣсить ее надъ порогомъ его дома; у другого приказнаго повѣшена была жена по царскому повелѣнію надъ его обѣденнымъ столомъ.

Но всего болѣе хотѣлось царю истребить всѣхъ непокорныхъ его власти. Онъ боялся и подозрѣвалъ каждаго, въ комъ замѣчалъ умъ и самостоятельность, всякаго, кто не ползалъ и не пресмыкался передъ нимъ и его любимцами. Особенно онъ не терпѣлъ боярина Ивана Петровича Челяднина. Но ему не было повода придраться къ Челяднину. Тогда Иванъ обвинилъ несчастнаго старика, будто тотъ хочетъ свергнуть его съ престола и самъ сдѣлаться царемъ; царь призвалъ боярина къ себѣ, приказалъ ему одѣться въ царское одѣяніе, посадилъ на престолъ, самъ сталъ кланяться ему въ землю и говорилъ: «Здоровъ буди, государь всея Руси. Вотъ ты получилъ то, чего желалъ, я самъ сдѣлалъ тебя государемъ, но я имѣю власть и свергнуть тебя съ престола». Съ этими словами онъ вонзилъ ножъ въ сердце боярина и приказалъ умертвить его престарѣлую жену. Вслѣдъ затѣмъ Иванъ приказалъ замучить многихъ знатныхъ лицъ, обвиненныхъ въ соумышленіи съ Челяднинымъ. Тогда погибли князья: Куракинъ-Булгаковъ, Дмитрій Ряполовскій, трое князей Ростовскихъ, Петръ Щенятевъ, Турунтай Пронскій и много другихъ. По приказанію царя, опричники хватали женъ опальныхъ людей, насиловали ихъ, нѣкоторыхъ приводили къ царю, врывались въ вотчины, жгли дома, мучили, убивали крестьянъ, раздѣвали до нага дѣвушекъ и въ поруганіе заставляли ихъ

ловить куръ, а потомъ стрѣляли въ нихъ. Тогда многія женщины отъ стыда сами лишали себя жизни.

Когда царь съ своими опричниками пріѣзжалъ въ Москву, народъ, завидѣвши ихъ, приходилъ въ ужасъ и бросался въ безпамятствѣ бѣжать куда попало; купцы бросали въ отворенныхъ лавкахъ товаръ и деньги; улицы пустѣли, казалось, какъ будто все вымерло.

Оставался еще одинъ человѣкъ, который не молчалъ и не боялся говорить царю правду въ глаза: то былъ Московскій митрополитъ Филиппъ. Царь не любилъ настойчиваго митрополита и не допускалъ его къ себѣ. Митрополитъ могъ видѣть царя только въ церкви. Въ мартѣ 1568 года, въ воскресенье, Иванъ пріѣхалъ къ обѣдни въ Успенскій соборъ съ толпою опричниковъ. Всѣ были въ черныхъ рясахъ и высокихъ монашескихъ шапкахъ. По окончаніи обѣдни, царь подошелъ къ Филиппу и просилъ благословенія. Филиппъ молчалъ и не обращалъ вниманія на царя. Царь обратился къ нему въ другой и третій разъ. Филиппъ все молчалъ. Наконецъ, царскіе бояре сказали: «Святый владыка! Царь Иванъ Васильевичъ требуетъ благословенія отъ тебя.» Тогда Филиппъ взглянулъ на царя и сказалъ: «Кому ты думаешь угодить, измѣнивши такъ благолѣпіе лица своего? Побойся Бога, постыдись своей багряницы. Съ тѣхъ поръ какъ солнце на небесахъ сіяетъ, не было слышно, чтобы цари возмущали такъ свою державу. Доколѣ въ Русской землѣ будетъ беззаконіе? У всѣхъ народовъ, у татаръ и у язычниковъ, есть законъ и правда, только на Руси ихъ нѣтъ. Во всемъ свѣтѣ есть защита отъ злыхъ и милосердіе, только на Руси не милуютъ невинныхъ и праведныхъ. Опомнись. Взыщется отъ рукъ твоихъ невинная кровь.»

«Филиппъ—сказалъ царь—ты испытываешь наше благодушіе. Ты хочешь противиться нашей державѣ; я слишкомъ долго щадилъ тебя; теперь я заставлю васъ, мятежниковъ, раскаяться.»

«Не могу—возразилъ Филиппъ—повиноваться твоему повелѣнію паче Божьяго повелѣнія. Я пришлецъ на землѣ и пресельникъ. Буду стоять за истину, хотя бы пришлось принять лютую смерть.»

Царь былъ внѣ себя отъ злости и, воротившись домой, собралъ духовныхъ, чтобы судить митрополита. Царскій духов-

никъ, протопопъ Евстафій, суздальскій епископъ Пафнутій и другіе духовные изъ угожденія царю и по его приказанію нашли митрополита виновнымъ. Когда призвали Филиппа, онъ сказалъ: «Ты думаешь, царь, что я боюсь тебя, боюсь смерти за правое дѣло? Мнѣ уже за шестьдесятъ лѣтъ; я жилъ честно и безпорочно. Такъ хочу и душу мою предать Богу.» Царь велѣлъ ему служить обѣдню на Михайловъ день. Митрополитъ повиновался; но когда онъ въ полномъ облаченіи готовился начинать обѣдню, вдругъ входитъ Басмановъ съ опричниками. Они вошли въ алтарь, сняли съ митрополита митру, сорвали облаченіе, одѣли въ разодранную монашескую рясу, вывели изъ церкви, заметая за нимъ слѣдъ метлами, посадили на дровни и повезли въ Богоявленскій монастырь. Народъ бѣжалъ за нимъ слѣдомъ и плакалъ; митрополитъ осѣнялъ его на всѣ стороны крестнымъ знаменіемъ. Опричники кричали, ругались и били ѣдущаго митрополита своими метлами. По царскому приказанію ему забили ноги въ деревянныя колодки, а руки въ желѣзныя кандалы и морили въ монастырѣ голодомъ. Черезъ годъ послѣ того Малюта Скуратовъ по царскому приказу собственноручно задушилъ Филиппа, а монахамъ сказалъ, что Филиппъ умеръ отъ угара.

Такъ погибъ этотъ смѣлый обличитель ничѣмъ не сдерживаемаго царскаго самовластія; но такихъ духовныхъ лицъ было мало. Все остальное духовенство угождало и льстило царю и поддерживало его власть,

Расправившись съ непокорнымъ митрополитомъ, Иванъ Грозный вспомнилъ о Новгородѣ и Псковѣ.

Московскіе князья всегда не терпѣли Новгорода и Пскова. Мы уже говорили, что Новгородская и Псковская земли не были завоеваны татарами и что тамъ еще долго послѣ того держалась древняя вѣчевая свобода. Но когда Московскіе князья утвердили свое самовластіе въ остальной Руси, они подчинили себѣ также и Новгородъ со Псковомъ. Мы знаемъ, что отецъ и дѣдъ Ивана ходили туда съ войскомъ и разоряли эти области, какъ непріятельскую землю. Теперь Иванъ Грозный захотѣлъ еще больше утвердить тамъ свою власть, а вмѣстѣ съ тѣмъ внушить страхъ и ужасъ всему русскому народу.

Въ декабрѣ 1569 года онъ собралъ всѣхъ опричниковъ

и множество дворянъ. Онъ шелъ какъ на войну. Не только Новгородъ и Псковъ, но и Тверь, и другія земли были осуждены на жестокую расправу. Первымъ испыталъ ее на себѣ городъ Клинъ. Опричники, по царскому приказанію, ворвались въ него, били и убивали кого попало. Испуганные жители, ни въ чемъ неповинные, не понимавшіе, что все это значитъ, разбѣгались, кто куда могъ. Затѣмъ царь пошелъ на Тверь. На пути все разоряли и убивали всякаго встрѣчнаго, кто не нравился. Подступивъ къ Твери, царь приказалъ окружить городъ войскомъ со всѣхъ сторонъ. Черезъ два дня, опричники бросились въ городъ, бѣгали по домамъ, ломали всякую домашнюю утварь, рубили ворота, двери, окна, забирали всякіе домашніе запасы и купеческіе товары: воскъ, ленъ, кожи и прочее, свозили въ кучи, сожигали, а потомъ удалялись. Жители начали думать, что этимъ дѣло кончится, что, истребивъ ихъ достояніе, имъ по крайней мѣрѣ оставятъ жизнь, какъ вдругъ опричники опять врываются въ городъ и начинаютъ бить кого попало: мужчинъ, женщинъ, младенцевъ, иныхъ жгутъ огнемъ, другихъ рвутъ клещами, тащутъ и бросаютъ тѣла убитыхъ въ Волгу. Изъ Твери царь уѣхалъ въ Торжокъ, и тамъ повторилось то же самое. Все это дѣлалось для того, чтобы внушить народу страхъ къ царю.

Изъ Торжка Иванъ шелъ на Вышній-Волочекъ, Валдай и Яжелбицы. По обѣ стороны дороги опричники разбѣгались по деревнямъ, убивали людей и разоряли ихъ достояніе.

Пріѣхавъ въ Новгородъ, царь велѣлъ отобрать всѣхъ знатнѣйшихъ жителей и торговцевъ, а также духовныхъ и множество другого народу. Собравъ всю эту толпу, Иванъ приказалъ раздѣвать ихъ и терзать «неисповѣдимыми муками», какъ говоритъ лѣтописецъ, а потомъ велѣлъ бросать ихъ въ Волховъ съ моста; женщинамъ связывали назадъ руки съ ногами, привязывали къ нимъ младенцевъ и въ такомъ видѣ бросали въ Волховъ; по рѣкѣ ѣздили царскіе слуги съ баграми и топорами и добивали тѣхъ, которые всплывали. „Пять недѣль продолжалась неукротимая ярость царева“, какъ говоритъ лѣтописецъ. Когда, наконецъ, царю надоѣла такая потѣха, онъ началъ ѣздить по Новгороду, по монастырямъ и селамъ и приказывалъ передъ своими глазами истреблять огнемъ хлѣбъ въ скир-

дахъ, рубить лошадей, коровъ и всякій скотъ, истреблять купеческіе товары, разметывать лавки, ломать дворы и хоромы. Съ Иванова посѣщенія новгородскій край уже окончательно обѣднѣлъ и обезлюдѣлъ. Царь хотѣлъ отнять у него силу, „извести изъ него крамолу," какъ онъ выражался.

Изъ Новгорода царь отправился въ Псковъ съ намѣреніемъ и этому городу припомнить его древнюю свободу. Жители были въ оцѣпенѣніи, исповѣдались, причастились и готовились къ смерти. Псковскій воевода князь Юрій Токмаковъ велѣлъ поставить на улицахъ столы съ хлѣбомъ-солью и всѣмъ жителямъ приказалъ земно кланяться и показывать знаки покорности, когда будетъ въѣзжать царь. Иванъ подъѣхалъ къ Пскову ночью и остановился въ Никольскомъ монастырѣ на Любатовѣ. Здѣсь онъ услышалъ звонъ въ псковскихъ церквахъ и понялъ, что псковичи готовятся къ смерти. Когда утромъ онъ въѣхалъ въ городъ, ему было пріятно видѣть покорность народа, лежавшаго ничкомъ на землѣ; но всего болѣе подѣйствовалъ на него юродивый Никола. Никола поднесъ Ивану кусокъ сырого мяса.—„Я христіанинъ и не ѣмъ мяса въ постъ," сказалъ Иванъ.— „Ты хуже дѣлаешь, сказалъ ему Никола, ты ѣшь человѣческое мясо". Затѣмъ у Ивана издохъ его любимый конь. Все это такъ подѣйствовало на суевѣрнаго царя, что онъ никого не казнилъ, но все-таки забралъ казну у церквей и многихъ жителей.

Вернувшись въ Москву, царь задумалъ жениться уже въ третій разъ и изъ собранныхъ двухъ тысячъ дѣвицъ выбралъ себѣ въ жены Марѳу Васильевну Собакину. Но прежде чѣмъ совершился бракъ, царская невѣста заболѣла. Царь заподозрилъ, что ее отравили и приказалъ посадить на колъ брата своей второй жены Маріи, а также умертвилъ своего любимца Григорія Грязного. Марѳа умерла черезъ нѣсколько дней послѣ брака. На другой годъ Иванъ собралъ духовенство и принудилъ его разрѣшить ему четвертый бракъ. На соборѣ предсѣдательствовалъ новгородскій архіепископъ Леонидъ, трусъ, корыстолюбивый, низкопоклонный льстецъ. Никто не осмѣлился поднять голосъ противъ царя, и соборъ дозволилъ царю противозаконный бракъ. Царь женился въ четвертый разъ на Аннѣ Але-

ксѣевнѣ Колтовской. Черезъ годъ она ему надоѣла, и онъ постригъ ее въ монахини подъ именемъ Дарьи. Съ тѣхъ поръ царь, ободренный разрѣшеніемъ церковнаго собора, самъ разрѣшалъ себѣ браки, безъ счета. По словамъ одного стараго сказанія, въ ноябрѣ 1573 года Иванъ Васильевичъ женился на Марьѣ Долгорукой, а на другой день, подозрѣвая, что она любила кого то иного, приказалъ посадить ее въ колымагу, запречь дикихъ лошадей и погнать ихъ въ прудъ, гдѣ несчастная и погибла. «Этотъ прудъ, пишетъ англичанинъ Горсей, жившій тогда въ Москвѣ, была настоящая геенна, юдоль смерти; много жертвъ было потоплено въ этомъ пруду; рыбы въ немъ питались въ изобиліи человѣческимъ мясомъ и оказывались отмѣнно вкусными и пригодными для царскаго стола».

Вслѣдъ за тѣмъ царь женился на Аннѣ Васильчиковой; она не долго прожила съ нимъ; конецъ ея неизвѣстенъ; потомъ царь женился на Василисѣ Мелентьевой, которая также скоро исчезла. Наконецъ Иванъ выбралъ себѣ въ жены Марью Ѳедоровну Нагую, отъ которой у него родился сынъ Димитрій.

Въ ноябрѣ 1581 года въ Александровскій Слободѣ совершилось ужасное дѣло: царь Иванъ Васильевичъ убилъ желѣзнымъ посохомъ своего старшаго сына, тоже Ивана. Царевичъ укорялъ отца за то, что тотъ избилъ его беременную жену, которая въ слѣдующую же ночь выкинула: „Ты, говорилъ онъ, отнялъ уже у меня двухъ женъ, хочешь отнять и третью и уже умертвилъ въ утробѣ ея моего ребенка“. Иванъ за эти слова ударилъ сына изо всѣхъ силъ жезломъ въ голову. Царевичъ упалъ безъ чувствъ, обливаясь кровью. Царь опомнился, кричалъ, рвалъ на себѣ волосы, вопилъ о помощи, звалъ докторовъ... Все было напрасно: царевичъ умеръ на пятый день.

Въ началѣ 1584 года у царя открылась страшная болѣзнь: какое то гніеніе внутри; отъ него исходилъ отвратительный смрадъ. Царь былъ въ ужасѣ; онъ то падалъ духомъ, молился, раздавалъ милостыни, то опять порывался къ прежней необузданности, Наконецъ 17-го марта онъ умеръ.

. . . . . .

Таковъ былъ первый коронованный русскій царь Іоаннъ

IV. Да и могъ ли онъ быть инымъ? Вспомнимъ только, откуда взялось, какъ возникло тогдашнее царское самовластіе. Съ самаго своего возвышенія, московскіе князья ничего не щадили, ни передъ чѣмъ не останавливались, чтобы только усилить свою власть. Эта власть выросла на „татарскомъ разореніи", на народномъ несчастіи. Въ теченіе двухъ вѣковъ московскіе князья стремились къ своей цѣли путемъ обмана и всякаго насилія, унижались передъ ханами, подкупали ханскихъ любимцевъ, губили клеветою другихъ князей, похищали часть татарской дани, приводили татарское войско разорять русскіе города и села. Такое поведеніе не могло не оказать пагубнаго вліянія на ихъ душу и на все ихъ племя. Они сдѣлались жестокими, хитрыми и вмѣстѣ съ тѣмъ трусливыми. Кромѣ того ихъ портило самое самовластіе. Власть всегда портитъ людей. Человѣкъ, облеченный властью надъ другими людьми, дѣлается надменнымъ, жестокимъ, перестаетъ смотрѣть на людей, какъ на своихъ ближнихъ. Отецъ и дѣдъ Ивана Грознаго были холодными и жестокими людьми; они съ молокомъ матери всасывали эту жестокость, эту привычку смотрѣть на себя, какъ на земныхъ боговъ, а на другихъ людей, какъ на червей, пресмыкающихся у ногъ ихъ. И вотъ изъ этого испорченнаго властью и жестокостью великокняжескаго племени произошелъ на свѣтъ кровожадный царь Иванъ Грозный. На немъ лежала печать всей прошлой жизни московскихъ князей, всего ихъ возвышенія, построеннаго на народномъ несчастіи. Мы увидимъ далѣе, что сынъ Ивана Грознаго, Ѳедоръ, былъ слобоумнымъ, а со смертью этого слабоумнаго Ѳедора вымеръ первый родъ русскихъ царей.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Смутное время.

Послѣ Ивана Грознаго осталось два сына, Ѳедоръ отъ его первой жены, Анастасьи Захарьиной, и Димитрій—отъ послѣдней, седьмой жены, Марьи Нагой. Царемъ былъ объявленъ Ѳедоръ. Ѳедоръ былъ слабоуменъ отъ природы. Его водили въ церковь и забавляли шутами и скоморохами. Онъ очень любилъ звонить на колокольнѣ. Одинъ иностранецъ,

видѣвшій Ѳедора въ царскомъ облаченіи, разсказываетъ, что царь улыбался, какъ ребенокъ, и игралъ золотымъ шаромъ на скипетрѣ, не слушая и не понимая, что говорили послы. Царевичъ Дмитрій остался младенцемъ по второму году. Ни тотъ, ни другой не могли управлять государствомъ, одинъ по слабоумію, другуой по малолѣтству. Правленіе перешло въ руки Бориса Годунова, шурина царя Ѳедора.

Борисъ Годуновъ, татаринъ родомъ, былъ женатъ на дочери Малюты Скуратова. Онъ былъ уменъ и хитеръ, и по смерти Ивана Грознаго забралъ въ свои руки царскую власть. Пока слабоумный Ѳедоръ былъ живъ, Борисъ Годуновъ держался крѣпко; но по смерти бездѣтнаго Ѳедора на престолъ долженъ былъ вступить его братъ, малолѣтній царевичъ Димитрій; тогда власть перешла бы къ матери Димитрія, Маріи Нагой и ея родственникамъ. Борисъ Годуновъ отослалъ Марію Нагую вмѣстѣ съ Димитріемъ въ городъ Угличъ, гдѣ вскорѣ послѣ того царевичъ былъ найденъ зарѣзаннымъ. Бояре, посланные Годуновымъ для разслѣдованія, донесли, что царевичъ зарѣзался самъ, и дѣло это осталось темнымъ: но въ народѣ стали ходить слухи, что царевича зарѣзали люди, подосланные Годуновымъ.

Послѣ того власть Годунова стала еще крѣпче. Чтобы привязать къ себѣ духовенство, онъ возвелъ московскаго митрополита Іова въ санъ патріарха. До того же времени въ Россіи не было патріарховъ. Чтобы расположить къ себѣ дворянъ, Годуновъ издалъ законъ „о крестьянскомъ выходѣ". Этотъ законъ запрещалъ свободный переходъ крестьянъ отъ одного помѣщика къ другому. Мы уже говорили, что помѣщики добивались полнаго закрѣпощенія крестьянъ, особенно мелкіе помѣщики; между тѣмъ, по старому обычаю, крестьяне еще могли разъ въ годъ, осенью, послѣ Юрьева дня, переселяться къ другимъ владѣльцамъ. Вотъ теперь Годуновъ и запретилъ этотъ переходъ, съ цѣлью привлечь къ себѣ дворянство.

По смерти Ѳедора въ 1598 году, преданный Годунову патріархъ Іовъ началъ хлопотать о возведеніи его на престолъ. Борисъ Годуновъ притворно отказывался и удалился съ сестрою въ монастырь; тогда Іовъ созвалъ земскій соборъ. Пособники Борисовы поѣхали по разнымъ городамъ наблюдать, чтобы пріѣзжали въ Москву только доброжелатели

Бориса. И вотъ къ началу масляницы съѣхались въ Москву выборные люди; но это, какъ оказалось, были по большей части духовныя лица и дворяне *). По указанію патріарха они немедленно же провозгласили царемъ Бориса Годунова.

Послѣ этого патріархъ положилъ идти всѣмъ соборомъ въ Новодѣвичій монастырь просить Бориса Ѳедоровича на царство. Пристава и пособники Борисовы согнали много московскаго народу и приказывали всѣмъ плакать и умолять Годунова согласиться принять царскій вѣнецъ. Изъ раболѣпства и страха москвичи, за недостаткомъ слезъ мазали глаза слюнями, а тѣхъ, которые неохотно вопили и дурно кланялись, пристава понуждали пинками въ спину. Тѣ, говоритъ лѣтопись, хоть и не хотѣли, а поневолѣ выли по волчьи. Борисъ долго притворно упрямился и отнѣкивался, говорилъ, что ему и въ разумъ никогда не приходило такое великое дѣло; но наконецъ согласился и былъ объявленъ царемъ (1598 г.).

Черезъ три года послѣ того въ народѣ стали распространяться слухи, что царевичъ Димитрій живъ и что въ Угличѣ былъ зарѣзанъ не настоящій сынъ Грознаго, а другой, подмѣненный отрокъ. Въ то же время въ Польшѣ явился неизвѣстный человѣкъ, объявившій себя сыномъ Ивана Грознаго, Димитріемъ, спасеннымъ отъ рукъ убійцъ. Польскій воевода Юрій Мнишекъ принялъ его въ своемъ домѣ и обѣщалъ помочь ему вернуть отцовскій престолъ. Этотъ неизвѣстный человѣкъ сталъ разсылать по всѣмъ городамъ граматы, въ которыхъ объявлялъ себя законнымъ наслѣдникомъ престола, и призывалъ русскихъ людей въ свое войско. Борисъ Годуновъ, почуявъ недоброе, сдѣлался мрачнымъ и подозрительнымъ. Его соглядатаи всюду подслушивали, не говоритъ ли кто-нибудь про спасеннаго царевича Димитрія. Начались доносы, пытки и казни. По царскому приказу, патріархъ Іовъ разослалъ по церквамъ граматы, въ которыхъ объявлялъ, что проявившійся въ Польшѣ человѣкъ—самозванецъ, расстрига, Гришка Отрепьевъ, и предалъ его церковному проклятію. Но ничто не помогало

*) На этомъ соборѣ было сто девятнадцать дворянъ, около ста настоятелей монастырей и только тридцать восемь посадскихъ

Пытки и казни только усиливали нелюбовь народа къ Борису и увеличивали вѣру въ Димитрія. Наконецъ въ 1600 году названный Димитрій вступилъ съ своимъ войскомъ въ Московское государство. Войско его состояло изъ трехъ тысячъ поляковъ и двухъ тысячъ днѣпровскихъ казаковъ. Но скоро къ нему присоединились бѣглые люди изъ разныхъ городовъ и три тысячи донскихъ казаковъ. Всего собралось до пятнадцати тысячъ. Южные города одинъ за другимъ сдавались и признавали Димитрія законнымъ царемъ. Посланное Годуновымъ большое войско сражалось не охотно и терпѣло неудачи. Вдругъ 16-го апрѣля (1605 г.) Борисъ Годуновъ скоропостижно умеръ. Въ Москвѣ царемъ былъ объявленъ его сынъ шестнадцати-лѣтній Ѳедоръ, а къ московскому войску былъ посланъ воевода Басмановъ приводить людей къ присягѣ и продолжать войну. Но Басмановъ поколебался. Въ войскѣ поднялся шумъ и разногласіе. Многіе ратные люди прямо говорили, что не хотятъ служить Борисову роду. Въ числѣ первыхъ, смѣло поднявшихъ такой голосъ, были рязанскіе дворяне, братья Ляпуновы. Тогда Басмановъ съ всѣмъ войскомъ перешелъ—на сторону Димитрія. Дѣло Годуновыхъ погибло; имъ оставалось или отречься отъ престола, или бѣжать изъ Москвы. Московскій народъ заволновался. Пріѣхали послы Димитрія, Пушкинъ и Плещеевъ, съ граматой къ народу. Народъ бросился во дворецъ; вдовую царицу, молодого Ѳедора и его сестру Ксенію стащили съ престола и перевезли на водовозныхъ клячахъ въ прежній Борисовъ домъ. Черезъ нѣсколько дней отъ Димитрія пріѣхали новые послы, князья Василій Голицынъ и Рубецъ-Мосальскій; по ихъ приказанію дворяне Михаилъ Молчановъ и Шеферединовъ ворвались съ тремя стрѣльцами въ домъ Годуновыхъ и убили Ѳедора съ его матерью.

Тогда въ Москву вступилъ названный Димитрій. Его встрѣтили торжественно съ колокольнымъ звономъ; никто не сомнѣвался, что это настоящій сынъ Ивана Грознаго, особенно послѣ того, какъ вернулась изъ заточенія бывшая царица, инокиня Марѳа, и признала Димитрія своимъ сыномъ. 30 іюля было совершено въ Успенскомъ соборѣ царское вѣнчаніе, и Димитрій окончательно вступилъ на русскій престолъ.

Это царствованіе какъ будто обѣщало хорошій поворотъ.

Новый царь велъ себя не такъ, какъ прежніе цари. Онъ былъ очень дѣятеленъ, каждый день присутствовалъ въ боярской думѣ, и самъ разбиралъ дѣла. Случалось, что какое-нибудь дѣло затрудняло думныхъ людей, и они никакъ не могли рѣшить его; вдругъ царь съ легкой усмѣшкой говорилъ: «Что вы тутъ нашли труднаго?» и въ нѣсколько минутъ разрѣшалъ всѣ затрудненія.

При немъ было запрещено записываться въ кабалу со всѣмъ потомствомъ, какъ это дѣлалось раньше, а можно было записываться въ холопы только на время жизни господина; по смерти же господина холопъ становился свободнымъ. Сверхъ того постановлено было, что помѣщики, которые не кормили крестьянъ во время голода, не могли удерживать ихъ на своихъ земляхъ; и подтверждено было правило, что бѣглыхъ крестьянъ можно было разыскивать только въ теченіе пяти лѣтъ; послѣ этого срока бѣглый крестьянинъ становился свободнымъ. Вообще видно было желаніе дать народу болѣе льготы. Установлено было, чтобы судъ былъ вездѣ безплатный. Царь объявилъ, что принимаетъ челобитныя отъ людей всякаго званія, и назначилъ два дня въ недѣлю, когда всякій могъ приходить и говорить съ нимъ лично. Всѣмъ позволено было свободно заниматься промыслами и ремеслами. Уничтожены были всякія стѣсненія къ выѣзду изъ Россіи заграницу и къ въѣзду иностранцевъ въ русское государство. «Я никого не хочу стѣснять, говорилъ Дмитрій; мои владѣнія для всѣхъ во всемъ должны быть свободны.» Вопреки обычаямъ прежнихъ царей, которые послѣ сытныхъ обѣдовъ укладывались спать, Дмитрій, пообѣдавшій, выходилъ одинъ пѣшкомъ въ городъ, заходилъ въ разныя мастерскія, толковалъ съ мастерами, осматривалъ ихъ работы, говорилъ ласково со встрѣчными.

Любилъ онъ толковать о томъ, чтобы дать народу образованіе, и совѣтовалъ своимъ вельможамъ посылать дѣтей учиться заграницу; самъ онъ любилъ читать и собирался основать въ Москвѣ университетъ.

Въ казнѣ московскихъ царей лежали громадныя сокровища, накопленныя разными способами. Царь Иванъ Грозный отнималъ имущество у всѣхъ казненныхъ имъ бояръ; онъ обобралъ также монастырскія богатства въ свою пользу,

Кромѣ того цари захватили въ свои руки торговлю нѣкоторыми товарами и не позволяли никому другому торговать этими товарами. Димитрій былъ чрезвычайно добръ и щедръ. Въ первые полъ-года онъ роздалъ до семи съ половиною милліоновъ рублей. Онъ уплатилъ долги, оставленные Иваномъ Грознымъ, и возвратилъ многимъ имѣнія, отнятыя этимъ жестокимъ царемъ.

Вообще было видно, что это—человѣкъ новый, воспитанный не поцарски, не пріученный съ дѣтства къ жестокости, не испорченный властью и раболѣпствомъ.

Онъ не любилъ монаховъ, обвинялъ ихъ въ тунеядствѣ, велѣлъ сдѣлать опись монастырскихъ имѣній и грозилъ, что оставитъ имъ только на необходимое содержаніе, а все остальное отберетъ въ казну. Онъ зналъ хорошо священное писаніе, но ему было не по нраву московское показное благочестіе. Онъ говорилъ духовенству и мірянамъ: „У васъ въ церкви только обряды, а смыслъ ихъ укрытъ; только въ томъ поставляете благочестіе, что посты сохраняете, иконы чествуете, а никакого понятія не имѣете о существѣ вѣры; ваши попы и архіереи—невѣжды и не учатъ народъ; вы лицемѣрно славитесь своимъ благочестіемъ, а живете непохристіански; вы развратны, злобны и мало любите ближняго.“ Онъ доказывалъ, что не достойно и безразсудно презирать иновѣрцевъ. „Чтожъ такое латинская и лютеранская вѣра? говорилъ онъ, такая же христіанская, какъ и греческая: и они во Христа вѣруютъ!“ Когда ему говорили о семи вселенскихъ соборахъ, онъ отвѣчалъ: „Если семь было соборовъ, то почему же не можетъ быть восьмого и десятаго, и болѣе? Пусть всякій вѣритъ по своей совѣсти. Я хочу, чтобы въ моемъ государствѣ всѣ иновѣрцы отправляли богослуженіе по своему обряду.“

Все это не нравилось старымъ московскимъ боярамъ, не нравилось духовенству, не нравилось и помѣщикамъ. отъ которыхъ новый царь хотѣлъ защитить крестьянъ, Скоро у Димитрія явилось много враговъ. Самымъ опаснымъ изъ нихъ былъ князь Василій Шуйскій, который велъ свой родъ отъ самыхъ древнихъ князей и самъ мѣтилъ на царство. Еще до вѣнчанія Димитрія, Шуйскій началъ замышлять его сверженіе, созывалъ къ себѣ въ домъ знакомыхъ торговыхъ людей и началъ ихъ разглашать въ народѣ. что

новый царь не истинный сынъ Ивана Грознаго, а Гришка Отрепьевъ. Заговоръ былъ скоро открытъ. Шуйскіе были взяты подъ стражу. Димитрій отстранилъ себя отъ этого дѣла и приказалъ судить Шуйскихъ собранію изъ всѣхъ сословій. Собраніе осудило Василія Шуйскаго на смерть, а братьевъ его въ ссылку. Но Димитрій замѣнилъ смертную казнь ссылкою въ Вятку.

Новый царь часто повторялъ, что не хочетъ преслѣдовать своихъ зложелателей и далъ Богу обѣщаніе не проливать крови подданныхъ. Черезъ три мѣсяца онъ вернулъ изъ ссылки Шуйскихъ и опять приблизилъ ихъ къ себѣ, взявши съ нихъ клятву въ вѣрности. Василій казался вѣрнымъ и преданнымъ, а тайно рѣшилъ впередъ работать для своихъ цѣлей поосторожнѣе. Однимъ слухомъ, что царь не настоящій Димитрій а обманщикъ, невозможно было поднять народъ. У народа всегда былъ готовъ отвѣтъ: а зачѣмъ родная мать и всѣ бояре признали его? Надо было напирать на поступки Димитрія, на его свободныя рѣчи о московскомъ благочестіи, на его желаніе жениться на дочери польскаго воеводы Юрія Мнишка, Маринѣ, которую онъ полюбилъ еще въ Польшѣ. Къ Шуйскому пристали князь Василій Голицынъ, князь Куракинъ, Татищевъ и кое-кто изъ важныхъ духовныхъ сановниковъ. Самъ Шуйскій допускалъ къ себѣ въ домъ для совѣщаній только немногихъ, самыхъ близкихъ и надежныхъ. Онъ однако зналъ, что простой народъ привязанъ къ Димитрію, и отложилъ исполненіе умысла до того времени, когда изъ Польши должна была пріѣхать царская невѣста съ польской свитой. Шуйскій понялъ, что если съѣдутся поляки, то не утерпятъ, чтобы не обидѣть московскихъ жителей; тогда можно скорѣе возбудить народъ.

Наконецъ, пріѣхала царская невѣста со своимъ отцемъ и со множествомъ поляковъ. Поляковъ развели по квартирамъ въ городѣ. Многіе изъ нихъ вели себя высокомѣрно и оскорбляли москвичей. Послѣ царской свадьбы начались пиры. Поляки въ пьяномъ разгулѣ бросались на женщинъ среди улицъ, врывались въ дома; иные, гордо побрякивая саблями, кричали: „мы дали царя Москвѣ!“ Эти выходки вызывали со стороны московскихъ людей раздраженіе, ссоры и драки.

Все это было на руку заговорщикамъ. Они собрались въ домъ Шуйскаго и рѣшили на пятый день свадьбы въ ночь съ пятницы на субботу ударить въ набатъ, выбѣжать на улицу и кричать, что поляки хотятъ убить царя и думныхъ людей, а Москву взять въ свою волю. Народъ услышитъ и бросится на поляковъ, а они тѣмъ временемъ, какъ будто спасать царя, бросятся въ Кремль и покончатъ его тамъ.

Приближенные царя, предчувствуя бѣду, подали ему письменный доносъ, гдѣ говорили про измѣну и предупреждали, что надобно какъ можно скорѣе принять мѣры. Но царь не сталъ читать и сказалъ: «Это все вздоръ!» Онъ не хотѣлъ вѣрить никакимъ предостереженіямъ. Въ пятницу вечеромъ во дворцѣ былъ послѣдній балъ. Царь былъ особенно веселъ и поздно отправился спать.

Заговорщики не спали. Шуйскій приказалъ ночью отворить тюрьмы и выпустить заключенныхъ. Имъ роздали топоры и мечи. Съ солнечнымъ восходомъ ударили въ набатъ. Народъ сталъ сбѣгаться со всѣхъ сторонъ въ Китай-городъ. Главные руководители, Шуйскій, Татищевъ, Голицынъ, были на коняхъ; съ ними толпились на Красной площади до двухъ-сотъ заговорщиковъ. «Что за тревога!» спрашивалъ народъ. Заговорщики кричали: «Литва собирается убить государя и бояръ: идите бить литву, а ихъ имущество берите себѣ». Народъ бросился въ разныя стороны на поляковъ, а Шуйскій, освободившись отъ народной толпы, поѣхалъ въ Кремль.

Набатный звонъ разбудилъ Димитрія. Онъ поспѣшно вскочилъ, выбѣжалъ изъ спални и столкнулся съ своимъ вѣрнымъ Басмановымъ. «Поди узнай, что такое», сказалъ царь. Басмановъ отворилъ окно и увидѣлъ бѣжавшую разъяренную толпу. «Что вамъ надобно? что это за тревога?» спросилъ онъ.

Толпа закричала: «отдай намъ своего царя вора!» Басмановъ бросился къ Дмитрію и закричалъ: «Вотъ, государь! Самъ виноватъ! Не вѣрилъ своимъ вѣрнымъ слугамъ! Бояре и народъ идутъ на тебя!»

Толпа подходила къ крыльцу.

„Государь, спасайся!—сказалъ Басмановъ, а я умру за тебя!“ Но Димитрій безстрашно выступилъ впередъ въ сѣни,

выхватилъ у одного изъ своихъ стражниковъ аллебарду и закричалъ толпѣ: «я вамъ не Борисъ!»

Изъ толпы выстрѣлили. Пуля не зацѣпила Димитрія. Басмановъ сталъ впередъ и заслонилъ собой царя.

На него кинулся Татищевъ и ударилъ Басманова длиннымъ ножемъ прямо въ сердце. Басмановъ покатился съ лѣстницы. Димитрій, пріотворивъ дверь, началъ махать аллебардою на обѣ стороны и кое-кого зацѣпилъ. Но заговорщики стали стрѣлять. Тогда дверь заперли. Заговорщики ударами топоровъ выломали ее. Царь со своими стражниками заперся въ передней комнатѣ. Заговорщики стали ломать слѣдующую дверь. Сѣни съ другой стороны были заняты толпою. Выхода не было. Царь глянулъ въ растворенное окно изъ угловой комнаты и увидалъ вдали стрѣльцовъ на караулѣ. Тутъ ему пришла мысль выпрыгнуть изъ окна и отдаться подъ защиту народа.

«Еслибы ему удалось—говоритъ одинъ иностранецъ—благополучно соскочить и уйти, онъ избавился бы отъ бѣды: народъ перебилъ бы заговорщиковъ.» Димитрій началъ спускаться изъ окна, но оборвался и упалъ на землю. Окно было очень высоко. Царь разбилъ себѣ грудь, вывихнулъ ногу, зашибъ голову и лишился чувствъ.

Къ нему подбѣжали стрѣльцы, отлили его водой и хотѣли защитить. Въ это время раздались крики: «Нашли, нашли еретика!» Заговорщики, отыскавъ слѣдъ своей жертвы, бросились туда съ ружьями, рогатинами и топорами. Стрѣльцы закрыли своего царя, стали въ строй и дали залпъ. Нѣсколькихъ дворянъ убили. Тогда кто-то закричалъ:

«Когда такъ, идемъ въ стрѣлецкую слободу, побьемъ ихъ женъ и дѣтей, если они не хотятъ выдать вора, обманщика, злодѣя.»

Стрѣльцы испугались, поговорили между собой, разступились и оставили Димитрія одного. Заговорщики подняли его и понесли во дворецъ. Тамъ они всячески надругались надъ нимъ; наконецъ одинъ изъ нихъ выстрѣлилъ въ Димитрія изъ короткаго ружья и убилъ его сразу. Тогда заговорщики бросились на трупъ, топтали его ногами, кололи ножами, били палками, привязали за ноги на веревку и вытащили на Красную площадь. Потомъ они вызвали царицу Марѳу и спросили ее:

«Говори, царица Марѳа, твой ли это сынъ?»

По одному извѣстію Марѳа отвѣчала: «Не мой!» По другому извѣстію она сказала: «Былобъ меня спрашивать, пока онъ былъ живъ; а теперь, когда вы его убили, онъ уже не мой!»

Такъ умеръ этотъ неизвѣстный человѣкъ, бывшій царемъ только одиннадцать мѣсяцевъ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Самозванцы и Московское разоренье.

Убивши царя Димитрія, бояре возвели на престолъ главнаго изъ заговорщиковъ, Василія Шуйскаго. Обманутый московскій народъ, перебивъ и ограбивъ польскихъ людей, сбѣжался на Красную Площадь и требовалъ объясненія: Кто убилъ царя? кто выбралъ новаго? кричали они. Пособники Шуйскаго вышли на лобное мѣсто и обѣщали народу представить явныя улики, что убитый ими царь былъ дѣйствительно воръ, обманщикъ, растрига, еретикъ, и хотѣлъ истребить православную вѣру. Тогда была придумана сказка, что царь Димитрій замышлялъ съ поляками собрать за городомъ, какъ бы для военной потѣхи, московскихъ бояръ и дворянъ и перебить ихъ, а потомъ обратить московское государство въ католическую вѣру. Въ Угличѣ были на этотъ случай открыты мощи царевича Димитрія и перевезены въ Москву; у этихъ мощей цѣлыя двѣ недѣли происходили якобы чудеса и исцѣленія, и по всей Москвѣ звонили въ колокола, чтобы люди знали, что новоявленный угодникъ творитъ чудеса. Случилось, что одинъ больной, введенный во храмъ, умеръ. Это объяснили его безвѣріемъ. Иностранцы спрашивали у сидѣвшихъ около церкви увѣчныхъ и слѣпыхъ: «Что же васъ не исцѣляетъ царевичъ?» «По маловѣрію нашему,» отвѣчали страдальцы: «Богъ чрезъ ангела своего объявляетъ заранѣе нашимъ архіереямъ и попамъ, кого онъ удостоитъ исцѣлить.» Черезъ два дня по открытіи мощей новый царь Василій Шуйскій разослалъ по всѣмъ городамъ грамоту, въ которой говорилось, что царица Марѳа покаялась передъ нимъ, Василіемъ Ивановичемъ, и передъ всѣмъ народомъ въ томъ, что она признала своимъ сыномъ лютаго еретика и чернокнижника Гришку Отрепьева.

Такъ старался царь Василій убѣдить народъ въ своей правотѣ и укрѣпиться на престолѣ. Но съ его воцареніемъ смута въ Московскомъ государствѣ не только не прекратилась, а еще болѣе усилилась. Смута въ государствѣ происходила отъ народнаго недовольства. Всѣ тяглые или *черные* люди находились въ Московскомъ Государствѣ въ большомъ угнетеніи: крестьяне уже были обращены почти въ полное рабство; помѣщики разоряли ихъ; многіе крестьяне разбѣгались отъ притѣсненія; деревни пустѣли; земледѣліе было въ упадкѣ; вся страна обѣднѣла. Та страна, гдѣ народъ въ рабствѣ и въ угнетеніи, не можетъ быть богатой. Чтобы пополнить казну, облагали налогами промыслы и торговлю и завели казенную продажу вина, обогащаясь народнымъ пьянствомъ; царскіе кабаки сдѣлались главной доходной статьей. Воеводы и чиновники, сбиравшіе подати, грабили народъ не только въ царскую, но и въ свою собственную пользу. Судьи потакали сильнымъ, подвергали черныхъ людей пыткамъ и присуждали ихъ въ кабалу къ богатымъ. У народа не было никакихъ правъ и никакой защиты: ни въ своихъ законахъ, ни въ своихъ выборныхъ, ни въ своемъ войскѣ. Все находилось въ царскихъ рукахъ, а царь правилъ черезъ бояръ и дворянъ. Народъ уже давно забылъ о прежнихъ вольныхъ, вѣчевыхъ порядкахъ и даже не думалъ о томъ, что можетъ быть какое-нибудь другое управленье. Но народу было тяжело, и онъ бросался во всѣ стороны, ища какого нибудь спасенья; а это спасенье могло быть, по его понятіямъ, только въ царѣ. Явился Димитрій Самозванецъ, и народъ бросился къ нему, ожидая, что онъ то именно и есть настоящій помазанникъ Божій, который принесетъ ему счастье. Но черезъ одинадцать мѣсяцевъ Димитрій былъ убитъ Василіемъ Шуйскимъ, который былъ послѣ этого тоже помазанъ на царство. Народу было попрежнему тяжело, и онъ снова бросился искать спасенья въ другомъ царѣ.

У убитаго Димитрія остались приверженцы, ненавидѣвшіе Шуйскаго. Двое изъ нихъ, князь Шаховской и дворянинъ Молчановъ, уѣхавши изъ Москвы, стали распускать слухи, что Димитрій спасся отъ убійцъ и находится въ Польшѣ у своей тещи. „Постойте, братцы, за своего законнаго государя!“ говорили они. Многіе города сейчасъ же пристали

къ нимъ и стали вооружаться противъ Шуйскаго, разсылались граматы во всѣ стороны, дали знать на Донъ, откуда поспѣшили казаки. Царь Шуйскій выслалъ войско, но оно было разбито. Въ Москвѣ стали появляться подметныя письма, гдѣ говорилось, что Димитрій живъ и скоро придетъ въ свою столицу. Его никто еще не видалъ; ходилъ только слухъ, что онъ находится въ Польшѣ; но одного этого слуха было достаточно, чтобы мятежъ охватилъ Московское государство, какъ пожаръ, потому что вездѣ было недовольство. Тула, Кашира, Калуга, Можайскъ, Орелъ, Вязьма провозгласили царемъ Димитрія; дворяне Ляпуновы, Захаръ и Прокопій, возмутили Рязанскую землю; возстали также тверскіе города и городъ Владиміръ; волновались Новгородъ и Псковъ. Явился предводитель Болотниковъ, который сказалъ, что видѣлъ Димитрія въ Польшѣ и что тотъ назначилъ его своимъ воеводой. Къ Болотникову отовсюду стекались шайки. Его полчище двинулось къ Москвѣ и остановилось въ селѣ Коломенскомъ за 7 верстъ отъ столицы; но это полчище было отбито и перешло въ Калугу. Въ это время появился другой казацкій самозванецъ Петръ, который назвался сыномъ царя Ѳедора. Такъ какъ Димитрій все еще не показывался, то народъ ухватился за этого новаго царевича Петра. Другіе же приверженцы Димитрія стали сомнѣваться, подозрѣвать, что ихъ обманули, и снова переходили къ Шуйскому; въ томъ числѣ были и братья Ляпуновы. Царское войско стало одолѣвать. Болотниковъ былъ разбитъ, самозванецъ Петръ взятъ въ плѣнъ и повѣшенъ.

Но, наконецъ, долго жданный Димитрій явился. Это былъ какой то неизвѣстный человѣкъ; одни называютъ его Богдановымъ, другіе—Веревкинымъ. Онъ явился въ Стародубѣ. Изъ Стародуба были разосланы граматы въ сосѣдніе города, чтобы русскіе люди шли къ своему царю. Посланы были гонцы въ Москву. Къ самозванцу опять стали стекаться съ разныхъ сторонъ люди. У него собралось большое войско. Оно состояло главнымъ образомъ изъ такъ называемыхъ *воровскихъ казаковъ* и поляковъ. Воровскими казаками назывались тогда бѣглые люди большею частью изъ крѣпостныхъ и государственныхъ крестьянъ, а также изъ посадскихъ тяглыхъ мѣщанъ. Они убѣгали отъ тяже-

лыхъ поборовъ и притѣсненій, отъ воеводъ и помѣщиковъ; они собрались на Волгѣ и на Дону, въ степяхъ между границей Московскаго государства и владѣніями крымскихъ татаръ. Воюя постоянно съ татарами, они были полезны Московскому государству. и московскіе цари часто посылали имъ денегъ и военныхъ припасовъ. Но казаки привыкли къ вольной жизни, ненавидѣли Москву и теперь были рады начавшейся смутѣ. Съ другой стороны поляки искали случая отомстить Шуйскому и московскому народу за избіеніе и ограбленіе многихъ поляковъ во время убійства Димитрія. Тогда ихъ погибло болѣе четырехъ сотъ человѣкъ. Кромѣ того у поляковъ была своя вольница, искавшая добычи. Все это стекалось теперь къ самозванцу и разсыпалось по всей Московской землѣ,

Московскіе бояре увидѣли, что съ Шуйскимъ имъ нельзя удержаться. Противъ нихъ надвигалась вся голытьба, вся обездоленная Русь, выставлявшая своего царя. Но признать этого царя боярамъ было невозможно: въ граматахъ самозванца объявлялось, что онъ идетъ все перевернуть на Руси: чтобы богатые обнищали, а нищіе обогатѣли, чтобы бояре стали мужиками, а мужики правили землей. Тогда нѣкоторые изъ бояръ стали сноситься съ польскимъ королемъ Сигизмундомъ, обѣщая ему выбрать московскимъ царемъ его сына Владислава, если онъ освободитъ ихъ отъ самозванца. Польскій король ухватился за этотъ случай и послалъ въ Московское государство свое войско. Тогда большая часть поляковъ, бывшихъ съ самозванцемъ, бросила его и присоединилась къ королевскому войску. Войско Шуйскаго было разбито подъ Царевымъ-Займищемъ и поляки приблизились къ Москвѣ. Съ другой стороны войско самозванца также стояло подъ Москвою, и самозванецъ велъ переговоры съ польскимъ королемъ, чтобы тотъ не мѣшалъ ему покорить Москву. Тогда московскіе бояре, пригласившіе польскаго короля, свергли Шуйскаго съ престола, насильно постригли его въ монахи и впустили въ Москву польское войско. Самозванецъ долженъ былъ бѣжать и скоро былъ убитъ въ степяхъ татарами.

Овладѣвъ Москвой, польскій король уже думалъ о томъ, чтобы самому сдѣлаться московскимъ царемъ и соединить Московское государство съ Польшей. Но тогда началось

движеніе противъ чужеземцевъ во всемъ русскомъ народѣ.

Послѣ убійства царя Димитрія, когда въ теченіе цѣлыхъ шести лѣтъ появлялись разные самозванцы, русскій народъ терпѣлъ величайшее разореніе. Повсюду свирѣпствовали буйныя казацкія и польскія шайки; подати и всякіе военные поборы собирались съ народа и въ пользу царя Шуйскаго, и въ пользу самозванца, и въ пользу польскаго войска; часто съ одного города, съ одной и той же волости собиралась тройная подать. Наконецъ народъ былъ недоволенъ, что бояре самовольно выбрали въ цари польскаго королевича, и что поляки завладѣли Москвой. Народу стало невыносимо. Дальніе города, менѣе потерпѣвшіе отъ смутнаго времени, Вологда, Пермь, Нижній-Новгородъ, Казань, Ярославль и Великій Новгородъ, стали сноситься между собой, разсылать письма и граматы и сговариваться, чтобы освободить русскую землю отъ самозванцевъ и поляковъ. «Если кто хочетъ изъ васъ помереть христіанами», писалось въ этихъ граматахъ, «пусть начнутъ великое дѣло, чтобы быть всѣмъ намъ воедино. Положите крѣпкій совѣтъ между собою; буде и есть между вами недоволы, Бога ради, отложите то на время, чтобы всѣмъ намъ стать за едино».

Во главѣ этого народнаго движенія сталъ Нижній-Новгородъ. Когда въ октябрѣ 1611 года тамъ была получена грамата изъ Троицкаго монастыря, весь народъ собрался возлѣ церкви Святаго Спаса. Изъ церкви вышелъ посадскій староста Козьма Захарычъ Мининъ, по прозванію Сухорукъ, и сказалъ громкимъ голосомъ:

«Православные люди! Не пожалѣемъ животовъ нашихъ, да не токма животовъ, дворы свои продадимъ, женъ и дѣтей заложимъ! Дѣло великое! Я знаю: только мы поднимемся, многіе города къ намъ пристанутъ, и мы избавимся отъ чужеземцевъ». Въ воеводы выбрали князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, который еще прежде воевалъ противъ поляковъ съ Ляпуновыми и теперь едва оправился отъ ранъ.

Началось собираться ополченье. Всюду собирали деньги, созывали ратныхъ людей, и все это отправляли въ Нижній-Новгородъ. Пришло ополченіе изъ Рязани, изъ Свіяжска, изъ Чебоксаръ, изъ Казани и другихъ понизовыхъ городовъ. Ярославцы ожидали нижегородцевъ. Когда ополчанье вышло изъ Нижняго и направилось къ Москвѣ, къ нему

стали присоединяться и балахнинцы, и юрьевцы, и костромичи, и суздальцы.

Въ августѣ 1612 года ополченье подошло къ Москвѣ, въ которой заперлись поляки. Въ сентябрѣ поляки должны были сдаться отъ голода. Москва была освобождена. Польскій король увидѣлъ, что его дѣло проиграно и отступилъ со своимъ войскомъ обратно въ Польшу.

Такъ кончилось это смутное время, или «великая разруха» Московскаго государства, какъ говорили тогда. Она продолжалась около десяти лѣтъ. Государство было разорено, и въ немъ не осталось никакого правительства. Надо было думать о новомъ устройствѣ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Избраніе новаго царя и новые порядки въ Московскомъ государствѣ.

Мы видѣли, что самовластіе Ивана Грознаго достигло полной силы. Казалось, что царская власть стояла твердо. Новгородцы и псковичи были истреблены, все остальное населеніе запугано до того, что пряталось или падало на землю при одномъ имени Грознаго Царя; лучшіе люди изъ бояръ и прежнихъ князей были перебиты. Но вотъ не прошло и двадцати лѣтъ со смерти Ивана Грознаго, какъ все это разлетѣлось въ прахъ, и твердыня московскаго самовластія рухнула. Стоило появиться самозванцу, какому то невѣдомому человѣку, и началась «великая разруха» Московскаго государства. Бояре и дворяне сейчасъ же бросили законнаго царя и перешли на сторону самозванца; потомъ убили царя Дмитрія и возвели на престолъ Василія Шуйскаго; потомъ свели съ престола и этого „божьяго помазанника“ и пригласили польскаго королевича Владислава. Простонародье, вся голыдьба также поднялась, отыскала себѣ своего царя и пошла на Москву. Вся страна заколыхалась. Оказалось, что царская власть держалась на одномъ волоскѣ. Стоило пустить слухъ, что царевичъ Дмитрій не умеръ, а подмѣненъ, и всѣ охотно повѣрили этому; всѣ рады были ухватиться хоть за соломинку, чтобы только начать смуту.

Отчего же эта власть московскихъ царей оказалась такой непрочной? Оттого она оказалась такой непрочной, что никто не былъ доволенъ московскими царями. Даже бояре и дворяне и тѣ были недовольны, потому что казнили ихъ безъ суда, а имущество ихъ брали себѣ. А когда никто не доволенъ въ государствѣ, то никакая власть не можетъ удержаться.

Такъ рухнула и власть московскихъ царей, которую они построили по татарскому образцу. Они думали, что государствомъ можно править кнутами, да палачами, да опричниками. Но оказалось, что это не такъ. Такое правленіе кончилось восьмилѣтней смутой, потрясшей все государство и не оставившей камня на камнѣ отъ прежней царской власти. Послѣ освобожденія Москвы и изгнанія поляковъ пришлось выбирать новое правительство и устраивать сызнова всю русскую землю. Для этого московскіе бояре созвали въ Москву выборныхъ людей отъ всѣхъ чиновъ Московскаго государства, отъ служилыхъ людей, то есть отъ бояръ и дворянъ, отъ городскихъ жителей и отъ сельскихъ людей. Выборные люди съѣхались въ Москву и начали съ того, что стали выбирать царя. Выборные люди отъ простого народа, отъ городскихъ и сельскихъ жителей, на томъ и покончили; больше этого они еще ничего не понимали. Они думали, что если выберутъ хорошаго царя, будетъ хорошее правительство, а если выберутъ дурного царя, будетъ дурное правительство. Но бояре московскіе понимали дѣло лучше; они знали, что не такъ важенъ самъ новый царь, какъ весь установленный порядокъ. Новый царь можетъ быть и хорошій, но если порядки дурны, то онъ ничего хорошаго не сдѣлаетъ. Бояре все это понимали; но они заботились только о себѣ и хотѣли установить такой порядокъ, который былъ бы хорошъ и выгоденъ для однихъ бояръ. До простого же народа имъ было мало дѣла. Простой народъ долженъ былъ самъ думать о себѣ.

Когда съѣхавшіеся выборные люди стали выбирать царя, бояре предложили Михаила Ѳедоровича Романова. Семья Романовыхъ была старинная боярская семья: черезъ одну изъ семи женъ Ивана Грознаго они приходились альними родственниками прежнимъ царямъ. Кромѣ [illegible].о. Михаилу

было только шестнадпать лѣтъ; бояре надѣялись, что при неопытности царя имъ будетъ легче держать его въ своихъ рукахъ. Боярин Ѳедоръ Шереметьевъ писалъ князю Голицыну такія слова: «Выберемъ Мишу Романова, онъ молодъ и еще глупъ". Поэтому бояре и сговорились между собою, чтобы предложить избрать царемъ молодого Михаила Романова. Двадцать перваго февраля 1613 года выборные люди собрались на Красную Площадь, при огромномъ стеченіи народа, и безъ большихъ споровъ избрали на царство Михаила Ѳедоровича.

Но еще раньше этого, во время переговоровъ, бояре взяли съ Михаила Ѳедоровича запись съ крестнымъ цѣлованіемъ; въ этой запиеи говорилось, что «царь никого не будетъ казнить безъ суда и вины и о всѣхъ дѣлахъ будетъ мыслить съ боярами и думными людьми сообща, а безъ ихъ вѣдома тайно и явно ничего не дѣлать». Только на этомъ условіи бояре и поддержали Михаила. Этою записью съ крестнымъ цѣлованіемъ бояре обезпечили себя; и дѣйствительно, одинъ современникъ Псковитиновъ, описывая царствованіе Михаила, говоритъ, что при немъ „бояре всею русской землею обладали и царя ни во что не ставили». Съ этихъ поръ уже не было такого царскаго самовластія на Руси, какъ прежде; времена Ивана Грознаго уже прошли; цари знали теперь, что если въ государствѣ всѣ будутъ недовольны ими, то ихъ власть не будетъ прочна; поэтому они стали искать поддержки въ боярахъ и дворянахъ, а чтобы расположить ихъ къ себѣ, отдали имъ крестьянъ въ полное рабство. Итакъ, новые московскіе цари стали опираться на дворянство; вотъ почему еще и теперь часто называютъ дворянъ *опорою престола*. На крестьянъ же и новые правители не обращали никакого вниманія, потому что простой народъ еще слѣпо вѣрилъ въ нихъ.

Однако Смутное время еще было у всѣхъ въ памяти, да и въ освобожденіи Москвы отъ поляковъ участвовала вся земля; не бояре, а простые земскіе люди, съ нижегородскимъ мясникомъ во главѣ, спасли Россію. Поэтому, въ царствованіе Михаила Ѳедоровича, во всѣхъ важныхъ случаяхъ правительство еще обращалось за совѣтомъ ко всему народу, созывало Земскій Соборъ и спрашивало его со-

гласія. Такихъ земскихъ соборовъ при царѣ Михаилѣ былъ двѣнадцать. Двѣнадцать разъ московское правительство созывало на совѣтъ „лучшихъ, середнихъ и молодшихъ людей всѣхъ чиновъ, добрыхъ и умныхъ, съ кѣмъ о томъ дѣлѣ говорить можно». Такъ, напримѣръ, когда донскіе казаки, воевавшіе на свой страхъ съ турками и татарами, взяли турецкій городъ Азовъ (1637 г.), а потомъ предложили его царю, то былъ созванъ Земскій Соборъ, чтобы рѣшить, принять ли подъ свою власть Азовъ или отказаться отъ него. Принять, значило отважиться на войну съ турками. Выборные люди собрались во дворцѣ, въ Столовой Избѣ. Думный дьякъ изложилъ дѣло и задалъ Собору такіе вопросы: „Воевать ли съ султаномъ или мириться и отдать Азовъ? Если воевать, то нужны будутъ деньги и люди; гдѣ ихъ взять?“ Эти вопросы были записаны и розданы всѣмъ депутатамъ; они должны были отвѣтить на нихъ письменно и по сословіямъ.

Бояре и дворяне отвѣтили, что не надо отдавать Азова, а надо стоять за него крѣпко.

Торговые люди отвѣтили, что они очень разорены и оскудѣли. „Торжишки наши, государь, писали они, стали гораздо худы. Въ городахъ всякіе люди оскудѣли и обнищали до конца отъ твоихъ государевыхъ воеводъ. Мы, холопы и сироты твои, просимъ милости твоей, государь, пожаловать твою государеву вотчину, воззрѣть на нашу бѣдность“.

Наконецъ люди низшаго чина, сотскіе и старосты крестьянскихъ слободъ и деревень, также жаловались на свою бѣдность: „Мы, сироты твои, тяглые людишки, писали они, оскудѣли и обнищали отъ пожаровъ, отъ поставки даточныхъ людей (рекрутовъ), отъ подводъ, отъ всякихъ государевыхъ податей. И отъ великой бѣдности многіе тяглые людишки изъ сотенъ и слободъ разбрелись розно и покидали свои дворишки“.

Послѣ такихъ отвѣтовъ правительство не рѣшилось воевать и поспѣшило помириться съ турками.

Но только въ такихъ важныхъ случаяхъ московское правительство обращалось за совѣтомъ ко всему народу; всѣ же текущія дѣла попрежнему находились въ рукахъ однихъ бояръ, а крестьяне оставались попрежнему прикрѣплен-

ными къ землѣ, подъ властью помѣщиковъ или воеводъ, Положеніе низшаго сословія не измѣнилось ни въ чемъ. Государствомъ управляла боярская дума, съ царемъ во главѣ. Въ каждый городъ назначался воевода, въ большіе города—изъ бояръ, въ малые—изъ простыхъ дворянъ. Воевода правилъ всѣмъ уѣздомъ, собиралъ подати, чинилъ судъ и расправу; мы уже видѣли, какъ торговые люди жаловались царю, что они обнищали до конца отъ царскихъ воеводъ. Воеводы брали посулы (то есть взятки) и чинили всякія насилія. Цари писали грозныя грамоты и смѣняли воеводъ, но это нисколько не помогало. Пріѣзжалъ новый воевода и дѣлалъ тоже самое. Что касается помѣщичьихъ крестьянъ, то они находились въ полной власти у своихъ господъ и могли только спастись отъ нихъ бѣгствомъ въ вольныя донскія степи.

Мы видимъ, слѣдовательно, что послѣ смутнаго времени выиграли только бояре и дворяне. Высшая власть стала опираться теперь на высшее сословіе, на боярство и дворянство. Крестьянство же осталось въ прежнемъ положеніи. Ему стало даже еще хуже, потому что вся власть въ государствѣ перешла теперь въ руки бояръ и дворянъ, то есть въ руки помѣщиковъ, у которыхъ крестьяне находились въ каоалѣ.

Не удивительно поэтому, что въ народѣ попрежнему не было ни спокойствія, ни довольства, и при новомъ царствованіи были постоянные мятежи.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Царствованіе Алексѣя Михайловича.

Въ 1645 г. Михаилъ Ѳедоровичъ умеръ, и на престолъ вступилъ сынъ его Алексѣй. Царь Алексѣй Михайловичъ былъ самымъ добрымъ изъ русскихъ царей. Онъ отъ природы былъ кротокъ и благодушенъ. Современники прозвали его *тишайшимъ*. Онъ велъ очень простую жизнь. Впрочемъ первые цари изъ дома Романовыхъ вообще жили очень просто и скромно; дворцы ихъ были необширные, деревянные, изъ восьми или десяти комнатъ; стѣны дворцовъ—голыя, украшенныя только иконами или нарисованными

цвѣтами; вся мебель состояла изъ деревянныхъ скамеекъ и столовъ, покрытыхъ сукномъ; только для самого царя съ царицей были кресла изъ орѣховаго дерева. Въ простые дни цари за обѣдомъ ѣли изъ оловянной посуды; серебряная посуда употреблялась только въ торжественныхъ случаяхъ. Вообще жизнь царей ничѣмъ не отличалась тогда отъ жизни простыхъ зажиточныхъ людей и обходилась государству недорого. Потомъ это измѣнилось, и наши прежніе цари стали окружать себя неслыханной роскошью, чтобы не походить на простыхъ людей. Возьмите самаго простого человѣка, посадите его въ раззолоченный дворецъ, одѣньте въ дорогія одежды, окружите толпою придворныхъ и безчисленной стражей, такъ чтобы къ нему и приступу не было, и вотъ этотъ обыкновенный человѣкъ будетъ казаться какимъ-то особеннымъ человѣкомъ; а живи онъ рядомъ съ вами въ простомъ деревянномъ домѣ, такъ вы быть можетъ и не отличили бы его отъ другого сосѣда.

Первые цари изъ дома Романовыхъ жили просто, не считали себя за людей другой породы, и попросту обращались со всѣми. Алексѣй Михайловичъ, какъ мы уже сказали, былъ чрезвычайно добръ и желалъ поступать по хорошему; онъ не казнилъ ни кого изъ бояръ во все свое царствованіе и никого самъ не обидѣлъ. Еслибы для хорошаго управленія достаточно было имѣть хорошаго царя, то при Алексѣѣ Михайловичѣ Россія должна была бы быть счастливой. Но мы уже говорили, что хорошее управленіе зависитъ не столько отъ людей, сколько отъ порядковъ; а при такихъ порядкахъ, какіе были тогда на Руси, народу не могло быть хорошо. Царствованіе Алексѣя Михайловича было одно изъ самыхъ тяжелыхъ для народа, и въ это именно царствованіе было всего больше мятежей.

Первые мятежи вспыхнули въ самой Москвѣ. Самымъ близкимъ бояриномъ къ царю Алексѣю былъ его воспитатель, бояринъ Морозовъ; они даже были женаты на родныхъ сестрахъ Милославскихъ. Морозовъ конечно сталъ выдвигать впередъ своихъ родственниковъ, которые были также родственниками и царицы. Всѣ выгодныя мѣста были заняты подручниками Морозова, родней Милославскихъ. Они были люди жадные и стали пользоваться своимъ положеніемъ: брали взятки съ людей, которые приходили къ нимъ

судиться; сажали безъ вины въ тюрьму, а потомъ вымучивали за освобожденіе деньги; не выдавали служащимъ жалованье, налагали на торговыхъ людей новыя пошлины. Никакія жалобы не доходили до царя; царь довѣрялъ Морозову; всѣ жалобы разбирались самимъ же Морозовымъ и его подручниками. Особенно москвичи ненавидѣли двухъ подручниковъ Морозова: Леонтія Плещеева и Петра Траханіотова; оба были родственниками Милославскихъ.

Наконецъ москвичи потеряли всякое терпѣніе. Толпы народа стали собираться у церквей и положили остановить царя на улицѣ и требовать у него управы на своихъ мучителей.

Въ маѣ 1648 года царь возвращался, какъ всегда, верхомъ изъ Троицкаго монастыря. Толпа остановила за узду его лошадь; поднялись крики противъ Плещеева. Молодой царь испугался; онъ ласково просилъ народъ разойтись, обѣщая разобрать дѣло и учинить правый судъ. Народъ началъ громко благодарить царя, желать ему многолѣтняго здравія.

Дѣло, быть можетъ, тѣмъ бы и кончилось; но какъ только царь отъѣхалъ, подручники Морозова бросились на толпу съ ругательствами и били кнутьями по головѣ выступавшихъ впередъ съ жалобами.

Толпа пришла въ неистовство и съ криками схватилась за камни. Пріятели Морозова едва успѣли убѣжать во дворецъ. Толпа окружила дворецъ и требовала выдачи Плещеева. Тогда на крыльцо вышелъ бояринъ Морозовъ; но при видѣ его народъ еще болѣе озлобился; онъ не далъ говорить Морозову и кричалъ: „Мы и тебя хотимъ взять!“ Морозовъ поспѣшилъ скрыться. Толпа бросилась къ дому Морозова, гдѣ оставалась его жена. Выломали ворота и двери; ворвались въ домъ; все было перебито и изломано. Боярыню Морозову не тронули; ей только сказали: „Не будь ты сестра царицы, мы изрубили бы тебя въ куски“.

Затѣмъ толпа бросилась ко дворамъ Плещеева и Траханіотова и разнесла ихъ дома; но самихъ ихъ тамъ не было. Иогда народъ снова бросился въ Кремль, окружилъ дворецъ и требовалъ выдачи своихъ лиходѣевъ. Царь выслалъ своего двоюроднаго брата, Никиту Романова, уговаривать народъ; но толпа твердила одно: выдать на казнь Морозова, Пле

щеева и Траханіотова! Во дворцѣ рѣшили пожертвовать Плещеевымъ и вывели его на площадь въ сопровожденіи палача. Народъ вырвалъ Плещеева изъ рукъ палача и заколотилъ палками до смерти.

На другой день толпа снова бросилась ко дворцу требовать Морозова и Траханіотова. Царь, желая спасти Морозова, выслалъ къ народу князя Пожарскаго съ приказомъ разыскать Траханіотова и казнить. Его поймали вблизи Троицкаго монастыря и въ угоду народу отрубили голову.

Было уже за-полдень. Доходила очередь и до Морозова. Вдругъ въ Москвѣ вспыхнулъ пожаръ и быстро распространился по всему городу. Пожаръ отвлекъ народъ отъ мятежа: многимъ пришлось думать о собственной бѣдѣ. Между тѣмъ правительство старалось примириться съ народомъ. Царскій тесть, Милославскій, каждый день устраивалъ пиры и приглашалъ на нихъ вліятельныхъ жителей. Нѣкоторыхъ лицъ, нелюбимыхъ народомъ, смѣстили съ должностей. Въ одинъ изъ праздничныхъ дней царь самъ вышелъ на площадь и просилъ народъ простить Морозова: „Если народъ желаетъ, чтобы Морозовъ не былъ ближнимъ нашимъ совѣтникомъ, говорилъ царь, то мы его отставимъ; лишь бы только намъ не выдавать его головою, потому онъ намъ какъ второй отецъ воспиталъ и возрастилъ насъ. Мое сердце не вынесетъ этого!» Изъ глазъ царя полились слезы. Народъ поклонился царю и воскликнулъ: «Пусть будетъ, какъ угодно царю!»

Но удача московскаго мятежа побуждала народъ къ возстанію въ другихъ городахъ, тѣмъ болѣе, что несправедливости, притѣсненія и обирательства воеводъ усиливали и раздували народную злобу.

Въ 1650 году произошли большіе мятежи въ Псковѣ и Новгородѣ. Царь посылалъ туда войско, уговаривалъ мятежниковъ покориться и смѣнилъ воеводъ.

Въ 1662 году снова вспыхнулъ мятежъ въ Москвѣ изъ-за мѣдныхъ денегъ. Въ это время велась война съ Польшею, и правительство очень нуждалось въ серебрѣ; оно стало всѣми способами собирать въ казну серебряную монету, а вмѣсто нея выпускало мѣдную; подати собирали серебряной монетой, а жалованье всѣмъ служащимъ платили мѣдной. Но мѣдныя деньги легко было поддѣлать, и имъ стало

ходить больше, чѣмъ нужно. Въ одной Москвѣ было выпущено поддѣльной монеты на 620,000 рублей. Всѣ товары поднялись въ цѣнѣ; за одинъ серебряный рубль давали 8 рублей мѣдныхъ. Правительство казнило нѣсколькихъ фальшивыхъ монетчиковъ; но въ народѣ ходилъ слухъ, что царскій тесть Милославскій и царскій любимецъ Матюшкинъ укрывали преступниковъ, брали съ нихъ взятки и выпускали на волю.

25 Іюля, когда царь былъ въ селѣ Коломенскомъ, въ Москвѣ на Лобномъ мѣстѣ собралось тысячъ пять народу, Толпа закричала: идти къ царю требовать, чтобы царь выдалъ виновныхъ бояръ на убіеніе. Одна часть народа бросилась грабить въ Москвѣ дома ненавистныхъ бояръ, а другая двинулась въ село Коломенское, но безъ всякаго оружія. Царь былъ у обѣдни. Когда къ нему пришла вѣсть о московской смутѣ, онъ приказалъ Милославскому и Матюшкину спрятаться у царицы, а самъ остался до конца обѣдни. Выходя изъ церкви, онъ увидѣлъ толпу, которая бѣжала къ нему съ крикомъ и требовала выдачи тестя и любимца. Царь сталъ ласково уговаривать москвичей и обѣщалъ учинить розыскъ. «А чему намъ вѣрить?» кричали москвичи. Царь побожился. Тогда одинъ изъ толпы ударилъ съ царемъ по рукамъ, послѣ чего всѣ отправились обратно въ Москву. Царь немедленно послалъ въ Москву князя Хованскаго уговаривать народъ, который грабилъ тамъ боярскіе дома. Москвичи закричали: «Ты, Хованскій, человѣкъ добрый: намъ до тебя дѣла нѣтъ! Пусть царь выдастъ измѣнниковъ, своихъ бояръ.“ Хованскій поѣхалъ назадъ къ царю, а вслѣдъ за нимъ и толпа бросилась изъ города въ Коломенское. Бояре, которымъ была поручена Москва, выпустивши изъ города эту толпу, приказали запереть всѣ городскія ворота и отправили въ Коломенское до трехъ тысячъ стрѣльцовъ для охраны царя.

Толпа, вышедшая изъ Москвы, встрѣтилась съ тою толпою, которая возвращалась отъ царя и уговорила ее снова идти къ царю. Мятежники ворвались на царскій дворъ. Но царь, видя, что къ нему на помощь идутъ стрѣльцы изъ Москвы, закричалъ окружавшимъ его придворнымъ: «Бейте этихъ бунтовщиковъ!» У москвичей не было въ рукахъ никакого оружія. Они всѣ разбѣжались. Человѣкъ до ста утонуло

въ Москвѣ рѣкѣ; много было перебито. Царь въ тотъ жэ день приказалъ повѣсить до 150 человѣкъ близъ Коломенскаго села; другихъ подвергли пыткѣ, а потомъ отсѣкли имъ руки и ноги. Менѣе виновныхъ били кнутомъ и клеймили раскаленнымъ желѣзомъ. Въ числѣ виновныхъ пострадали и невинные.

Это было въ 1662 году. Но самый страшный мятежъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ вспыхнулъ въ 1670 году. Это былъ бунтъ Стеньки Разина. Здѣсь заволновалась уже не одна Москва, а поднялось на бояръ и дворянъ все крестьянство, всѣ обездоленные черные люди.

Мы видѣли, что положеніе крестьянъ послѣ Смутнаго времени стало гораздо хуже. Мы уже сказали, что новые цари искали опоры и поддержки въ дворянскомъ сословіи, въ помѣщикахъ. Все правленіе перешло въ руки бояръ и дворянъ, то есть въ руки помѣщиковъ, а помѣщики, конечно, стали заботиться объ окончательномъ закрѣпощеніи крестьянъ. Мы уже знаемъ, что свободные переходы крестьянъ отъ одного помѣщика къ другому были запрещены еще при Борисѣ Годуновѣ. Съ тѣхъ поръ крестьянинъ могъ освободиться отъ своего помѣщика только убѣгомъ. Помѣщикъ могъ искать своего бѣглаго крестьянина, но только въ теченіе пяти лѣтъ; послѣ же пятилѣтняго срока бѣглый становился свободнымъ. Но вотъ при царѣ Михаилѣ этотъ пятилѣтній срокъ былъ продолженъ до десятилѣтняго, а при царѣ Алексѣѣ отмѣненъ вовсе, такъ что помѣщикъ могъ искать и требовать своего крестьянина до самой его смерти. При царѣ же Алексѣѣ помѣщики стали продавать крестьянъ на уводъ, безъ земли, какъ рабочую скотину. Крестьяне уже не могли жениться и выходить замужъ безъ разрѣшенія помѣщика. Помѣщикъ могъ безъ суда наказывать своихъ крестьянъ, какъ ему вздумается. Случалось, что помѣщикъ забивалъ до смерти своихъ людей, и это сходило ему съ рукъ. Если въ чемъ провинилась помѣщица, то вмѣсто нея наказывали ея крестьянъ; если помѣщикъ убѣгалъ отъ военной службы, то брали его крестьянъ и держали въ тюрьмѣ. Словомъ, уже вошло въ полную силу крѣпостное право.

Городами и уѣздами правили воеводы. Имъ давалась полная власть. Отъ нихъ требовалось только, чтобы они

хорошо выколачивали подати. Одинъ воевода доносилъ царю такъ: «Я правилъ твои государевы всякіе доходы нещадно, побивая на смерть». Другой воевода ходилъ всегда съ палкою и билъ кого не встрѣчалъ, приговаривая: „Я, воевода, всѣхъ исподтиха выведу и на кого руку наложу, тому отъ меня свѣта не видать и изъ тюрьмы не бывать». Воеводы ѣздили со своими людьми по волостямъ, подвергали крестьянъ истязанію и вымучивали у нихъ деньги. — „Удивительно“, писалъ одинъ иностранецъ, бывшій тогда въ Россіи, „какъ люди могутъ выносить такой порядокъ!» Другой современникъ говорилъ, что „воеводы чуть не сдирали живьемъ кожи съ подвластнаго имъ народа, будучи увѣрены, что никакія жалобы не дойдутъ до царя.“

Единственнымъ спасеньемъ для крестьянъ было бѣгство въ вольныя донскія степи, гдѣ еще не было ни воеводъ, ни помѣщиковъ. При царѣ Алексѣѣ Московское государство простиралось къ югу не далѣе Курска, Воронежа, Тамбова и Симбирска; за этой пограничной чертой шли незаселенныя степи. Только по рѣкѣ Волгѣ стояли города: Самара, Саратовъ, Царицынъ, Черный Яръ, Астрахань. На самомъ же югѣ, по берегу Чернаго моря, въ Крыму, жили татары, которые часто нападали на Московское государство и грабили народъ. Между Крымомъ и пограничной чертой простиралась донская степь, на которой жили вольные донскіе казаки. Они поселились тамъ еще съ незапамятныхъ временъ, вели постоянно войну съ крымскими татарами и охраняли Москву отъ ихъ набѣговъ. За это московское правительство не нарушало казацкихъ вольностей и даже посылало ежегодно казакамъ царское жалованье.

По стародавнему казацкому обычаю, на Дону всѣмъ давался пріютъ; но все-таки природные, «старые» казаки считали себя выше новопришлыхъ и старались ладить съ московскимъ правительствомъ. Скоро на Дону собралось много бѣглаго люда. Всѣ эти бѣглые ненавидѣли московскіе порядки. Въ Московскомъ государствѣ жили ихъ заклятые враги, помѣщики, воеводы, приказные; простой же русскій народъ былъ для нихъ все-таки роднымъ; и вотъ имъ въ голову стала приходить мысль истребить на Руси все, что давило простой народъ, и устроить тамъ казацкую вольность безъ помѣщиковъ, безъ тяжелыхъ поборовъ, съ

выборными властями. Нужно было только, чтобы явился человѣкъ, который собралъ бы вокругъ себя всю донскую голытьбу и повелъ бы ее на исполненіе завѣтной думы.

Такой человѣкъ явился. Это былъ Степанъ Разинъ.

Въ 1665 году часть донскихъ казаковъ съ атаманомъ Разинымъ находилась при войскѣ князя Долгорукаго. Атаманъ Разинъ, считая, что онъ служитъ царю по доброй волѣ, захотѣлъ уйти со своими казаками обратно на Донъ. Князь Долгорукій велѣлъ казнить его. У этого казненнаго атамана было два брата, Степанъ и Фролъ.

Степанъ былъ человѣкъ крѣпкаго сложенія и необыкновенной воли, своенравный и непостоянный, то мрачный и суровый, то веселый и разгульный, то ходившій на богомолье въ Соловецкій монастырь, то не хотѣвшій знать ни постовъ, ни священниковъ. Въ его рѣчахъ было что то обаятельное; толпа чуяла въ немъ какую то небывалую силу.

Этотъ человѣкъ, какъ говорится въ народной пѣснѣ, «не хаживалъ въ казацкій кругъ, не думалъ думушки со старыми казаками, а сталъ думать крѣпкую думушку съ голытьбою». Собравши около себя удалую ватагу, онъ въ апрѣлѣ 1667 года посадилъ ее на четыре струга и поплылъ вверхъ по Дону къ тому мѣсту, гдѣ Донъ близко подходитъ къ Волгѣ. Тамъ они переволоклись на Волгу и стали на высокомъ бугрѣ.

Ватага Разина состояла изъ двухъ тысячъ человѣкъ и была раздѣлена на сотни и десятки; надъ сотней начальствовалъ сотникъ, надъ десяткомъ десятскій. Стенька былъ атаманомъ; есауломъ у него былъ Ивашка Черноярецъ.

Прежде всего они напали на весенній караванъ съ хлѣбомъ, шедшій изъ Москвы. Тутъ были казенныя и патріаршія суда; на одномъ изъ нихъ везли въ Астрахань ссыльныхъ. Начальника стрѣлецкаго отряда изрубили; приказчика, находившагося при судахъ, повѣсили; ссыльныхъ освободили; а простымъ рабочимъ и стрѣльцамъ Разинъ сказалъ такъ:

«Вамъ всѣмъ воля; идите себѣ, куда хотите; силою не стану держать; а кто хочетъ идти со мною, будетъ вольный казакъ. Я пришелъ бить бояръ да богатыхъ, а съ бѣдными и простыми готовъ всѣмъ подѣлиться».

Рабочіе и простые стрѣльцы пристали къ нему.

Стенька завладѣлъ судами и всѣмъ имуществомъ, и поплылъ внизъ уже на тридцати стругахъ.

Подъ Чернымъ Яромъ къ нему пристало еще три астраханскихъ струга со стрѣльцами. Отсюда онъ направился въ Каспійское море, къ устью Урала, поднялся вверхъ по рѣкѣ Уралу, овладѣлъ городомъ Яикомъ и пробылъ тамъ все лѣто, а въ сентябрѣ отправился къ устью Волги, разгромилъ кочевыхъ татаръ, ограбилъ какое-то турецкое судно и на зиму опять вернулся въ Яикъ.

Въ 1668 году Стенька вышелъ въ Каспійское море, и болѣе года не знали, куда онъ дѣвался; а между тѣмъ онъ плавалъ вдоль береговъ моря и грабилъ персидскія земли. Персидскій царь выслалъ противъ него войско на семидесяти судахъ подъ начальствомъ хана. Произошла кровопролитная битва. Казаки одолѣли; ханъ бѣжалъ съ остатками войска а его сынъ и красавица дочь достались казакамъ. Стенька Разинъ взялъ персидскую княжну себѣ въ любовницы. Послѣ того казаки поворотили домой и недалеко отъ устьевъ Волги ограбили купеческое судно; хозяинъ судна прибѣжалъ съ этой вѣстью въ Астрахань.

Астраханскій воевода Прозоровскій тотчасъ отправилъ противъ казаковъ на стругахъ своего товарища, князя Львова, съ отрядомъ вооруженныхъ стрѣльцовъ; но они не могли догнать на морѣ казаковъ. Тогда Львовъ отправилъ къ нимъ посланца сказать, что они могутъ спокойно идти на Донъ, если отдадутъ захваченныя на Волгѣ пушки и струги и отпустятъ забранныхъ ими служилыхъ людей.

Разинъ согласился, но потребовалъ выкупа въ пять тысячъ рублей. Львовъ привелъ Стеньку къ присягѣ и поплылъ къ Астрахани, а за нимъ поплылъ и Стенька со своею ватагою.

Прибывши въ городъ съ главными казаками, Разинъ отдалъ пять мѣдныхъ и шестнадцать желѣзныхъ пушекъ и нѣсколько плѣнныхъ персіянъ, а суда свои обѣщалъ отдать по окончаніи плаванія по Волгѣ. Воеводы домогались отдачи всѣхъ пушекъ и плѣнныхъ, удержанныхъ казаками; но Стенька поднесъ воеводамъ подарки изъ дорогихъ персидскихъ тканей, и они не перечили ему больше; они подружились съ Стенькой, ѣли, пили, прохлаждались съ нимъ; то они приходили къ нему, то онъ къ нимъ.

Казаки провели подъ Астраханью десять дней; они каждый день ходили по городу, щеголяя шелковыми и бархатными одеждами, жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Стенька со всѣми говорилъ ласково и привѣтливо, щедро сыпалъ золото и серебро и тѣмъ заранѣе пріобрѣлъ расположеніе астраханскаго чернаго народа.

Однажды атаманъ пировалъ съ товарищами на своемъ богато украшенномъ стругу. Возлѣ него сидѣла его любовница, плѣнная персидская княжна. Шелковое платье, вышитое золотомъ и серебромъ, жемчугъ и драгоцѣнные камни придавали ей еще больше красоты. Поговаривали, что она уже начинала пріобрѣтать силу надъ суровымъ атаманомъ.

Стенька тогда сильно выпилъ. Вдругъ онъ вскочилъ съ своего мѣста, быстро подошелъ къ краю струга и говоритъ: «Ахъ ты Волга-матушка, рѣка великая! много ты дала мнѣ золота и серебра, а я еще ничемъ не поблагодарилъ тебя!» Съ этими словами онъ схватилъ персидскую княжну и бросилъ въ волны.

Изъ Астрахани Разинъ съ товарищами поплылъ вверхъ по Волгѣ, чтобы переправиться на Донъ.

Подъ Царицынымъ къ нему пришла толпа донскихъ казаковъ съ жалобами на царицынскаго воеводу Унковскаго. Взбѣшенный Разинъ бросился въ городъ къ воеводѣ и съ угрозами требовалъ, чтобы онъ вознаградилъ обиженныхъ казаковъ. Унковскій заплатилъ все, чего требовали казаки.

«Смотри жъ ты воевода—сказалъ Разинъ—если услышу я, что ты будешь притѣснять казаковъ, живого тебя не оставлю!» Унковскій выслушалъ это молча.

Изъ Царицына Разинъ перебрался на Донъ, устроилъ тамъ на одномъ островѣ городокъ Кагальникъ и обнесъ его земляянымъ валомъ. Сюда стала стекаться къ нему голытьба съ Хопра, съ Волги и съ Украины; вскорѣ число его приверженцевъ достигло 2700 человѣкъ. Разинъ щедро надѣлялъ всѣхъ имуществомъ, а самъ жилъ наравнѣ съ прочими въ земляной избѣ. Жена Разина и братъ его Фролъ, бывшіе въ Черкаскѣ, тайно бѣжали оттуда въ Кагальникъ.

Между тѣмъ изъ Москвы присланъ былъ дворянинъ Евдокимовъ съ царскою грамотою къ донскимъ казакамъ, а на самомъ дѣлѣ—узнать, что затѣваетъ Разинъ. Донской

атаманъ Корнило Яковлевъ собралъ кругъ и прочелъ милостивую царскую грамату. Казаки поблагодарили и рѣшили послать съ отвѣтомъ къ великому государю свою станицу. Но на другой же день въ Черкаскѣ явился Разинъ со своею ватагой, собралъ свой особый кругъ изъ преданныхъ себѣ казаковъ и велѣлъ привести Евдокимова.

„Ты зачѣмъ пріѣхалъ сюда?“ спросилъ его Разинъ.

„Пріѣхалъ съ царскою милостивою грамотою!“ отвѣчалъ Евдокимовъ.

„Не съ граматою ты пріѣхалъ—закричалъ Разинъ — а подсматривать за мною!“ и ударилъ Евдокимова; за нимъ стали бить и казаки.

„Въ воду его! посадить его въ воду!“ кричалъ Разинъ. Избитаго Евдокимова бросили въ воду.

Послѣ этого смѣлаго поступка донскіе казаки стали толпами переходить къ Разину. Онъ громко объявлялъ, что пришла пора идти на бояръ, и созывалъ молодцевъ на Волгу.

Въ маѣ мѣсяцѣ Разинъ собрался въ походъ и направился прямо къ Царицыну. По дорогѣ къ нему присталъ извѣстный разбойникъ, Васька Усъ, который прославился тѣмъ, что съ шайкой бѣглыхъ крестьянъ разорялъ помѣщиковъ и вотчинниковъ по воронежскимъ и тульскимъ укааиннымъ мѣстамъ. Разинъ сдѣлалъ его своимъ есауломъ,

Въ Царицынѣ уже все было готово къ приходу Разина. Часть его войска подъѣхала на судахъ; другая половина подошла сухимъ путемъ и окружила городъ. Воевода заперъ городскія ворота и приготовился къ защитѣ. Но царицынцы впустили казаковъ. Воевода заперся въ башнѣ съ нѣсколькими стрѣльцами. Башню взяли, а воеводу привели на веревкѣ къ Волгѣ и утопили.

Разинъ провелъ въ Царицынѣ около мѣсяца и ввелъ тамъ казацкое устройство. Отсюда онъ разсылалъ во всѣ стороны своихъ людей подымать простой народъ.

Вѣсть о взятіи Царицына произвела въ Астрахани большой переполохъ. Воеводы наскоро снарядили до сорока судовъ, посадили на нихъ около трехъ тысячъ стрѣльцовъ съ пушками и отправили противъ Разина подъ начальствомъ князя Семена Львова.

Разинъ тотчасъ же узналъ, что изъ Астрахани послана

на него военная сила. Онъ собралъ кругъ и по общему приговору бставилъ въ Царицынѣ по человѣку съ десятка, а самъ съ остальными восемью или десятью тысячами двинулся къ Астрахани. Одна часть съ Разинымъ плыла по Волгѣ, а другая ѣхала на коняхъ вдоль берега. Подъ Чернымъ Яромъ они встрѣтили суда Львова. Стрѣльцы Львова, какъ только подошелъ Разинъ, закричали въ одинъ голосъ: «Здравствуй, нашъ батюшка, смиритель нашихъ лиходѣевъ!»

Начальниковъ связали и выдали казакамъ.

„Теперь—сказалъ Разинъ—мстите вашимъ мучителямъ; я пришелъ дать вамъ льготы и свободу! Вы мнѣ братья и дѣти!“

Стрѣлецкихъ головъ, сотниковъ и дворянъ, по обычаю, перебили. Львова оставили въ живыхъ.

Въ Астрахани уже ждали прихода Разина. Воевода Прозоровскій и митрополитъ Іосифъ сознавали всю опасность; въ Астрахани не было недостатка въ оружіи и запасахъ; но нельзя было разсчитывать на вѣрность стрѣльцовъ и жителей. Воевода съ городовымъ приказчикомъ обошелъ всѣ городскія стѣны, осмотрѣлъ пушки, разставилъ стрѣльцовъ, пушкарей и воротниковъ. Всѣ ворота завалили кирпичемъ; приготовлены были кучи камней и кипятокъ.

21 іюня подъ вечеръ вдругъ зазвонили колокола на астраханскихъ башняхъ. Тревога была не напрасная. Разинъ и его казаки съ лѣстницами шли на приступъ. Воевода выѣхалъ со двора съ братомъ своимъ. Затрубили въ трубы; воевода со стрѣлецкими головами, дворянами, дѣтьми боярскими и подъячими направился къ Вознесенскимъ воротамъ, ибо казаки дѣлали видъ, что хотятъ оттуда идти на приступъ; но на самомъ дѣлѣ Разинъ, пользуясь темнотою, велѣлъ подставлять лѣстницы съ другой стороны, гдѣ астраханскіе жители сами подавали казакамъ руки и пересаживали черезъ стѣны. Воевода замѣтилъ свою оплошность, когда городъ уже былъ въ рукахъ казаковъ.

Астраханскій народъ бросился на дѣтей боярскихъ, на дворянъ и на боярскихъ людей. Кто то ударилъ воеводу копьемъ въ животъ; онъ упалъ съ лошади; одинъ старый холопъ снесъ его въ соборную церковь и положилъ на коверъ. Въ церковь стали сбѣгаться всѣ, кому грозила бѣда отъ рабовъ, подначальныхъ и бѣдняковъ. Двери храма

были заперты желѣзной рѣшеткой. Занималась заря. Казаки съ двухъ сторонъ входили въ городъ. Толпа ихъ бросилась на соборную паперть. Казаки взломали рѣшетку и ворвались въ церковь. Прозоровскаго вынесли и положили подъ колокольню, затѣмъ стали хватать всѣхъ бывшихъ въ церкви, вязали назадъ руки и сажали рядомъ подъ стѣнами колокольни въ ожиданіи суда Разина.

Въ восемь часовъ явился Разинъ на судъ. Онъ началъ съ Прозоровскаго, приподнялъ его за руки и взошелъ съ нимъ на колокольню. Всѣ видѣли, какъ Разинъ сказалъ что-то воеводѣ на ухо, тотъ отрицательно покачалъ головой; тогда Разинъ столкнулъ его съ колокольни головою внизъ. Дошла очередь и до связанныхъ, которыхъ было около четырехсотъ пятидесяти человѣкъ. Всѣхъ приказалъ перебить Стенька.

Вслѣдъ за этой расправой Разинъ приказалъ вытащить изъ приказной палаты всѣ бумаги и сжечь на площади. „Вотъ также—сказалъ онъ—я сожгу всѣ дѣла на верху у государя!“

Имущество убитыхъ было раздѣлено между казаками, приставшими стрѣльцами и астраханскими жителями. Астрахань была обращена въ казачество.

Разинъ пробылъ въ Астрахани три недѣли. Затѣмъ онъ оставилъ тамъ атаманомъ Ваську Уса, а самъ выступилъ изъ города съ войскомъ въ десять тысячъ человѣкъ и поплылъ вверхъ по Волгѣ на двухъ стахъ судахъ; по берегу шла конница.

Послѣ Царицына первымъ городомъ на пути былъ Саратовъ, а за нимъ Самара. Разинъ взялъ оба города, повѣсилъ тамошнихъ воеводъ, перебилъ дворянъ и приказныхъ людей и ввелъ въ обоихъ городахъ казацкое устройство.

Между тѣмъ посланцы Разина разошлись по всему московскому государству до самаго Бѣлаго моря, пробирались въ столицу и распространяли въ народѣ «прелестныя письма», въ которыхъ Разинъ извѣщалъ, что идетъ истреблять бояръ, дворянъ и приказныхъ людей, искоренить всякую власть и установить казачество, чтобы всякъ всякому былъ равенъ. „Я не хочу быть царемъ — говорилъ и писалъ Разинъ: — хочу жить съ вами, какъ братъ“. Но Ра-

зинъ зналъ, что народъ считалъ царскую власть необходимой, а потому распускалъ слухи, будто съ нимъ находится царевичъ Алексѣй, тогда уже умершій сынъ Алексѣя Михайловича; что будто бы онъ убѣжалъ отъ отца и отъ боярской злобы; а Разинъ идетъ возводить его на престолъ, и что царевичъ обѣщалъ льготы и волю народу.

Изъ Самары Разинъ направился къ Симбирску и пришелъ туда 5-го сентября. Жители тотчасъ же впустили его въ посадъ; но взять самый городъ было дѣло нелегкое: онъ былъ хорошо укрѣпленъ, и его защищало много ратныхъ людей подъ начальствомъ боярина Ивана Милославскаго. Разинъ простоялъ подъ городомъ около мѣсяца и не могъ взять его, но къ нему ежедневно прибывали новыя толпы; еще немного, и городъ вѣроятно сдался бы, если бы къ нему не подоспѣла вовремя выручка. Изъ Казани шелъ по сухопутью князь Юрій Борятинскій съ войскомъ. Разинъ вышелъ къ нему навстрѣчу. Произошла жаркая схватка. Нестройныя толпы Разина не могли сладить съ войскомъ Барятинскаго. Дольше другихъ держались донцы. Самъ Разинъ дрался отчаянно; его хватили по головѣ саблею и прострѣлили ногу. Наконецъ, видя, что держаться больше нельзя, онъ отступилъ. Ночь прекратила битву, продолжавшуюся цѣлый день.

На другой день, 3-го октября, Борятинскій вошелъ въ Симбирскъ. Казаки пытались зажечь городъ, пошли снова на приступъ, но потерпѣли неудачу. Тогда, видя, что ему не одолѣть врага, Разинъ бѣжалъ тайно ночью со своими донцами и покинулъ своихъ остальныхъ сообщниковъ.

Утромъ остальная часть разинцевъ, увидѣвши, что казаки покинули ихъ, бросилась къ Волгѣ, чтобы захватить оставшіяся суда и убѣжать самимъ. Но Борятинскій послалъ въ погоню своихъ ратныхъ людей. Припертые къ Волгѣ и поражаемые выстрѣлами, разинцы падали въ воду. Болѣе шести сотъ человѣкъ было взято въ плѣнъ. Ихъ казнили. Весь окрестный берегъ былъ уставленъ висѣлицами.

Эта побѣда Борятинскаго была чрезвычайно важна. Если-бы успѣхъ былъ на сторонѣ Разина, мятежъ могъ бы хватить все государство. Уже все пространство между Окою и Волгою до Рязани и Воронежа было въ огнѣ. По-

сланцы Разина бродили повсюду и поднимали народъ. Крестьяне помѣщичьи, монастырскіе, дворцовые и тяглые стали убивать своихъ господъ, приказчиковъ и начальныхъ людей. Имя батюшки Степана Тимоѳеевича неслось все дальше и дальше. Уже въ самой Москвѣ начали поговаривать, что Разинъ не простой разбойникъ. Въ Алатырскомъ уѣздѣ собралось мятежное ополченіе въ пятнадцать тысячъ человѣкъ. Поднялись Темниковскій, Кадомскій и Тамбовскій уѣзды. Темниковскіе крестьяне подъ предводительствомъ какого-то попа Саввы грабили господскіе дома. Города Корсунь, Саранскъ, Верхній и Нижній Ломовъ и Пенза попались въ руки мятежниковъ; вездѣ убивали воеводъ и приказныхъ людей, сожигали бумаги, устраивали казачество и провозглашали всѣмъ равную свободу.

И въ другихъ мѣстахъ русской земли народъ готовъ былъ откликнуться на призывъ Разина. Ожидали только дальнѣйшихъ успѣховъ предводителя, обѣщавшаго всѣмъ казацкую волю. «Разнесется вѣсть — пишетъ современникъ—что мятежники побили государевыхъ людей, и люди этому радуются; а скажутъ, что ратные государевы люди побили мятежниковъ, и станутъ люди унылы и печалятся о погибели мятежниковъ».

Но радость народа была недолговременная. Послѣ пораженія Разина подъ Симбирскомъ, отряды московскихъ ратныхъ людей вездѣ разбивали и разсѣевали нестройныя толпы поселянъ. Тогда начиналась расправа.

Круто распоряжались московскіе воеводы съ мятежниками: однихъ вѣшали, другихъ сажали на колъ, нѣкоторыхъ драли крючьями, засѣкали до смерти; менѣе виновныхъ били кнутомъ и приводили къ присягѣ. Главное мѣсто казней было въ Арзамасѣ. Разсказываютъ, что въ эту ужасную зиму царскіе воеводы безъ жалости сожигали села и деревни, укрощая возмущеніе, и что вообще погибло тогда народу до ста тысячъ человѣкъ.

Чтобы подѣйствовать на народъ религіознымъ страхомъ, патріархъ Іосифъ, по царскому повелѣнію, на первой недѣлѣ поста предалъ анаѳемѣ Степана Разина со всѣми его единомышленниками.

Послѣ симбирскаго пораженія Разинъ убѣжалъ на Донъ и готовился къ новому походу. Но атаманъ Корнило Яков-

левъ настроилъ противъ него донцевъ. Неудача Разина лишила его прежней славы на Дону, хотя онъ еще не унывалъ и попрежнему скликалъ къ себѣ народъ. Но весною атаманъ Корнила Яковлевъ напалъ на него съ своими казаками и обманомъ взялъ его въ плѣнъ вмѣстѣ съ его братомъ Фроломъ.

Обоихъ братьевъ привезли сначала въ Черкаскъ, а въ концѣ апрѣля повезли въ Москву. Самъ Корнила Яковлевъ провожалъ ихъ.

Фролъ былъ отъ природы тихаго нрава и затосковалъ: «Вотъ, братъ, это ты виною нашей бѣдѣ!»—говорилъ онъ.

«Никакой бѣды нѣтъ!—отвѣчалъ Степанъ.—Насъ примутъ почетно; самые важные бояре выйдутъ навстрѣчу посмотрѣть на насъ!»

За нѣсколько верстъ отъ Москвы поѣздъ остановился. Съ Разина сняли его богатое платье и одѣли въ лохмотья. Изъ Москвы привезли большую телѣгу съ висѣлицею. Разина поставили на телѣгу и приковали цѣпью за шею къ перекладинѣ висѣлицы, а руки и ноги прикрѣпили цѣпями къ телѣгѣ. За телѣгою долженъ былъ бѣжать Фролъ, привязанный цѣпью за шею къ краю телѣги. Народъ высыпалъ за городъ смотрѣть на человѣка, одно имя котораго многихъ приводило въ трепетъ. Разинъ ѣхалъ съ равнодушнымъ видомъ и опустивъ глаза. Одни смотрѣли на него съ ненавистью, другіе съ состраданіемъ и сочувствіемъ.

Братьевъ повезли прямо въ земскій приказъ и начали допросъ. Разинъ молчалъ. Его повели къ пыткѣ. Первая пытка была кнутъ въ палецъ толщиною. Разинъ получилъ до ста ударовъ, но не испустилъ ни одного стона. Всѣ стоявшіе тутъ дивились. Его положили на горящіе уголья. Разинъ молчалъ. По его избитому, обожженному тѣлу начали водить раскаленнымъ желѣзомъ; Разинъ и тутъ молчалъ. Ему выбрили макушку и стали лить на темя по каплѣ холодную воду. Это было такое мученье, котораго никто не могъ вытерпѣть. Разинъ его вытерпѣлъ. Съ досады, что его ничто не пронимаетъ, его стали бить со всего размаха палками по ногамъ. Разинъ молчалъ.

6 іюня 1670 года вывели Разина на лобное мѣсто вмѣстѣ съ братомъ Фроломъ. Собралось множество народа, Прочитали длинный приговоръ. Разинъ слушалъ спокойно. Па-

лачъ взялъ его подъ руки. Разинъ обратился къ церкви, перекрестился на всѣ четыре стороны и сказалъ: «Простите!»

Его положили между двухъ досокъ. Палачъ отрубилъ ему сперва правую руку по локоть, потомъ лѣвую ногу по колѣно. Разинъ даже знака не показалъ, что чувствуетъ боль. Между тѣмъ Фролъ, видя, что его ожидаетъ, растерялся и закричалъ:

«Я знаю слово государево!»

«Молчи, собака!»—сказалъ Разинъ.—Это были его послѣднія слова. Палачъ отрубилъ ему голову.

Такъ кончился бунтъ Стеньки Разина. Царь и дворяне побѣдили и усмирили черный народъ, потерявшій терпѣніе; замучили и подвергли жестокой казни его страшнаго предводителя, не знавшаго жалости ни къ себѣ, ни къ другимъ. Послѣ разинскаго бунта все осталось по старому. Попрежнему воеводы грабили народъ; крестьяне попрежнему оставались въ рукахъ у помѣщиковъ. Словомъ, порядки въ государствѣ остались тѣ же самые. Народъ не умѣлъ измѣнить ихъ. Народъ только чувствовалъ, что ему тяжело, но не зналъ, отчего ему тяжело, не зналъ, гдѣ надо искать причину. А причина лежала глубоко. Она была въ самомъ народѣ, который вѣрилъ въ царское самодержавіе. Мы видѣли, что Разинъ долженъ былъ распустить слухъ, что онъ везетъ съ собою другого царя. Но если бы даже Разинъ перебилъ все московское правительство, а потомъ посадилъ бы на престолъ новаго царя или самъ сдѣлался бы самодержавнымъ царемъ, то все осталось бы попрежнему. Съ царемъ снова появились бы дворяне и воеводы. Царь не могъ обойтись безъ дворянъ, если онъ самодержецъ. Такъ какъ онъ не можетъ управлять одинъ всѣмъ государствомъ, то онъ долженъ передать свою самодержавную власть дворянамъ-чиновникамъ; и вотъ вмѣсто одного царя народомъ правятъ сотни и тысячи самодержавныхъ царей и каждый изъ нихъ помыкаетъ народомъ и грабитъ народъ. Самодержавная власть только одинъ обманъ. При самодержавныхъ царяхъ государствомъ правятъ дворяне. Всѣ министры тогда дворяне и всѣ губернаторы—дворяне. Дворяне сидятъ въ сенатѣ, дворяне пишутъ законы и пишутъ ихъ въ свою пользу. Народъ только тогда добьется настоящей

свободы, когда этотъ самодержавный обманъ будетъ прекращенъ, когда царь долженъ будетъ совѣщаться съ самимъ народномъ, когда царь будетъ издавать законы съ согласія всего народа и когда всѣ должностныя лица будутъ избираться самимъ народомъ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Патріархъ Никонъ и начало раскола.

При царѣ же Алексѣѣ Михайловичѣ въ русской церкви произошелъ расколъ. Такъ какъ христіанская вѣра была перенесена въ Россію изъ Греціи, то всѣ русскія богослужебныя книги были переведены съ греческаго языка. Книгопечатаніе въ самой Россіи началось только съ 1563 г.; только тогда, при Иванѣ Грозномъ, была устроена въ Москвѣ первая книгопечатня; до тѣхъ же поръ всѣ богослужебныя книги были рукописныя, при чемъ переписчиками были часто люди малограмотные. Неудивительно поэтому, что при перепискѣ они дѣлали въ церковныхъ книгахъ много ошибокъ. Еще при отцѣ Ивана Грознаго Максимъ Грекъ, самый ученый человѣкъ того времени, указывалъ на разнорѣчія и неправильности въ русскихъ богослужебныхъ книгахъ.

При введеніи книгопечатанія возникъ вопросъ: которые изъ многихъ различныхъ списковъ надо было признавать правильными и съ какихъ списковъ печатать? Для этого митрополиты, а потомъ патріархи приказывали собирать по всѣмъ городамъ древніе списки и назначали особыхъ справщиковъ, чтобы сличать эти списки и исправлять ошибки. Но эти справщики не были подготовлены къ своему дѣлу, не знали греческаго языка и не могли сличить переводовъ съ подлинниками. Бывшій въ то время въ Россіи грекъ, іеромонахъ Арсеній, писалъ о нихъ такъ: «иные изъ этихъ справщиковъ едва азбукѣ умѣютъ, а ужъ, навѣрное, не знаютъ, что такое буквы согласныя и гласныя; а чтобы разумѣть восемь частей рѣчи и подобное, то этого имъ и на умъ не приходило».

Увидя передъ собой множество разнородныхъ списковъ и не имѣя нужныхъ свѣдѣній, они руководились обычаемъ

а иногда поступали по своему усмотрѣнію. Такимъ образомъ были напечатаны по нѣскольку разъ многія церковныя книги: Потребникъ, Служебникъ, Минеи, Октоихъ, Шестодневъ, Псалтырь, Апостолъ, Часословъ, Тріодь, Евангеліе,—со множествомъ ошибокъ противъ греческихъ книгъ.

Но вотъ въ 1649 году пріѣхалъ въ Москву іерусалимскій патріархъ Паисій. Онъ замѣтилъ въ русской церкви разныя нововведенія, которыхъ нѣтъ въ греческой церкви, и особенно сталъ порицать двуперстное сложеніе при крестномъ знаменіи. Царь Алексѣй Михайловичъ очень встревожился этимъ и отправилъ троицкаго келаря Арсенія Суханова на востокъ за свѣдѣніями. Но пока Арсеній странствовалъ на востокѣ, Москву посѣтили другія греческія духовныя особы (между прочимъ константинопольскій патріархъ Аѳанасій) и также дѣлали указанія на несходство русскихъ церковныхъ обрядовъ съ греческими; а на Аѳонѣ монахи даже сожгли богослужебныя книги московской печати, какъ противныя православному чину богослуженія. Патріархъ Іосифъ былъ сильно озабоченъ этимъ и даже боялся, чтобы его не лишили сана. Но смерть избавила его отъ дальнѣйшихъ тревогъ, и его мѣсто заступилъ патріархъ Никонъ.

Сдѣлавшись патріархомъ, Никонъ убѣдилъ царя созвать соборъ русскихъ архимандритовъ, игуменовъ и протопоповъ. Всѣхъ духовныхъ собралось 34 человѣка. Царь съ своими боярами присутствовалъ на соборѣ. Никонъ произнесъ рѣчь, въ которой просилъ рѣшенія, какъ поступать: «слѣдовать-ли московскимъ печатнымъ книгамъ, въ которыхъ отъ неискусныхъ переводчиковъ и переписчиковъ находятся разныя несходства и несогласія съ древними греческими и славянскими списками, а, прямѣе сказать,—ошибки; или же руководиться древними греческими и словянскими списками?» На этотъ вопросъ соборъ отвѣтилъ, что слѣдуетъ исправлять сообразно старымъ греческимъ спискамъ.

Вслѣдъ за этимъ Никонъ отставилъ всѣхъ прежнихъ справщиковъ и передалъ, какъ типографію, такъ и дѣло исправленія книгъ Епифанію Словинецкому, ученому монаху изъ Кіева, и греку Арсенію. Кромѣ того, онъ снова отправилъ уже вернувшагося къ этому времени Арсенія

Суханова на Аѳонъ просить греческихъ книгъ; а чтобы придать еще болѣе вѣрности начатому дѣлу, онъ послалъ одного грека къ іерусалимскому патріарху Паисію съ двадцатью шестью вопросами, которые касались спорныхъ мѣстъ.

Арсеній Сухановъ, не жалѣя издержекъ, досталъ съ Аѳона до пятисотъ рукописей, изъ которыхъ нѣкоторымъ приписывали глубокую древность. Словинецкій и грекъ Арсеній съ помощниками ревностно трудились надъ исправленіемъ богослужебныхъ книгъ. Отъ патріарха Паисія также пришелъ отвѣтъ. Въ этомъ отвѣтѣ онъ говоритъ, между прочимъ, такъ: „Не слѣдуетъ думать, будто православная вѣра развращается отъ того, если одинъ говоритъ свое послѣдованіе немного различно отъ другого въ несущественныхъ вещахъ; лишь бы только согласовался въ важнѣйшихъ вещахъ, свойственныхъ соборной церкви". „Не подобаетъ ссориться рабамъ Господнимъ, — прибавляетъ онъ,—а наипаче въ вещахъ неважныхъ и несущественныхъ". Но относительно крестнаго знаменія Паисій указываетъ на трехперстное сложеніе, какъ на древній обычай поклоненія.

Получивши этотъ отвѣтъ, Никонъ собралъ снова соборъ, на которомъ кромѣ русскихъ архіереевъ былъ антіохійскій патріархъ Макарій, сербскій — Михаилъ и митрополиты никейскій и молдаванскій.

Этотъ соборъ положилъ держаться рѣшенія предыдущаго собора и объявилъ рѣшительную войну двуперстному сложенію. Антіохійскій патріархъ высказался на этотъ счетъ очень сурово: «Кто изъ христіанъ православныхъ не творитъ знаменія креста тремя перстами, — сказалъ онъ,— тотъ—еретикъ, и таковаго мы считаемъ отлученнымъ отъ церкви и проклятымъ». А никейскій митрополитъ прибавилъ: «на томъ, кто не крестился тремя перстами, пребудетъ проклятіе трехъ сотъ восьмидесяти св. отецъ, собиравшихся въ Никеѣ и прочихъ соборахъ».

Это рѣшеніе было до крайности необдуманное. Если троеперстное сложеніе было болѣе древнимъ и правильнымъ, то не слѣдовало забывать, что вся Русь давно уже крестилась двуперстнымъ сложеніемъ и уважала многихъ своихъ святыхъ, которые несомнѣнно крестились также двумя перстами. Были святые, крестившіеся двумя перстами, и были святые, крестившіеся тремя перстами. Очевидно, что во-

просъ о перстахъ былъ неважнымъ и несущественнымъ для религіи; возлагать же проклятіе значило придавать ему чрезвычайную важность и вызывать смуту. При болѣе осторожномъ и благоразумномъ веденіи дѣла исправленіе книгъ въ русской церкви произошло бы тихо, безъ большихъ потрясеній. Теперь же это послужило началомъ раскола. Но самъ Никонъ былъ человѣкъ съ непросвѣщеннымъ умомъ, и его благочестіе не шло дальше обрядовъ. Онъ и его противники одинаково вѣрили въ букву священнаго писанія и въ буквѣ полагали свое спасеніе; смыслъ же и духъ христіанскаго ученія оставались для тѣхъ и другихъ одинаково непонятными, а потому и не могли пересилить буквы. Кромѣ спора о перстномъ сложеніи, поднялись еще толки о сугубомъ и трегубомъ аллилуія и о томъ, надо ли писать *Іисусъ*, согласно греческимъ книгамъ, или *Іесусъ*, какъ писали и печатали на славянскомъ языкѣ прежде, по незнанію греческаго языка.

Споръ ожесточался еще и потому, что Никонъ нажилъ враговъ своимъ крутымъ, властолюбивымъ характеромъ. Для него ничего не стоило священника за небрежность въ исполненіи обязанностей посадить на цѣпь, мучить въ тюрьмѣ и сослать куда-нибудь на нищенскую жизнь; священники не могли являться къ нему безъ трепета. Отставленные имъ справщики также были недовольны и кричали противъ него, что онъ поддается наученію кіевлянъ. Самыми горячими его противниками сдѣлались тогда протопопы Иванъ Нероновъ и Аввакумъ, и епископъ коломенскій Павелъ.

Павелъ Коломенскій былъ лишенъ сана и сосланъ; Нероновъ былъ отправленъ въ заточеніе въ вологодскій монастырь; Аввакумъ былъ сосланъ въ далекую Даурію съ женою и семьею. Начались преслѣдованія и жестокости, только усиливавшія раздоръ.

Въ 1666 году патріархъ Никонъ вслѣдствіе своей ссоры съ царемъ былъ низложенъ; но и послѣ него расколъ въ церкви не прекращался. Соловецкій монастырь весь отказался принять исправленныя книги и признать постановленія собора. «Не хотимъ знать троеперстнаго сложенія, имени Іисусе и трегубаго аллилуія», кричали монахи; «хотимъ оставаться въ старой вѣрѣ и умирать за нее»!

Они прогнали присланнаго изъ Москвы архимандрита и заперлись въ своемъ монастырѣ. Царь послалъ на нихъ войско. Монастырь былъ взятъ, архимандритъ Никаноръ и его главные соумышленники схвачены и казнены; многихъ монаховъ сослали въ Пустозерскъ и Колу.

Но это не подавило религіознаго несогласія. Соловецкіе мученики стали почитаться святыми, ихъ житія перечитывались и пересказывались въ народѣ со всевозможнѣйшими баснями и чудесами. Преслѣдуемые властями, приверженцы старины бѣжали въ лѣса, пустыни и готовились умирать за старую вѣру. Распространился слѣдующій страшный способъ противодѣйствія: власти, поступая по своему всегдашнему обычаю, то есть мучая и убивая всѣхъ несогласныхъ съ ними, начали сжигать приверженцевъ старины; но приверженцы старины не только не страшились этой смерти, а сами искали ее; когда правительство посылало отыскивать ихъ, они собирались большими толпами и по приближеніи военной силы сами сожигали себя, нерѣдко цѣлыми тысячами. Эти самосожженія начались вскорѣ послѣ Соловецкой осады и сдѣлались тогда обычнымъ дѣломъ.

Такими ужасами начался расколъ въ православной церкви все при томъ-же Алексѣѣ Михайловичѣ.

* * *

При Алексѣѣ же Михайловичѣ началось присоединеніе къ Московскому государству Малороссіи.

Послѣ татарскаго нашествія, въ то время какъ другія русскія земли стянулись къ Москвѣ и образовали Московское государство, южныя русскія земли, лежавшія по Днѣпру и Бугу, прежнее Кіевское, Черниговское, Волынское и Галицкое княжества были присоединены къ Польскому королевству. Но эти южныя земли также, какъ и окрайны Московскаго государства, подвергались постоянному нападенію крымскихъ татаръ; поэтому сами поляки должны были желать, чтобы тамошнее русское населеніе получило военное, казацкое устройство. Кромѣ того, въ низовьяхъ Днѣпра, за днѣпровскими порогами возникло свободное запорожское казачество, подобно тому какъ оно возникло на Дону. Туда стекались удальцы для набѣговъ

на татаръ и турокъ, и туда же бѣжали южнорусскіе крестьяне отъ притѣсненій польскихъ пановъ.

Но польское дворянство, которому были розданы королями всѣ южно-русскія земли, хотѣло обратить всѣхъ южнорусскихъ крестьянъ въ своихъ крѣпостныхъ и жестоко обращалось съ ними. Южно-русскіе крестьяне много разъ возставали противъ пановъ, и тогда казаки соединялись съ своими русскими братьями. Наконецъ, казацкій гетманъ, Богданъ Хмѣльницкій, поднялъ общее возстаніе, разбилъ польское войско и освободилъ южно-русскую землю отъ польскаго владычества; чтобы закрѣпить свою побѣду, Богданъ Хмѣльницкій долженъ былъ искать помощи у Московскаго государства. Онъ предложилъ московскому царю, Алексѣю Михайловичу, принять южно-русское казачество подъ свою защиту. Въ Москвѣ сначала обрадовались этому предложенію и объявили Польшѣ войну; война пошла успѣшно, и Польша потеряла всѣ находившіяся подъ ея властью русскія земли; но потомъ московское правительство, не любившее вольное казачество, рѣшило помириться съ Польшею и подѣлить съ нею южную Россію: все правое побережье Днѣпра осталось въ рукахъ поляковъ, а лѣвое побережье было присоединено къ Московскому государству подъ именемъ Малой Россіи или Малороссіи. Казаки хотя еще и имѣли своего выборнаго гетмана, но онъ утверждался царемъ, а въ малорусскіе города были посланы царскіе воеводы. Съ тѣхъ поръ московское правительство старалось уничтожить вольное малорусское казачество и обратить Малороссію въ свое полное подданство.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Царевна Софья и Стрѣлецкій бунтъ.

Послѣ смерти Алексѣя Михайловича у него остались отъ первой жены, Милославской, два сына, Ѳедоръ и Иванъ, и шестеро дочерей, и кромѣ того малолѣтній сынъ Петръ отъ второй жены, Натальи Нарышкиной. Царемъ сдѣлался старшій сынъ, четырнадцатилѣтній мальчикъ Ѳедоръ. Онъ страдалъ неизлѣчимой болѣзнью и едва могъ ходить. Понятно, что онъ былъ царемъ только по имени.

Въ царской семьѣ господствовалъ раздоръ. Шестеро взрослыхъ сестеръ новаго царя ненавидѣли мачеху, Наталью Кирилловну. Самая умная изъ этихъ сестеръ была Софья. Она болѣе всѣхъ приблизилась къ Ѳедору и почти не отходила отъ него во время его болѣзни. Около нея собрался кружокъ бояръ. Ѳедоръ умеръ не достигши 21-го года (1683 г.).

По смерти Ѳедора сейчасъ же возникъ важный вопросъ: кто будетъ царемъ? Положеніе было почти такое же, какъ по смерти Ивана Грознаго. Изъ двухъ царевичей старшій, Иванъ, былъ слабоуменъ, болѣзненъ и вдобавокъ подслѣповатъ; младшій Петръ былъ десяти лѣтъ, но уже выказывалъ большія дарованія. Собрался совѣтъ бояръ. Патріархъ Іоакимъ спросилъ, кого желаютъ избрать царемъ: „скорбнаго главою» Ивана или отрока Петра. Совѣтъ раздѣлился. Тогда рѣшили обратиться ко всѣмъ чинамъ московскаго государства.

За нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, въ декабрѣ 1681 году, царь Ѳедоръ велѣлъ созвать земскій соборъ „для уравненія въ платежѣ податей и въ отправленіи выборной службы". Выборные люди находились еще въ Москвѣ и могли немедленно явится въ Кремль для избранія царя.

Они были спрошены съ краснаго крыльца патріархомъ и почти единогласно высказались за Петра. Петръ былъ нареченъ царомъ и всѣ бояре, дворяне, купцы и тяглые люди принесли ему присягу.

Тяжело это было царевнѣ Софьѣ; но и она вмѣстѣ съ сестрами должна была подходить къ Петру и поздравлять съ избраніемъ на царство сына ненавистной ей мачехи.

На другой день, на похоронахъ Ѳедора, Софья, идя за гробомъ, громко выкрикивала: „Братъ нашъ, царь Ѳедоръ, нечаянно отошелъ со свѣта, отравою отъ враговъ. Умилосердитесь, добрые люди, надъ нами, сиротами". Эти слова встревожили народъ: кого-то обвиняли въ отравленіи царя. Но больше всего Софья надѣялась на стрѣльцовъ.

Стрѣльцы набирались изъ охочихъ вольныхъ людей и составляли царскую стражу; имъ платили хорошее жалованье и осыпали милостями; у нихъ были свои выборные стрѣлецкіе головы и полковники. Мы уже видѣли, что при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, во время московскихъ бун-

товъ, стрѣльцы охраняли царя. Это было первое постоянное войско въ Россіи; все остальное войско состояло изъ дворянъ, которые жили по своимъ помѣстьямъ и только во время войны призывались на службу. Тикимъ образомъ, стрѣльцы были главная военная сила въ Москвѣ. По воцареніи Петра, они поняли, что „на верху“, то есть во дворцѣ, будутъ въ нихъ нуждаться. И дѣйствительно, Софья рѣшила воспользоватсья ими для своихъ цѣлей. Главными ея помощниками были бояринъ Иванъ Милославскій, двое Толстыхъ и князь Хованскій. Хованскій ubизывалъ къ себѣ одного за другимъ стѣльцовъ и говорилъ имъ: „Вы видите, въ какомъ вы ярмѣ у бояръ; а кого царемъ выбрали? Стрѣлецкаго сына поматери; теперь ужъ не даютъ вамъ ни платья, ни корму, а что дальше будетъ?“ Какая-то женщина, Ѳедора Родимца, шаталась между стрѣльцами и раздавала деньги отъ имени Софьи. Стали распускать слухи между стрѣльцами, что Нарышкины хотятъ забрать ихъ въ крѣпкія руки. Была пущена сплетня, что Иванъ Нарышкинъ надѣвалъ на себя царскій нарядъ, садился на тронъ, примѣривалъ царскій вѣнецъ и говорилъ, что онъ ему идетъ лучше чѣмъ кому другому. Черезъ нѣсколько дней между стрѣлцами вдругъ разнесся слухъ, что Иванъ Нарышкинъ заушилъ царевича Ивана. Поднялась тревога. Стрѣльцы хватились за оружіе и ударили въ набатъ. Огромная толпа ихъ со знаменами и барабаннымъ боемъ бросилась въ Кремль съ криками; «Давайте сюда губителей царскихъ, Нарышкиныхъ! А не выдадите— всѣхъ предадимъ смерти“. Бояре металась и не знали, что имъ дѣлать. Тогда, по совѣту боярина Матвѣева и патріарха, царица Наталья, взявши а руки обоихъ сѣеаревичей, Петра и Ивана, вышла на краное крыльцо. Сцтрѣльцы сначала были поражены; но потомъ, подученные заговорщиками, стали кричать: „Пустьмолодой царь отдастъ корону старшему брату! Выдайт намъ всѣхъ измѣнниковъ! Выдайте Нарышкиныхъ; мы весь ихъ корень истребимъ! Царица Наталья пусть идетъ въ монастырь!“

Патріархъ сошелъ было съ лѣстницы и сталъ уговаривать мятежниковъ. Но стрѣльцы мимо патріарха вломились на крыльцо. Большинство бояръ въ ужасѣ убѣжали съ крыльца во дворецъ; не убѣжали только Долгорукій, Мат-

вѣевъ и Черкасскій. Долгорукій крикнулъ на стрѣльцовъ и пригрозилъ имъ висѣлицею. Стрѣльцы сбросили его съ крыльца на разставленныя копья и изрубили въ куски; потомъ бросились на Матвѣева. Матвѣевъ взялъ за руку Петра. Стрѣльцы оттащили его отъ царя и сбросили на копья. Черкасскаго избили и разорвали на немъ платье. Царица въ ужасѣ убѣжала съ сыномъ въ Грановитую палату.

Стрѣльцы ворвались во дворецъ, У нихъ былъ списокъ тѣхъ, кого надо было убить. Этотъ списокъ былъ составленъ заранѣе Софьей и ея сторонниками. Прежде всего хотѣли убить Нарышкиныхъ. Стрѣльцы бѣгали по царскимъ покоямъ, заглядывали въ чуланы, шарили подъ кроватями, переворачивали постели и наконецъ добрались до брата царицы, Аѳанасія Нарышкина. Его нашли подъ престоломъ дворцовой церкви, поволокли на крыльцо и сбросили на копья. Но Ивана Нарышкина никакъ не могли найти. Въ этотъ же день было убито нѣсколько бояръ.

На другой день опять раздался набатъ. Стрѣльцы съ барабаннымъ боемъ явились ко дворцу и требовали выдачи Ивана Нарышкина. Они кричали, что не усмирятся до тѣхъ поръ, пока имъ не выдадутъ его.

Тутъ царевна Софья стала говорить царицѣ Натальѣ: „Никоимъ образомъ нельзя тебѣ не выдать Ивана Кирилловича Нарышкина. Развѣ намъ всѣмъ пропадать изъ-за него?“

Царица вышла съ Нарышкинымъ изъ церкви. Стрѣльцы, не обращая вниманія на царицу, схватили Нарышкина за волосы, стащили съ лѣстницы, подвергли жестокой пыткѣ, а затѣмъ подняли на копья и изрубили въ мелкіе куски.

Царевна Софія призвала къ себѣ выборныхъ стрѣльцовъ и объявила, что назначаетъ на каждаго стрѣльца по десяти рублей помимо обыкновеннаго жалованья. Сверхъ того стрѣльцамъ позволено было продавать имущество убитыхъ ими бояръ. Начальникомъ надъ ними былъ назначенъ князь Хованскій.

Однако дѣло Софьи еще не было кончено: на престолѣ все-таки оставался Петръ. Но стрѣльцы составляли тогда въ Москвѣ всю силу, а они были преданы Софьѣ. По наущенію Хованскаго они подали царевнѣ челобитную, въ ко-

торой заявлялось желаніе, чтобы на престолѣ царствовали оба брата, а въ заключеніе было сказано, что, если кто тому воспротивится, то стрѣльцы опять придутъ съ оружіемъ, и будетъ «немалый мятежъ». Софья передала эту челобитную боярской думѣ. Бояре боялись стрѣльцовъ и не смѣли противорѣчить Софьѣ. Чтобы придать дѣлу законный видъ, прибѣгли къ обману. Созвали кое-какихъ пріѣзжихъ людей, находившихся тогда въ Москвѣ, готовыхъ говорить все, что прикажутъ стрѣльцы, и дали этому сборищу названіе земскаго собора. Это сборище единогласно приговорило быть на престолѣ двумъ царямъ и старшинство предоставить Ивану Алексѣевичу. Черезъ три дня послѣ того стрѣльцы подали боярамъ новую челобитную, чтобы по молодости обоихъ государей правленіе было вручено царевнѣ Софьи. Вслѣдъ затѣмъ разослали по всѣмъ городамъ грамату, въ которой объявлялось, что по челобитью всѣхъ чиновъ московскаго государства царевичъ Иванъ, добровольно уступившій царство брату своему Петру, согласился снова вступить на царство вмѣстѣ съ братомъ и что оба брата по своему малолѣтству упросили царевну Софью принять въ свои руки правленіе.

Съ этихъ поръ Софья семь лѣтъ безпрекословно управляла государствомъ съ своимъ любовникомъ, Василіемъ Голицынымъ.

Но Софья недолго была спокойна. Слабоумный Иванъ не былъ опасенъ для нея; но младшій царь, Петръ сталъ, подрастать и показывать свою самостоятельность. Онъ составилъ изъ своихъ сверстниковъ два полка, и хотя ихъ называли потѣшными, но онъ не на шутку занимался съ ними военнымъ дѣломъ. Въ 1689 году, когда ему было 17 лѣтъ, онъ послалъ сказать, чтобы Софья не шла на крестный ходъ вмѣстѣ съ царями. Софья не послушалась и пошла за крестами; тогда Петръ самъ не пошелъ на крестный ходъ и уѣхалъ изъ Москвы. Въ томъ же году Василій Голицынъ вернулся изъ неудачнаго Крымскаго похода. Софья назначила ему большія награды, какъ бы побѣдителю. Петръ не сталъ спорить, но когда Голицынъ явился къ нему съ благодарностью за полученныя награды, онъ не пустилъ его къ себѣ на глаза.

Софья видѣла, что ея власти приходитъ конецъ, но не хотѣла сдаваться. Она снова вспомнила о стрѣльцахъ. Ея

подручники распространили слухъ, что въ ночь съ седьмого на восьмое августа явятся въ Москву изъ села Преображенскаго «потѣшные полки» Петра для убіенія царя Ивана Алексѣевича и всѣхъ его сестеръ. Стрѣлецкій начальникъ Шакловитый призвалъ вечеромъ седьмаго августа четыреста стрѣльцовъ съ заряженными ружьями въ Кремль, а триста поставилъ на Лубянкѣ. Его пособники начали научать стрѣльцовъ, что надобно убить «медвѣдицу», старшую царицу, а «если сынъ станетъ заступаться, то и ему не спускать». Но заговоръ не удался. Нѣкоторые изъ стрѣльцовъ пробрались ночью въ Преображенское и предупредили царя, что противъ него затѣвается недоброе.

Петръ прямо съ постели бросился въ конюшню, вскочилъ на коня и во весь духъ пустился въ Троицкую Лавру. На другой день туда пріѣхали его мать, жена, преданные бояре, потѣшные полки и одинъ стрѣлецкій полкъ. Дѣло Софьи было проиграно.

Петръ потребовалъ, чтобы къ нему явились всѣ стрѣлецкіе полковники и выдали Шакловитаго вмѣстѣ съ его сообщниками.

Начались допросы и пытки. Шакловитый и его сообщники были казнены, а Софью было велѣно переселиться въ Новодѣвичій монастырь.

Съ тѣхъ поръ Петръ сталъ править единолично, тѣмъ болѣе, что вскорѣ послѣ того умеръ слабоумный Иванъ.

Такимъ образомъ, послѣ смерти больного царя Ѳедора Алексѣевича, втеченіе семи лѣтъ, московскій престолъ переходилъ изъ рукъ въ руки по желанію стрѣльцовъ: отъ малолѣтняго Петра къ слабоумному Ивану, отъ царицы Натальи къ царевнѣ Софьѣ и ея любовнику Голицыну. Потомъ мы увидимъ, что то же самое повторялось много разъ въ Россіи: послѣ смерти Петра Перваго, послѣ смерти Петра Второго и послѣ смерти царицы Елисаветы. Тогда царскою короною распоряжалась петербургская гвардія, состоявшая изъ дворянъ. Русскій народъ, жившій въ деревняхъ, далеко отъ столицы, думалъ, что судьбою престола руководитъ самъ Богъ, а на дѣлѣ выходило такъ, что смѣна царей зависѣла отъ стрѣльцовъ, а потомъ отъ пьяныхъ гвардейскихъ солдатъ, да отъ любовниковъ нашихъ императрицъ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Краткое изложеніе первой части.

I.

Русь до татарскаго нашествія.

Мы уже видѣли въ первой части этихъ разсказовъ, какъ возникло самодержавное Московское государство. Мы видѣли, что оно возникло послѣ татарскаго нашествія. Царская власть досталась московскимъ князьямъ по наслѣдству отъ татарскаго хана. До татаръ русскіе князья не были самодержавными правителями: они призывались на княженіе по рѣшенію народнаго собранія или вѣча и заключали съ народомъ договоръ, причемъ цѣловали крестъ на томъ, что будутъ править согласно народному обычаю. Князь не во всемъ могъ поступать тогда по своему произволу. Народное вѣче было сильнѣе князя. У князей были небольшія военныя дружины, переѣзжавшія съ ними изъ одного княжества въ другое; главная же ратная сила русской земли состояла тогда изъ городскихъ и сельскихъ ополченій, изъ земскихъ полковъ съ выборными тысяцкими во главѣ. Поэтому, когда князь притѣснялъ жителей или нарушалъ ихъ обычаи, народное вѣче могло сказать ему: „Не хотимъ больше терпѣть твоего насилія, уѣзжай отъ насъ, а мы найдемъ себѣ другого князя“.

Русскій народъ еще не былъ тогда въ рабскомъ состояніи; онъ самъ принималъ участіе во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ. Мы уже видѣли, что, когда сами князья хотѣли начать войну, они спрашивали согласія на это народнаго вѣча, то-есть обращались за совѣтомъ ко всему народу, и вотъ народное собраніе рѣшало тогда, идти или не-

идти на войну. Народное собраніе выбирало также своего посадника и старостъ, которые присутствовали на княжескомъ судѣ, чтобы не давать въ обиду земскихъ людей. Княжеская дружина не могла тогда властвовать и издѣваться надъ городскими и сельскими жителями, какъ издѣвалось потомъ надъ народомъ дворянское войско при московскихъ царяхъ. Земщина, то-есть все коренное земское населеніе, чувствовало тогда свою силу; оно уважало, конечно, храбрыхъ князей, но не унижалось и не раболѣпствовало передъ ними, не признавало ихъ за земныхъ боговъ. Все это хорошо можно видѣть по одной старинной русской былинѣ, въ которой разсказывается про князя Олега Святославича и про крестьянина Микулушку Селяниновича.

„Молодой Олегъ Святославовичъ", — такъ начинается эта былина,—«выѣхалъ со своей дружинушкою храброю собирать свою княжескую дань по городамъ".

«Выѣхалъ онъ въ чистое поле и услышалъ въ чистомъ полѣ пахаря. Пашетъ пахарь, понукиваетъ, сошка у него поскрипываетъ, омѣшки по камешкамъ почеркиваютъ». Ѣхалъ Олегъ Святославовичъ съ утра до вечера, а все-таки не могъ доѣхать въ этотъ день до пахаря. Только на третій день къ вечеру онъ доѣхалъ до него. „Пашетъ въ полѣ пахарь, понукиваетъ, съ края въ край бороздки пометываетъ, коренья, каменья вывертываетъ. Уѣдетъ онъ въ одинъ край, другого края не видно. Кобыла у пахаря соловая, сошки у пахаря кленовыя, гужики шелковые». — Увидѣлъ пахарь князя и спрашиваетъ: „Далеко ли ѣдешь, куда путь держишь?" Отвѣчалъ Олегъ: „Ѣду къ городамъ за получкою". Тогда говоритъ пахарь такія слова: «Былъ я въ городѣ третьяго дня, на своей на кобылкѣ соловоей; увезъ я оттоль соли два мѣха, по сорока пудовъ въ каждомъ. А по дорогамъ-то живутъ все разбойнички, они просятъ денегъ подорожныхъ. А я платилъ имъ деньги шалыгою: который стоймя стоялъ, тотъ сидьма сидитъ, а который сидьмя сидѣлъ, тотъ лежьмя лежитъ».—Говоритъ тутъ Олегъ Святославовичъ: «Поѣдемъ со мной во товарищахъ».—Повыстегнулъ пахарь гужики шелковые, повывернулъ изъ сошки кобылку соловую. Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали. Вдругъ говоритъ пахарь таковы слова: «Оставилъ я сошку въ бо-

роздочкѣ; кабы сошку изъ земельки повыдернути, изъ омѣшиковъ земельку повытряхнути и бросить бы сошку за ракитовъ кустъ?"—Тогда Олегъ Святославовичъ посылаетъ пять своихъ молодцовъ могучихъ, чтобы они сошку изъ земельки повыдернули и бросили бы ее за ракитовъ кустъ. Подъѣхали эти пять молодцовъ къ сошкѣ кленовой, вертятъ ее за обжи вокругъ, а не могутъ ее изъ земельки повыдернуть. Тогда посылаетъ князь уже цѣлый десятокъ своихъ молодцовъ могучихъ, но и они только за обжи сошку вокругъ вертятъ, а нельзя сошку отъ земли поднять. Посылаетъ тогда князь всю свою дружинушку, но и вся эта дружинушка не можетъ мужицкую соху изъ земельки повыдернуть.—Тогда подъѣхалъ самъ пахарь на своей кобылкѣ соловенькой: „бралъ онъ сошку одной рукой, изъ земельки ее повыдернулъ, изъ омѣшковъ земельку повытряхнулъ, бросилъ сошку за ракитовъ кустъ.—Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали.—Кобылка-то пахаря рысью идетъ, а Олеговъ-то конь поскакиваетъ; кобылка-то пахаря грудью пошла, Олеговъ-то конь отставать сталъ.—Тутъ Олегъ сталъ покрикивать, колпакомъ сталъ помахивать: «Постойка ты ратай-ратаюшко! Кабы эта кобылка конькомъ была, я бы далъ за нее пятьсотъ рублевъ».—Говоритъ тутъ пахарь таковы слова: „Глупый ты, Олегъ Святославовичъ! Взялъ я кобылку жеребчикомъ сподъ матушки и заплатилъ за кобылку пятьсотъ рублей. Кабы эта кобылка конькомъ была, за нее бы и смѣты не было».—Говоритъ тутъ Олегъ Святославовичъ: „Ай же ты ратай-ратаюшко! Какъ-то тебя именемъ зовутъ, какъ величаютъ по отечеству?"—Отвѣчаетъ пахарь таковы слова: «А я ржи напашу, да во скирды сложу; во скирды сложу, домой выволочу, домой выволочу, да дома вымолочу; драни надеру, да и пива наварю; пива наварю, да и мужиковъ напою. Станутъ мужики меня покликивати: Молодой Микулушка Селяниновичъ!"

Такъ вотъ каковъ былъ встарину русскій пахарь. Такое воспоминаніе осталось въ народѣ о старинныхъ временахъ на Руси, о старинной мужицкой силѣ. Олегъ Святославовичъ самъ былъ богатырь, и дружина его вся состояла изъ молодцовъ могучихъ; а все таки имъ далеко было до Микулушки Селяниновича. Земская сила далеко

превышала въ тѣ времена силу княжескую. Вотъ объ этомъ именно и поется въ этой старинной былинѣ.

* * *

Итакъ, до татарскаго нашествія русскій народъ еще не былъ лишенъ свободы и не находился ни въ подданствѣ, ни въ рабствѣ у своихъ правителей. Русскій народъ еще былъ тогда свободнымъ народомъ.

Это не значило, конечно, чтобы въ древнія времена на Руси было полное равенство между людьми. Были и тогда богатые или „лучшіе“ люди, были „середніе“ и были „молодшіе“ люди. Богатыхъ людей было больше всего по городамъ; они наживались торговлей, которую вела тогда Россія съ хозарами и греками. Богатые люди покупали себѣ рабовъ и съ ихъ помощью расчищали себѣ подъ хлѣбопашество землю, расширяли свое хозяйство *). Случалось также, что обѣднѣвшіе свободные люди сами запродавались въ кабалу къ богатымъ, чтобы получить отъ нихъ необходимое обзаведеніе для сельскаго хозяйства. Такихъ запродавшихся людей называли тогда „закупами“.

Но такихъ подневольныхъ, кабальныхъ людей было все-таки въ то время не очень много на Руси. Въ деревняхъ жили тогда свободные земледѣльцы. Они расчищали и распахивали землю, охотились за лѣснымъ звѣремъ, занимались лѣснымъ пчеловодствомъ. А свободной, никѣмъ незанятой земли было въ то время сколько угодно, и никто не требовалъ за нее никакого оброка. Всѣ поля, лѣса и рѣки были тогда открыты русскому пахарю и звѣролову. Куда только доходили топоръ и соха, тамъ и могла селиться деревенская Русь.

Сначала русскіе славяне, какъ мы уже знаемъ, заняли плодородныя южныя земли по рѣкѣ Днѣпру и его притокамъ. Здѣсь у нихъ скоро возникли большіе торговые города: Кіевъ, Черниговъ и другіе. Особенно быстро разбогатѣлъ тогда Кіевъ. Всѣ лѣсные товары, добываемые русскими славянами: мѣха, воскъ и медъ, сплавлялись тогда

---

*) Въ древнія времена рабами дѣлались обыкновенно военноплѣнные. Во время войнъ побѣдители уводили въ плѣнъ жителей, а потомъ продавали ихъ въ рабство.

на лодкахъ сначала къ Кіеву, а оттуда уже кіевскіе купцы ѣздили съ ними въ чужія страны. Вотъ почему Кіевское княжество скоро сдѣлалось самымъ богатымъ и населеннымъ. Всѣ старшіе въ родѣ князья старались попасть тогда на кіевскій столъ, всѣ добивались кіевскаго княженія.

Но на Кіевское княжество уже издавна стали нападать степные дикіе кочевники, сначала печенѣги, а потомъ еще болѣе свирѣпые половцы. Въ двѣнадцатомъ вѣкѣ они преградили Кіеву торговые пути въ Царьградъ и часто опустошали своими набѣгами южныя русскія княжества, уводя въ плѣнъ много жителей и продавая ихъ въ рабство. Жить тогда въ этихъ мѣстахъ стало очень опасно и трудно; и вотъ приднѣпровскіе славяне стали покидать тогда Кіевское княжество и подвигаться къ сѣверо-востоку, въ болѣе холодную и суровую сторону. Они проникали со своими топорами и сохами въ дремучіе лѣса, покрывавшіе берега Оки и верхняго Поволжья, гдѣ жили тогда финскія племена: Мурома, Меря и Весь; но племена эти были мирныя; славяне не воевали съ ними, а селились возлѣ нихъ и понемногу родились и смѣшивались съ ними. Изъ этого смѣшенія южныхъ славянъ съ финнами и произошло племя великороссовъ.

Послѣ этого переселенія русскаго населенія съ юга на востокъ, Кіевское княжество значительно опустѣло, а берега Оки и Волги стали быстро заселяться. Тамъ возникло теперь сильное Суздальское княжество съ новыми городами: Владиміромъ, Москвою, Тверью. Теперь средоточіемъ Руси сдѣлался уже не югъ, а сѣверо-востокъ. Суздальскіе князья, Андрей Боголюбскій и Всеволодъ Большое Гнѣздо, хотя и считались старшими князьями, но уже не хотѣли переѣзжать въ Кіевъ, а жили во Владимірѣ и держали кіевскихъ князей подъ своею рукою.

II.

Происхожденіе самодержавія.

Но недолго осталось въ покоѣ и Суздальское княжество. Мы знаемъ, что въ 1237 году нагрянула на Русь огромная татарская орда, истребила большую часть русскихъ жите-

лей, а остальныхъ обратила въ свое подданство. Это было страшное несчастье для Руси. Послѣ этого нашествія татаръ русскіе уже перестали быть свободнымъ народомъ. Они уже подпали тогда подъ татарское иго и должны были во всемъ повиноваться татарскому хану. Теперь Русью стали управлять уже татары. Татарскій ханъ обложилъ тогда русскій народъ поголовной данью, а для сбора этой дани приставилъ прежнихъ же русскихъ князей, какъ своихъ подручниковъ. Съ тѣхъ поръ русскіе князья уже не зависѣли больше отъ народнаго вѣча, а зависѣли во всемъ отъ татарскаго хана. Прежде князья рядили рядъ съ самими жителями, заключали договоръ съ народнымъ вѣчемъ; теперь же они ѣхали въ Золотую Орду, получали отъ татарскаго хана ярлыкъ на княженіе и затѣмъ являлись править народомъ, уже не спрашивая его согласія. Завоеванный русскій народъ не могъ противиться волѣ хана, долженъ былъ повиноваться во всемъ тѣмъ правителямъ, которыхъ этотъ ханъ поставилъ надъ нимъ. Это были тѣ же русскіе князья, но теперь они обратились изъ прежнихъ выборныхъ князей въ ставленниковъ татарскаго хана.

Одного изъ этихъ князей татарскій ханъ, — или царь, какъ скоро стали называть его русскіе, — назначалъ старшимъ или великимъ княземъ, и всѣ остальные князья должны были повиноваться этому старшему князю, а кто не повиновался, того ханъ казнилъ смертью, а въ его княжество посылалъ татарское войско, которое жгло города и села, истребляя жителей. Послѣ такихъ разгромовъ страхъ и ужасъ на долгое время овладѣвалъ русскими людьми; русскіе жители трепетали при одномъ имени татарскаго хана и не могли даже помыслить о своей прежней вѣчевой свободѣ. Вмѣсто прежней свободы теперь распространилось на Руси раболѣпіе. Когда великій князь пріѣзжалъ въ Золотую Орду, онъ ползалъ на колѣняхъ передъ шатромъ татарскаго хана и кланялся ему въ землю. Но зато у себя дома онъ тоже требовалъ теперь, чтобы передъ нимъ всѣ ползали на колѣняхъ. Скоро, по примѣру татаръ, на Руси началось битье кнутомъ, завелись пытки и смертная казнь на площадяхъ.

Вотъ въ это-то именно время и возвысились на Руси московскіе князья. Они лучше всѣхъ другихъ князей умѣли

угодить грозному татарскому хану и съ помощью татарскаго войска подчинили своей власти всѣхъ остальныхъ князей. Имъ было поручено собирать въ пользу татаръ дань со всей русской земли; но они при этомъ не забывали и себя, а потому скоро очень разбогатѣли. Разбогатѣвъ, они начали скупать цѣлыя сосѣднія волости и расширять свои владѣнія; у нѣкоторыхъ же слабыхъ князей прямо захватывали ихъ княжества силою: такимъ путемъ они скоро собрали въ своихъ рукахъ почти всю русскую землю. Вотъ этотъ то захватъ московскими князьями всѣхъ другихъ русскихъ княжествъ и принято называть «собираніемъ Руси».

Съ этого и началось самодержавное Московское государство. Послѣ татарскаго нашествія, опираясь на татарскаго хана, московскіе великіе князья подчинили своей власти всѣхъ другихъ князей и сдѣлались самовластными на Руси. О народѣ же нечего и говорить. Народъ былъ завоеванъ и обращенъ въ татарское подданство, а потому долженъ былъ безпрекословно повиноваться своимъ правителямъ.

Затѣмъ, когда золотая орда ослабѣла отъ внутреннихъ раздоровъ и распалась на части, московскіе князья освободились отъ власти татарскаго хана, перестали платить дань и стали называться царями. Изъ прежнихъ татарскихъ ставленниковъ они обратились теперь въ самодержавныхъ правителей. Но положеніе русскаго народа нисколько не измѣнилось отъ этого къ лучшему. Татары и прежде не сами управляли Русью, а управляли ею черезъ московскихъ князей, которымъ передали свою власть. Власть эта и осталась теперь именно такою, какою сдѣлали ее татары, то-есть неограниченною и самодержавною властью, властью азіатскихъ поработителей надъ покоренными ими народами.

Прежніе вѣчевые порядки не вернулись назадъ, послѣ ухода татаръ, потому что на Руси уже были закрѣплены совсѣмъ другіе, татарскіе порядки, двухсотлѣтнимъ татарскимъ игомъ. Эти татарскіе порядки успѣли проникнуть тогда въ самыя души русскихъ людей; русскіе люди уже привыкли теперь смотрѣть на себя, какъ на рабовъ, какъ на прирожденныхъ холоповъ своего государя. Въ этой же

холопской вѣрѣ старалось воспитывать ихъ и русская православная церковь. Русское, невѣжественное въ то время, духовенство рано перешло на сторону сильныхъ московскихъ князей; оно усердно твердило народу во всѣхъ своихъ поученіяхъ и молитвахъ, что холопскіе порядки установлены на Руси не татарами, а самимъ Господомъ Богомъ, и что въ рабскомъ послушаніи московскому князю заключается сущность всей православной христіанской вѣры.

Кромѣ того, у московскихъ князей, или царей, какъ они стали называться потомъ, теперь было свое большое войско, состоявшее изъ преданныхъ имъ дворянъ. Прежде у каждаго князя была своя небольшая дружина или дворня, которая переѣзжала съ нимъ изъ одного княжества въ другое. Но когда московскіе князья стали усиливаться и возвышаться, то дружины всѣхъ другихъ князей стали стягиваться къ московскому князю, стали бросать своихъ прежнихъ князей и переѣзжать въ Москву, потому что служить у богатыхъ московскихъ князей имъ стало выгоднѣе. Такимъ путемъ на службѣ у московскаго князя скоро собралось множество княжескихъ дружинниковъ или дворянъ, какъ ихъ стали называть теперь; эти дворяне и составляли собственное войско московскаго князя. Между тѣмъ, прежнее земское народное ополченіе уже давно исчезло,—у народа уже не было теперь ни оружія, ни прежней привычки къ военному дѣлу. Вся военная сила сосредоточилась теперь въ рукахъ московскаго князя. Поэтому онъ могъ и силой заставить народъ повиноваться себѣ. Мы уже знаемъ изъ первой части, какъ московскіе князья Иванъ Третій и Василій Ивановичъ ходили съ войскомъ въ Новгородъ и Псковъ, чтобы подчинить ихъ своей власти, а также—какъ Иванъ Грозный разорялъ и опустошалъ со своими опричниками цѣлыя русскія области, желая устрашить народъ, «извести крамолу», какъ онъ любилъ говорить.

Такимъ-то путемъ и возникли на Руси московскіе самодержавные порядки. Во главѣ стоялъ царь, котораго духовенство обратило въ земного бога. Царя окружали бояре, по большей части изъ прежнихъ младшихъ княжескихъ родовъ: они сидѣли въ думѣ и въ приказахъ; ихъ главная обязанность состояла въ томъ, чтобы «блюсти царскіе доходы». Этихъ же бояръ цари посылали воеводами во всѣ

города, въ родѣ теперешнихъ губернаторовъ. Одинъ изъ воеводъ такъ писалъ московскому царю: „Я правилъ твои государевы всякіе доходы нещадно, побивая на смерть". Воеводы ѣздили со своими людьми по волостямъ, подвергали крестьянъ истязанію и вымучивали у нихъ деньги.

За боярами шли дворяне; они составляли царское войско и приводили въ исполненіе царскую волю. Прикажетъ имъ царь воевать съ Литвою, они воюютъ съ Литвою; прикажетъ имъ царь жечь новгородскія села или избивать тверичей, они жгутъ новгородскія села и избиваютъ тверичей. Царская воля замѣняла для нихъ и вѣру и законъ. За это они были возведены царемъ въ высшее сословіе, а весь остальной народъ былъ обращенъ въ низшее, податное сословіе; это были „черные" или „подлые" люди: они должны были работать на высшее сословіе и платить царю подати.

III.

Происхожденіе крѣпостного права.

Главнымъ занятіемъ русскаго рабочаго населенія попрежнему оставалось тогда земледѣліе. Когда татары завоевали Русь, то весь русскій народъ занимался земледѣліемъ; поэтому татары стали называть русскихъ земледѣльцевъ христіанами или крестьянами; это названіе осталось за ними и до сихъ поръ. По татарскому правилу, вся завоеванная земля принадлежала хану; поэтому и московскіе князья, унаслѣдовавъ свою власть отъ татарскаго хана, стали считать всю русскую землю своею собственностью и брали за нее со всѣхъ крестьянъ оброкъ. Прежняя крестьянская земля перестала быть крестьянскою и обратилась въ царскую; теперь считалось, что крестьяне сидѣли на государевой землѣ и потому несли за нее всякія повинности. Между прочимъ, они должны были кормить и содержать царское войско. Такъ какъ денегъ тогда было мало въ обращеніи, то московскіе князья, вмѣсто того, чтобы платить своимъ служилымъ дворянамъ жалованье деньгами, стали раздавать имъ на прокормъ земли, на которыхъ сидѣли крестьяне. Получивъ такую населенную землю, служилые дворяне становились помѣщиками, правительство из-

помѣщало ихъ; но они владѣли этой землей только—пока несли царскую службу; когда помѣщикъ умиралъ, его земля переходила къ другому служилому дворянину и опять-таки не въ собственность, а лишь пожизненное пользованіе, „чтобы ему было чѣмъ отправлять государеву службу». Такъ возникло въ Руси помѣстное право дворянъ, которое, какъ мы видимъ, не распространялось сначала на самихъ крестьянъ, а касалось только одной земли, да и то не въ видѣ вѣчнаго, а лишь въ видѣ временнаго пользованія ею.

Вѣчнымъ правомъ на землю пользовались тогда, кромѣ царя, еще нѣкоторые бояре изъ прежнихъ княжескихъ родовъ, да еще многіе монастыри, которымъ царь и бояре дарили свои земли, думая этимъ купить себѣ хорошее мѣсто въ раю. Благодаря такому суевѣрію, въ рукахъ бѣлаго и чернаго духовенства скопилось тогда много земель, и нѣкоторые монастыри уже обладали тогда огромными земельными богатствами.

Мы видимъ, слѣдовательно, что вся земля въ Московскомъ государствѣ уже была разобрана тогда по рукамъ высшимъ сословіемъ. Землею владѣлъ прежде всего царь, который бралъ за нее оброкъ съ крестьянъ; землей владѣли древніе княжескіе роды; землею владѣли, на правахъ временнаго пользованія, служилые дворяне-помѣщики; землею владѣли, наконецъ, монастыри и духовенство. Не владѣли землею лишь одни земледѣльцы, то-есть тѣ именно люди, которые воздѣлывали ее своимъ трудомъ. Земледѣльцы были совсѣмъ лишены собственной земли при новыхъ московскихъ порядкахъ; они могли обрабатывать теперь только чужую землю, царскую или помѣщичью и, конечно, должны были платить за это оброкъ—отдавать половину или треть своей жатвы землевладѣльцу. Это и была экономическая, то-есть хозяйственная основа всего московскаго государства.

Высшія сословія всегда стремятся къ тому, чтобы заставить низшія сословія работать на себя; а для этого они прежде всего стремятся забрать въ свои руки землю. Тогда трудовое, рабочее населеніе, которое встарину только и жило, что земледѣліемъ да рыбными или лѣсными промыслами, попадаетъ въ полную хозяйственную зависимость отъ землевладѣльцевъ. Такъ было и въ московскомъ госу-

дарствѣ. Забравъ въ свои руки власть, цари поспѣшили забрать въ свои руки и землю. Этимъ они сразу же закрѣпили свою власть, утвердили ее на прочномъ фундаментѣ. Этимъ же самымъ путемъ они обезпечили положеніе своего дворянства, безъ котораго они не могли обойтись; они стали раздавать ему земли. На этомъ захватѣ земли царями и на этой раздачѣ земель дворянамъ было построено все московское государство; царскую и дворянскую власть надъ народомъ невозможно отдѣлить отъ царскаго и дворянскаго землевладѣнія: одно всегда держалось и держится на другомъ. Вотъ чего не слѣдовало бы забывать русскому крестьянству.

А между тѣмъ, что же мы видимъ? Мы видимъ, что въ теченіе многихъ лѣтъ наши русскіе крестьяне не переставали и еще, быть можетъ, не перестаютъ до сихъ поръ надѣяться, что они получатъ, наконецъ, назадъ отъ царскаго правительства отобранную у нихъ землю; съ самаго своего освобожденія, въ 1861 году, они все ожидаютъ какого-то царскаго указа о дарованіи имъ земельныхъ прирѣзковъ или въ общемъ передѣлѣ земли; они все еще вѣрятъ всякимъ нелѣпымъ слухамъ о томъ, что царь уже много разъ хотѣлъ отобрать у дворянъ землю и отдать ее имъ, крестьянамъ, да только дворяне-де скрывали отъ нихъ эту царскую грамату.

Подобныя ожиданія нашихъ крестьянъ показываютъ, что они еще не вполнѣ ясно понимаютъ, какъ возникло на Руси самодержавіе и на какомъ фундаментѣ оно построено.

Необходимую опору для всякой власти всегда составляетъ богатство. У бѣднаго не можетъ быть власти надъ богатымъ, и у бѣднаго правительства не можетъ быть власти надъ богатымъ народомъ; а главное, богатство всякаго народа всегда заключается въ землѣ, особенно въ тѣ времена, когда главнымъ народнымъ промысломъ является земледѣліе. Еслибы у московскаго правительства не было въ рукахъ земли, оно никогда не могло бы сдѣлаться самодержавнымъ, потому что оно было бы тогда бѣднѣе своего народа. Вотъ почему при старыхъ вѣчевыхъ порядкахъ князьямъ даже запрещалось пріобрѣтать въ собственность землю въ своемъ княжествѣ, изъ боязни, чтобы этимъ путемъ они не усилили слишкомъ своей власти; и вотъ по-

чему наше самодержавное правительство, пока оно останется самодержавнымъ, никогда по своей волѣ не вернетъ народу отнятую у него землю, чтобы не ослабить этимъ своей власти надъ нимъ.

Не можетъ также самодержавное правительство отобрать землю у дворянъ и передать ее крестьянамъ, потому что тогда оно само лишило бы себя своей главной опоры. Наши цари, съ давнихъ поръ, во всѣхъ своихъ манифестахъ называютъ дворянство опорой престола; и это совершенная правда. Никакой самодержавный правитель не былъ бы въ состояніи одинъ, безъ помощи дворянъ, опутать своей властью цѣлый народъ. Для этого ему необходимо было раскинуть свою паутину по всему государству; а такою именно паутиной и послужило московскому правительству дворянство. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ возвышались сами московскіе цари, они возвышали надъ народомъ и своихъ служилыхъ дворянъ; а чтобы возвысить ихъ надъ народомъ, они раздавали имъ землю и тѣмъ самымъ подчиняли имъ рабочій народъ. И сейчасъ мы видимъ, что наше царское правительство всѣми силами старается поддержать свою власть и удержать за дворянами ихъ земли: задолжавшихъ и промотавшихся дворянъ оно старается спасти отъ окончательнаго разоренія; оно устроило дворянскій банкъ и раздаетъ имъ въ безпроцентную ссуду многіе милліоны казенныхъ денегъ; оно изъ году въ годъ прощаетъ имъ ихъ долги въ государственный банкъ; оно при трехъ послѣднихъ императорахъ роздало имъ несмѣтныя пространства свободныхъ земель на Кавказѣ, въ Крыму и въ Уфимской губерніи; наконецъ, въ самое послѣднее время оно начало продавать имъ на самыхъ льготныхъ условіяхъ свободныя земли въ Сибири. Развѣ это называется отбирать у дворянъ землю и передавать ее въ руки крестьянъ? А между тѣмъ это происходитъ у всѣхъ на глазахъ. Царское правительство даже не скрываетъ этого отъ народа, оно даже постоянно приказываетъ губернаторамъ и священникамъ въ церквахъ повторять крестьянамъ слова, сказанныя при коронаціи волостнымъ старшинамъ царемъ Александромъ Третьимъ: „Слѣдуйте совѣту и руководству предводителей дворянства“, говоритъ этотъ царь, „и не вѣрьте вздорнымъ слухамъ о даровыхъ прирѣзкахъ земли“. Кажется, ясно. Эти

слова даже велѣно выставить на видномъ мѣстѣ во всѣхъ волостныхъ правленіяхъ. На какомъ же основаніи наши крестьяне все еще надѣятся получить отъ царя обратно отнятую у нихъ землю? Это показываетъ только, что наши крестьяне плохо еще понимаютъ самую основу, самую сущность самодержавнаго правленія. А чтобы понять эту сущность, надо прежде всего познакомиться съ исторіей русскаго государства.

* * *

Итакъ, мы остановились на раздачѣ царями земель своему дворянству. Но это еще не было прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ. Обезземельные крестьяне пока еще считались свободными; они могли еще переходить отъ одного помѣщика къ другому, отъ одного землевладѣльца къ другому землевладѣльцу. Но куда бы они ни пришли и на какую бы землю они ни сѣли, они должны были нести за нее всякія повинности и находиться въ полной зависимости отъ землевладѣльца. А это значило, что свободными-то они и тогда были почти только по имени. Но скоро у нихъ была отнята и послѣдняя видимая свобода.

Настоящее формальное закрѣпощеніе крестьянъ началось на казенныхъ, царскихъ земляхъ. Тамъ крестьяне съ самаго же начала были связаны круговой порукой. Каждая черная волость, какъ назывались тогда общества государственныхъ крестьянъ, должна была платить оброки и нести повинности за отведенную ей землю сообща, всею волостью, за общею, круговою порукою. Если изъ такой волости уходилъ одинъ изъ общественниковъ, то всѣ остальные крестьяне должны были платить тотъ же оброкъ, что и прежде, и нести всѣ тѣ же повинности. Поэтому сами государственные крестьяне вынуждены были прикрѣплять ихъ къ землѣ и отпускать ихъ лишь въ томъ случаѣ, если они находили вмѣсто себя замѣстителя.

Но и дворянамъ помѣщикамъ также захотѣлось затруднить свободный переходъ крестьянъ, чтобы крѣпче держать ихъ въ своихъ рукахъ. И вотъ они стали добиваться полнаго закрѣпощенія крестьянъ. Надо сказать, что для многихъ крестьянъ свободный переходъ отъ одного помѣщика

къ другому былъ и безъ того уже затрудненъ ихъ бѣдностью. Безземельные крестьяне часто приходили къ помѣщику безъ всякаго хозяйственнаго имущества, безъ коровы и безъ лошади, съ однѣми голыми руками. Чтобы начать хозяйство, они должны были брать у помѣщика въ ссуду сѣмена и рабочій скотъ, да кромѣ того платить ему „пожилое“ за избу и дворовыя строенія. Вслѣдствіе этого они сразу же становились его неоплатными должниками и не могли уйти отъ него, не уплативши ему всего долга. Вотъ почему свободный переходъ и для помѣщичьихъ крестьянъ скоро почти прекратился самъ собою, благодаря ихъ бѣдности и задолженности. Такимъ образомъ, уже самое лишеніе земли отняло у крестьянъ ихъ прежнюю свободу.

Но если прекратился свободный переходъ крестьянъ отъ одного помѣщика къ другому, то еще остался переводъ ихъ съ земли на землю самими помѣщиками. Если крестьянинъ самъ не могъ оставить своего землевладѣльца, то его могъ, съ его согласія, перевести на свою землю другой помѣщикъ, уплативъ за него всѣ его долги. Такъ и поступали богатые землевладѣльцы, когда они нуждались въ рабочихъ людяхъ; они посылали передъ осеннимъ или весеннимъ Юрьевымъ днемъ своихъ приказчиковъ выкупать чужихъ крестьянъ изъ долговъ и переводить ихъ на свою землю. У богатыхъ помѣщиковъ крестьянамъ было легче жить, чѣмъ у мелкопомѣстныхъ, и потому они охотно соглашались на такую сдѣлку.

Но вотъ съ конца шестнадцатаго вѣка, при Иванѣ Грозномъ и Борисѣ Годуновѣ, начинаютъ появляться царскіе указы, сначала о запрещеніи богатымъ помѣщикамъ переманивать крестьянъ съ черныхъ, то есть съ казенныхъ земель, а потомъ также и отъ мелкихъ помѣщиковъ, чтобы не было убытка царской казнѣ и служилымъ дворянамъ. Это былъ еще одинъ шагъ къ полному закрѣпощенію крестьянъ. Теперь крестьянинъ уже не могъ освободиться отъ своего помѣщика даже при помощи богатаго землевладѣльца, и помѣщикъ пересталъ бояться, что крестьяне уйдутъ отъ него, если онъ будетъ очень тѣснить ихъ.

Но у крестьянъ оставалось еще одно спасеніе: бѣгство. Когда крестьянамъ приходилось очень тяжко у какого-нибудь помѣщика, они уходили тайкомъ на землю другого

помѣщика и скрывались у него. Такъ какъ всѣ помѣшики сильно нуждались въ рабочихъ рукахъ, то многіе изъ нихъ охотно принимали такихъ бѣглецовъ и помогали имъ укрываться. Помѣщики, конечно, разыскивали своихъ бѣглыхъ должниковъ, но по указу царя Ѳедора, изданному въ 1597 г., помѣщикъ могъ искать убѣжавшаго отъ него крестьянина только въ теченіи пяти лѣтъ; послѣ же этого срока крестьянинъ уже не считался бѣглецомъ, и помѣщикъ терялъ на него всѣ свои права. Этотъ указъ оставлялъ крестьянину хоть небольшую надежду на спасеніе: стоило ему прожить пять лѣтъ въ какихъ нибудь глухихъ мѣстахъ, и онъ становился свободнымъ. Но помѣщики стали стараться закрыть крестьянину и эту послѣднюю лазейку; они стали добиваться у царей, чтобы имъ дали право безсрочно разыскивать своихъ бѣглыхъ крестьянъ, чтобы ихъ крестьяне до конца своей жизни не могли освободиться отъ нихъ. Цари не заставили долго просить себя и скоро дали на это свое согласіе. При царѣ Михаилѣ Романовѣ пятилѣтній срокъ, назначенный раньше для разыскиванія бѣглыхъ крестьянъ, былъ продолженъ до десяти лѣтъ, а при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, указомъ 1645 года, былъ отмѣненъ всякій срокъ, и крестьяне были окончательно прикрѣплены къ той землѣ, на которой засталъ ихъ этотъ указъ. Такъ помѣщики достигли наконецъ своей цѣли и обратили въ вѣчное рабство прежняго вольнаго русскаго пахаря, того самаго богатыря Микулушку Селяновича, о которомъ поется въ старинной былинѣ. Сначала у этого богатыря отняли землю, а потомъ и его самаго, обезсиленнаго и обнищавшаго, стали понемногу прикрѣплять къ землѣ, пока, наконецъ, не посадили на крѣпкую цѣпь и не отдали въ полную власть дворянамъ. Такова вкратцѣ исторія крѣпостного права въ Россіи.

* * *

По мѣрѣ того, какъ у крестьянъ отнимали всѣ ихъ права, возрастала надъ ними власть помѣщиковъ, и они все болѣе и болѣе обращались изъ людей въ простую движимую собственность своихъ господъ.

При царѣ Михаилѣ Романовѣ былъ изданъ указъ, по которому, въ случаѣ еслибы помѣщикъ оказался неоплат-

нымъ должникомъ, то его долгъ взыскивался на его крестьянахъ. А еслибы помѣщикъ убилъ чужого крестьянина, то владѣлецъ убитаго могъ взять у него взамѣнъ «лучшаго его крестьянина съ женою, дѣтьми и со всѣми животы». Мы видимъ, что крестьяне уже разсматриваются здѣсь не какъ люди, а какъ движимое имущество.

Скоро помѣщики стали обмѣниваться своими крестьянами, дарить ихъ въ приданое дочерямъ, передавать ихъ изъ рукъ въ руки по договорамъ. Такъ въ 1632 году, все при томъ же царѣ Михаилѣ Романовѣ, помѣщица, вдова Лукерья Куломзина, передала своему пасынку своихъ крестьянъ «Мишку Минина, да Шумилку Семенова, да Ларку Евстратьева съ женами и дѣтьми и со всѣми ихъ крестьянскими животы». А въ одной мировой запискѣ между двумя тогдашними помѣщиками было сказано такъ: «да онъ же Романъ уступилъ мнѣ Ивану Ивашкину крестьянина Ѳедьку, прозвище Чуканъ, съ женою, дѣтьми и съ животы».

Въ одной докладной записи того же времени читаемъ слѣдующее: «Се азъ Иванъ Осиповъ, сынъ Сазоновъ, заложилъ Якову Лукину, сыну Сазонову, свою крестьянскую дѣвку Дашку, Коняшкину дочь". Другой помѣщикъ пишетъ: «Се азъ Ѳедоръ Ивановъ, сынъ Арсеньевъ, въ нынѣшнемъ 1675 году, далъ зятю своему Лукѣ Юрьеву, сыну Сазонову, за дочерью своею Пелагѣею въ приданое свою вотчинную крестьянку вдову Агафью Викулину съ дѣтьми ея, съ Кузькою, да съ Карпикомъ, да съ Остапкою, да съ Тихономъ, да съ дочерьми, дѣвками Дарьицею да Матрешкою".

При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ былъ даже изданъ особый указъ о разрѣшеніи помѣщикамъ продавать своихъ крестьянъ безъ земли, на свозъ, въ родѣ рабочей скотины.

Вмѣстѣ съ тѣмъ помѣщики присвоили себѣ право наказывать крестьянъ тѣлесно, бить ихъ батогами и розгами. Прежде, до полнаго закрѣпощенія крестьянъ, этого не было; тогда помѣщикъ могъ въ наказаніе отнять у крестьянина данный ему участокъ земли или наложить на него штрафъ, но бить его не имѣлъ права. Теперь помѣщики уже такъ писали своимъ приказчикамъ: „А буде кои крестьяне учнутъ не слушаться, и тѣхъ крестьянъ имать и велѣть на сходѣ бить батогами нещадно"; или такъ: „А которые крестьяне

утаятъ какого хлѣба, и тѣхъ крестьянъ бить батогами передъ волостными людьми нещадно". Такъ распространился на Руси этотъ ужасный обычай тѣлеснаго наказанія крестьянъ, отъ котораго до сихъ поръ не можетъ освободиться русскій народъ. „До сихъ поръ", какъ говоритъ графъ Левъ Толстой, «признается необходимымъ подвергать нелѣпому, неприличному и оскорбительному наказанію не всѣхъ, а только одно изъ сословій государства, самое трудолюбивое, самое полезное, нравственное и многочисленное. Высшее правительство огромнаго государства ничего не могло придумать лучше, какъ то, чтобы взрослыхъ и иногда старыхъ людей оголять, валить на полъ и бить прутьями по задницѣ".

Теперь мы видимъ, откуда началось это позорное дѣло. Оно явилось на Руси вмѣстѣ съ крѣпостнымъ правомъ, когда крестьяне изъ людей были превращены царями и дворянствомъ въ свою рабочую скотину. Легко видѣть также, по какой причинѣ, съ какою цѣлью это позорное наказаніе до сихъ поръ удерживается царскимъ правительствомъ: оно удерживается потому, что цари и дворяне попрежнему хотятъ, чтобы крестьяне были не людьми, а оставались ихъ рабочей скотиной.

* * *

Когда на Руси окончательно установилось крѣпостное право, то вмѣстѣ съ тѣмъ еще болѣе участились побѣги крестьянъ отъ своихъ помѣщиковъ. Цари и дворяне хотѣли превратить крестьянъ въ рабочую скотину; но вѣдь крестьяне-то оставались все-таки людьми, а не скотиной, несмотря на все желаніе царей и дворянъ, и потому не всегда могли терпѣливо переносить свое унизительное положеніе. Вотъ почему они часто убѣгали отъ своихъ господъ, причемъ нерѣдко жгли ихъ усадьбы и убивали ихъ самихъ. Эти случаи были такъ часты, что въ 1658 году царь Алексѣй Михайловичъ долженъ былъ издать особый указъ, въ которомъ говоритъ: «Вѣдомо намъ, великому государю, учинилось, что крестьяне нашихъ дворянъ и всякихъ служилыхъ людей раззоряютъ ихъ, имущество ихъ грабятъ, ихъ дома пожигаютъ, а иныхъ вмѣстѣ съ женами ихъ и дѣтьми до смерти избиваютъ; а раззоряя помѣщиковъ сво-

ихъ, убѣгаютъ и живутъ въ бѣгахъ. И тѣхъ бѣглецовъ сыскивать всякими способами и отдавать ихъ прежнимъ помѣщикамъ, а которые помѣщиковъ своихъ раззорили и тѣмъ повелѣли мы бить кнутомъ нещадно; а пущихъ воровъ, которые, бѣжавъ, помѣщиковъ своихъ до смерти побили или домы ихъ сожгли, указали мы казнить смертью, по сыску велѣли вѣшать, чтобы впредь инымъ такъ воровать было неповадно".

На этотъ строгій указъ не помогъ, и крестьяне попрежнему искали спасенія въ бѣгствѣ отъ своего тяжелаго житья. Многіе изъ нихъ уходили въ вольныя степи, на Донъ и на Волгу, гдѣ становились разбойниками или приставали къ казачеству. Читатели уже знаютъ изъ первой части нашихъ разсказовъ, что при томъ же царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, въ 1669 году, донскіе казаки и бѣглые крестьяне, собравшіеся на Дону, задумали поднять все русское крестьянство на помѣщиковъ и двинулись подъ предводительствомъ Степана Разина на Москву. Такъ какъ крестьяне вездѣ были озлоблены на помѣщиковъ и воеводъ, то возстаніе распространилось широко, и мятежъ быстро охватилъ всю приволжскую и черноземную полосу Россіи, теперешнія губерніи Саратовскую, Самарскую, Воронежскую Тамбовскую и Пензенскую, причемъ многія сотни помѣщиковъ и служилыхъ людей были перебиты озлобленнымъ народомъ. Но въ концѣ-концовъ царское войско разбило вольную казацкую и крестьянскую армію; Разинъ былъ четвертованъ, а многое множество возставшихъ крестьянъ было засѣчено до смерти и перевѣшано московскими воеводами.

На этомъ мы закончили исторію русскаго рабочаго народа въ первой части нашихъ разсказовъ. При Алексѣѣ Михайловичѣ было окончательно установлено крѣпостное право въ Россіи, и окончательно былъ закрѣпленъ союзъ между самодержавнымъ правительствомъ и дворянствомъ. Теперь посмотримъ, что было дальше: какъ управляли государствомъ и какъ распоряжались своею властью эти друзья и союзники, царь и дворяне.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Умственное состояніе въ Московской Руси.

Гдѣ рабство, тамъ темнота и невѣжество. Только свободный народъ можетъ быть просвѣщенъ и образованъ. Самое рабство держится прежде всего на народной темнотѣ, на недостаткѣ просвѣщенія въ народѣ, а потому народные угнетатели всегда стараются преградить своимъ подданнымъ доступъ къ просвѣщенію.

Мы знаемъ, что русскій народъ давно жилъ въ рабствѣ, подъ властью татаръ и московскихъ царей, а потому нечего удивляться, что онъ долго оставался въ полномъ невѣжествѣ. Даже самые его правители и духовные руководители долгое время были мало учеными людьми, а часто даже и совсѣмъ безграмотными. Лѣтописецъ говоритъ о великомъ московскомъ князѣ Дмитріи Донскомъ, что онъ „не былъ хорошо изученъ по книгамъ“. А великій князь Василій Темный не умѣлъ даже читать. Таковы же были и ближайшіе совѣтники первыхъ московскихъ царей; изъ двадцати двухъ бояръ, подписавшихъ грамоту объ избраніи Бориса Годунова на царство, двое князей Трубецкихъ да князья Голицынъ и Черкасскій не могли сами подписать свое имя. А что касается духовенства, то вотъ что говоритъ архіепископъ новгородскій Геннадій о тогдашнихъ священникахъ: „Приведутъ ко мнѣ посвящать въ попы мужика. Я приказываю ему читать апостолъ, а онъ и ступить не умѣетъ; приказываю дать ему псалтырь, а онъ и по той еле бредетъ. Я отказываю, а на меня жалобы: земля, господине, такова; не можно найти, кто бы гораздъ былъ въ грамотѣ“.

Понятно, что при такомъ кругломъ невѣжествѣ церковная вѣра обратилась на Руси въ простое идолопоклонство. Русскіе люди очень плохо понимали свою вѣру. Все дѣло заключалось для нихъ въ обрядахъ да въ иконахъ. Никто изъ нихъ не могъ бы объяснить, во что онъ вѣруетъ. Даже молитвы знали очень немногіе. Когда одинъ пріѣзжій иностранецъ спросилъ у бояръ, почему въ Россіи крестьяне не знаютъ ни „Отче нашъ“, ни „Богородицы“, то ему отвѣ-

тили: „Это очень высокая наука, годная только для царей да патріарха, а не для простыхъ мужиковъ".

Въ деревняхъ священники никогда не говорили проповѣдей; церковная служба состояла въ кажденіи ладаномъ передъ иконами да въ пѣніи непонятныхъ для народа церковныхъ стиховъ. При этомъ каждый изъ прихожанъ приносилъ съ собой въ церковь свою собственную иконуи не любилъ молиться передъ чужой иконой; у каждаго былъ свой собственный богъ. Не мудрено, что глядя на все это, первый русскій христіанинъ, отпавшій отъ церкви, Ѳеодосій Косой говорилъ: „Русскіе называютъ себя православными, а на самомъ дѣлѣ они идолослужители."

Ихъ всего больше занимали такіе вопросы: сколько надо зажигать свѣчей при освѣщеніи кутьи? Можно ли хоронить послѣ заката солнца? Какъ ходить съ образами вокругъ церкви, по солнцу или противъ солнца? Можно ли брить усы и бороду? Въ этомъ и заключалась вся ихъ вѣра. Мы знаемъ, что при патріархѣ Никонѣ и царѣ Алексѣѣ, въ русской церкви произошелъ расколъ изъ-за спора о томъ, какъ надо креститься, двумя или тремя перстами, и какъ пѣть аллилуя, два или три раза.

Когда Иванъ Грозный, считавшій себя очень ученымъ человѣкомъ, захотѣлъ узнать про лютеранскую вѣру, онъ просилъ одного нѣмецкаго священника написать ему, какъ у нѣмцевъ происходитъ церковная служба: „какъ входятъ въ церковь попы, какъ въ рясы облачаются и какъ у нихъ звонятъ въ колокола, во всѣ дни равно или только по большимъ праздникамъ?" Ни о чемъ больше царь и спросить не умѣлъ.

Такова была тогда на Руси церковная вѣра; да такою же почти остается она и до сихъ поръ. Между тѣмъ русскіе считали себя однихъ истинными христіанами, а всѣхъ чужеземцевъ называли погаными еретиками и даже боялись вступать съ ними въ сношенія. Они считали величайшимъ грѣхомъ сидѣть за однимъ столомъ съ иновѣрцемъ, а если какой нибудь купецъ ѣхалъ въ чужіе края, то онъ долженъ былъ потомъ приносить покаяніе и очищаться въ церкви. Научиться чему-нибудь новому у чужеземцевъ или прочесть иностранную книжку, значило, по ученію русской церкви, погубить свою душу. За всякую новую мысль, даже за

всякое новое слово, которое не написано въ церковныхъ книгахъ, грозило тогда жестокое наказаніе. Надо было поступать во всемъ по старинѣ. «Всѣмъ страстямъ мати—мнѣніе», говорили тогда народу его духовные руководители; «умъ—самый злой врагъ человѣка!»

Съ другой стороны, царское правительство также старалось держать народъ въ темнотѣ, а потому боялось пускать своихъ подданныхъ въ чужіе края. Англичанинъ Флетчеръ, бывшій въ Россіи при Борисѣ Годуновѣ, такъ писалъ въ своей книгѣ: «Русскіе люди, повидимому, способны ко всякимъ искусствамъ, но они не отличаются ни въ какомъ ремеслѣ, а всего меньше въ наукахъ, отъ которыхъ ихъ удаляютъ съ намѣреніемъ, чтобы удобнѣе было держать ихъ въ томъ рабскомъ состояніи, въ какомъ они находятся, и чтобы у нихъ не было ни ума, ни мужества. Съ тою же цѣлью имъ запрещаютъ путешествовать, чтобы они ничему не научились и не увидѣли обычаевъ чужихъ странъ».

При такихъ порядкахъ русское государство было долгое время отгорожено какъ бы каменной стѣной отъ всего остального міра. Этимъ цари и духовенство достигли своей главной цѣли: русскій народъ дѣйствительно пребывалъ въ темнотѣ и рабствѣ. Но, съ другой стороны, по той же самой причинѣ, онъ былъ бѣденъ и разоренъ, и правительству приходилось съ великимъ трудомъ выколачивать изъ него подати. Въ государствѣ не было ни фабрикъ, ни заводовъ, ни искусныхъ ремесленниковъ. Войско было плохо обучено; никто не умѣлъ отливать пушки и изготовлять хорошее оружіе или хорошій порохъ. За всѣмъ приходилось обращаться къ иностранцамъ, все приходилось покупать въ другихъ государствахъ, а денегъ у правительства было мало. Тогда ему волей-неволей пришлось, наконецъ, подумать о томъ, чтобы разстаться съ любезной ему стариной и допустить хоть немножко свѣта въ свое государство; войти въ сношеніе съ болѣе просвѣщенными странами, завести морскую торговлю, выписать изъ за-границы мастеровъ, построить фабрики, основать высшія школы, начать печатать свѣтскія книги. Уже царь Алексѣй Михайловичъ и его старшій сынъ Ѳедоръ, а также любовникъ правительницы Софіи, князь Василій Голицынъ, начали перенимать кое-что у иностранцевъ; но главнымъ преобразовате-

немъ русскаго государства оказался въ этомъ случаѣ царь Петръ Первый, прозванный за это Великимъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Петръ Великій.

Еще и при старыхъ московскихъ порядкахъ русскіе цари должны были приглашать къ себѣ на службу иностранныхъ офицеровъ, лѣкарей и мастеровъ. Всѣ эти чужеземцы жили около Москвы въ особой слободѣ, которую называли Нѣмецкой. Царь Петръ, будучи очень любознательнымъ еще съ малолѣтства, познакомился съ нѣкоторыми мастерами изъ Нѣмецкой слободы и сталъ часто ходить туда. Особенно привязался онъ тогда къ швейцарцу Лефорту, человѣку веселому и бывалому. Отъ него Петръ узналъ многое о чужихъ краяхъ и кромѣ того увидѣлъ своими глазами, что иностранцы во всякомъ дѣлѣ понимали больше русскихъ. Петръ выросъ не въ душныхъ дворцовыхъ стѣнахъ, куда нѣтъ доступа никакой свѣжей мысли, а на полной свободѣ. Когда Софья захватила власть, она выгнала Петра съ его матерью изъ дворца, и это послужило молодому Петру на большую пользу. Онъ получилъ не царское, а свободное воспитаніе, и потому болѣе, чѣмъ другіе русскіе цари, походилъ на обыкновеннаго человѣка, а не на дворцоваго идола.

До восемнадцатилѣтняго возраста Петръ прожилъ съ матерью въ подмосковномъ селѣ Преображенскомъ, вдали отъ бояръ и духовенства. Еще ребенкомъ онъ собралъ вокругъ себя сверстниковъ изъ дѣтей небогатыхъ дворянъ и составилъ изъ нихъ потѣшные полки. Съ помощью этихъ именно потѣшныхъ полковъ онъ и отнялъ потомъ власть у своей старшей сестры, заперъ ее въ монастырь и сталъ одинъ править государствомъ.

Петръ былъ отъ природы человѣкъ большого ума. Когда онъ понялъ, чего не доставало русскому государству, онъ не щадилъ ни себя, ни другихъ, чтобы все перестроить по новому. Но Петръ былъ прежде всего царь, а потому думалъ лишь о своей, царской пользѣ. Ему надо было сдѣлать сильнымъ свое государство и имѣть много денегъ въ

казнѣ, а до народа ему было мало дѣла. Онъ любилъ Россію такъ же, какъ помѣщикъ любитъ свое хозяйство. Московскіе цари всегда смотрѣли на Россію, какъ на свою вотчину, а на народъ—какъ на своихъ крѣпостныхъ. Не вотчина для крестьянъ, а крестьяне для вотчины; не царь для народа, а народъ для царя.

Такъ смотрѣлъ на государство и Петръ. Онъ увидѣлъ, что войско у него было плохое, а войско нужно царямъ прежде всего. И вотъ онъ сталъ прежде всего устраивать свое войско.

Войско московскихъ царей состояло до того времени изъ казаковъ, изъ стрѣльцовъ и изъ дворянскаго ополченія. Казаки хорошо оберегали южную границу русскаго государства и доставляли царямъ хорошую конницу, но они жили въ вольныхъ степяхъ и сами выбирали своихъ атамановъ. Это не были забитые, покорные солдаты, которыхъ можно послать куда угодно, которыхъ можно заставить колоть и рубить хоть своихъ собственныхъ отцовъ и братьевъ. Тогдашніе казаки еще не были царскими опричниками, цари должны были обращаться съ ними ласково и посылать имъ подарки.

Стрѣлецкіе полки набирались для царской охраны изъ вольныхъ охочихъ людей и стояли въ самой Москвѣ; они жили не въ солдатскихъ казармахъ, а свободно, по своимъ домамъ и квартирамъ. Они также сами выбирали своихъ полковниковъ и всю свою старшину. Мы видѣли, что во время московскихъ бунтовъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ правительство всячески ласкало и задаривало стрѣльцовъ, чтобы они служили ему вѣрно и оберегали дворецъ. Мы видѣли также, что послѣ смерти царя Ѳедора Алексѣевича стрѣльцы распоряжались въ Москвѣ царскою властью. Они возвели на престолъ Софью; а когда сторонники Софьи пустили въ народъ слухъ, что Нарышкины задушили царевича Ивана (смотри первую часть), стрѣльцы бросились во дворецъ и убили двухъ Нарышкиныхъ, братьевъ царицы Натальи. Такое войско также не годилось Петру.

Только на одно дворянское ополченіе цари всегда могли положиться, что оно будетъ на ихъ сторонѣ противъ народа. Мы видѣли, что между царями и дворянами былъ заключенъ прочный союзъ; цари роздали имъ земли и за-

крѣпостили крестьянъ; поэтому цари могли смѣло разсчитывать на вѣрность дворянъ. Но дворянское ополченіе было плохое и лѣнивое войско. Его очень трудно было собрать на войну. Большое число дворянъ всегда состояло въ нѣтчикахъ, то есть не являлось на призывъ и всякими обманами укрывалось отъ военной службы. Потому именно московскому правительству уже давно пришлось завести у себя добавочные стрѣлецкіе полки, которые были бы у него всегда подъ рукой.

Итакъ, войско московскихъ царей было въ довольно плохомъ состояніи. И вотъ царь Петръ задумалъ устроить у себя такое же постоянное, солдатское войско, какое уже было тогда во всѣхъ другихъ, иностранныхъ государствахъ. При такомъ устройствѣ, рекрутовъ набираютъ не изъ дворянъ, а со всего народа, но зато отрываютъ ихъ надолго отъ ихъ родного мѣста, отъ ихъ семей и держатъ взаперти, въ казармахъ, въ большой строгости; офицерское же начальство надъ ними назначается изъ однихъ дворянъ. При этомъ отъ солдатъ требуютъ полнаго и безпрекословнаго повиновенія всякому приказанію начальства и за самое малѣйшее ослушаніе строго наказываютъ. И вотъ, солдатъ, оторванный отъ родныхъ и близкихъ, живя въ казармахъ подъ постояннымъ надзоромъ и въ постоянномъ страхѣ, скоро обращается какъ бы въ военную машину. Онъ не смѣетъ слова сказать начальнику, боится даже подумать о чемъ-нибудь противномъ волѣ начальства и привыкаетъ исполнять всякую команду. У него уже нѣтъ тогда больше ни своей воли, ни своихъ мыслей; онъ уже перестаетъ быть человѣкомъ, разумнымъ созданіемъ, а превращается въ слѣпое орудіе въ рукахъ начальства.

Вотъ такое-то именно солдатское войско Петръ рѣшилъ завести и у себя въ Россіи. Но для этого ему прежде всего надо было очистить мѣсто и расправиться съ непокорными стрѣльцами; а въ такихъ случаяхъ Петръ не церемонился съ людьми и не стѣснялся въ средствахъ. Онъ услалъ четыре стрѣлецкихъ полка на тяжелую службу въ далекіе города и держалъ ихъ тамъ въ большой нуждѣ. Наконецъ, на смѣну имъ были присланы другіе полки, и стрѣльцы уже думали, что ихъ отправятъ назадъ въ Москву;

но вмѣсто того имъ вдругъ приказали снова идти на тяжелую службу на литовскую границу. Стрѣльцы повиновались и на этотъ разъ; но ихъ и на литовской границѣ продолжали тѣснить все больше и больше, съ ясною цѣлью довести ихъ до бунта. Когда, по указу изъ Москвы, все литовское пограничное войско велѣно было распустить по домамъ, однихъ стрѣльцовъ опять оставили на службѣ и размѣстили по пограничнымъ литовскимъ городамъ. Тутъ ужъ стрѣльцы не выдержали и забунтовали. Они рѣшились самовольно идти въ Москву, къ своимъ домамъ и семьямъ, и двинулись туда со всѣмъ своимъ обозомъ. Въ Москвѣ находились тогда одни бояре; царь былъ заграницей. Когда стрѣльцы стали приближаться къ Москвѣ, бояре выслали противъ нихъ войско съ пушками и приказали стрѣлять въ нихъ. Послѣ четырехъ залповъ, стрѣльцы смѣшались и бросились вразсыпную. Ихъ стали ловить и вязать. Потомъ начался розыскъ. Стрѣльцовъ подозрѣвали въ томъ, что они находились въ тайныхъ сношеніяхъ съ Софьей, жившей въ Новодѣвичьемъ монастырѣ; ихъ начали пытать кнутомъ и огнемъ; но и подъ самой страшной пыткой никто изъ стрѣльцовъ ничего не показалъ на Софью. Тогда бояре самыхъ виновныхъ изъ нихъ перевѣшали, а остальныхъ разослали по крѣпостямъ и монастырямъ.

Узнавъ заграницей о стрѣлецкомъ бунтѣ, Петръ тотчасъ же поскакалъ въ Москву. Бояре полагали, что судъ надъ стрѣльцами уже конченъ, но у Петра было другое на умѣ; онъ велѣлъ снова собрать въ Москву всѣхъ разосланныхъ по крѣпостямъ и монастырямъ стрѣльцовъ. Всего было привезено въ Москву 1713 человѣкъ.

Начались новыя пытки. Стрѣльцовъ сначала били кнутомъ, а потомъ клали на раскаленные уголья. По разсказу современниковъ, въ селѣ Преображенскомъ дымилось тогда тридцать костровъ. Петръ хотѣлъ вынудить у стрѣльцовъ признаніе, что они шли въ Москву по наущенію Софьи. Нѣкоторые изъ стрѣльцовъ, подъ страшными пытками, оговорили наконецъ Софью. Тогда начались казни. Однихъ колесовали, другимъ рубили головы, третьихъ вѣшали. Петръ своими руками отсѣкалъ несчастнымъ головы и заставлялъ исполнять должность палачей своихъ приближенныхъ вельможъ. Всего погибло тогда 772 человѣка. Софья

была пострижена въ монахини и скоро умерла. Всѣ стрѣлецкіе полки были уничтожены.

Въ этомъ дѣлѣ Петръ обнаружилъ свой жестокій и кровожадный характеръ. У него не было никакой жалости къ людямъ. Во все его царствованіе, въ застѣнкахъ Преображенскаго приказа не прекращались пытки и казни. Начальникомъ этого приказа былъ страшный князь Ромодановскій. Петръ самъ называлъ его звѣремъ, но любилъ его и дорожилъ имъ, какъ и всѣ цари дорожатъ своими палачами. Вѣдь цари не могутъ обойтись безъ палачей. Ромодановскій производилъ розыски по государеву дѣлу, то есть когда кого-нибудь обвиняли въ замыслахъ противъ Петра; а для этого было достаточно одного неосторожнаго слова. Тогда несчастнаго замучивали въ душной тюрьмѣ. Ромодановскій сначала пыталъ свою жертву, а потомъ вѣшалъ за ребра. Разъ попавшій въ его руки уже не выходилъ изъ нихъ живымъ. Въ такихъ дѣлахъ не могло быть справедливаго суда. Самъ обвинитель былъ и судьей въ своемъ собственномъ дѣлѣ.

Отдѣлавшись отъ стрѣльцовъ, Петръ началъ устраивать свое войско на новый образецъ. Онъ сталъ набирать рекрутъ по человѣку съ двадцати или тридцати дворовъ, смотря по надобности. Дворяне должны были всѣ поступать сначала въ гвардію солдатами, а оттуда ихъ переводили офицерами въ армейскіе полки, съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы все офицерство въ войскахъ состояло изъ дворянъ. Деньги на содержаніе войска велѣно было собирать со всего народа, причемъ офицера стали получать тогда жалованье.

Мы знаемъ, что прежде, при старомъ устройствѣ войска, крестьяне не поставляли рекрутовъ; военную службу несли тогда одни дворяне, за что они и получали помѣстья; а крестьяне должны были работать въ пользу помѣщика, чтобы онъ могъ содержать себя и свою лошадь во время похода. Теперь крестьянъ стали самихъ брать на военную службу и вмѣстѣ съ тѣмъ они должни были попрежнему работать на своего помѣщика; помѣщикъ же получалъ кромѣ крестьянской работы еще и офицерское жалованье, собранное съ того же народа. Такимъ образомъ, со вре-

мени Петра, крестьяне стали нести тройную повинность: и рекрутскую и денежную, и крѣпостную.

Рекрутъ, взятыхъ въ деревняхъ, приводили въ города скованными, какъ преступниковъ, изъ боязни, чтобы они не разбѣжались, и держали ихъ долгое время по тюрьмамъ. Потомъ размѣщали ихъ по казармамъ и начинали муштровать. Кромѣ обученія военному строю, солдатская муштровка состояла въ томъ, чтобы пріучить рекрута бояться начальства, внушить ему страхъ и повиновеніе; а для этого были введены въ военный уставъ самыя жестокія наказанія. Тогда именно и было введено въ русскихъ войскахъ наказаніе шпицрутенами, при которомъ виновнаго прогоняли сквозь строй.

Привязаннаго за руки къ двумъ ружьямъ солдата проводили черезъ построенный въ два ряда полкъ, причемъ каждый солдатъ ударялъ несчастнаго по обнаженной спинѣ гибкой тонкой палкой. По воинскому уставу Петра, за первую вину проводили сквозь строй шесть разъ, за вторую—двѣнадцать разъ, а за третью рубили уши и носъ и ссылали на каторгу. За всякое неповиновеніе генералу назначалась смертная казнь, а за неповиновеніе простому офицеру—палки.

* * *

Устроивъ по новому войско, Петръ сталъ думать о томъ, чтобы расширить свои владѣнія и пробиться къ морскому берегу.

Русское государство было отрѣзано тогда отъ моря. Берега Чернаго моря были заняты тогда крымскими татарами, подвластными турецкому султану, а берега Балтійскаго моря—шведами. Вслѣдствіе этого въ Россію не было прямого доступа многимъ иностраннымъ товарамъ, и русскіе товары также должны были провозиться черезъ чужія страны, гдѣ съ нихъ брали большія пошлины. Все это мѣшало торговлѣ русскихъ съ иностранцами или такъ называемой внѣшней торговлѣ; а внѣшняя торговля очень выгодна для правительства, такъ какъ со всѣхъ иностранныхъ товаровъ правительство сбираетъ въ свою пользу таможенную пошлину. Чѣмъ больше ввозится въ страну товаровъ, тѣмъ больше собирается въ казну пошлины, тѣмъ больше

притекаетъ въ казну денегъ. А Петру нужны были деньги, чтобы содержать большую армію. Вотъ почему онъ и сталъ пробивать себѣ дорогу къ морю и долго воевалъ съ турками и шведами, чтобы отвоевать морской берегъ.

Чтобы достигнуть этого, онъ не щадилъ человѣческихъ жизней. Каждый годъ, а иногда и по два раза въ годъ онъ объявлялъ рекрутскіе наборы, да кромѣ того, требовалъ многія тысячи людей на казенныя работы, на постройку гаваней и военныхъ кораблей. Большая часть взрослаго населенія должна была идти тогда на военную службу или на казенныя работы; тѣ же, которые оставались дома, должны были платить двойныя и тройныя подати. Чтобъ достать денегъ на войну. Петръ придумывалъ разные новые налоги. Такъ, онъ обложилъ особымъ налогомъ бани, мельницы, пчельники и даже бороды. Всѣмъ своимъ подданнымъ Петръ приказалъ брить бороды, а кто хотѣлъ остаться съ бородой, тотъ долженъ былъ платить за это особый налогъ: съ купцовъ брали по сто рублей въ годъ, съ ямщиковъ и извощиковъ по тридцати рублей, а съ крестьянъ брали всякій разъ у городскихъ заставъ по четыре копейки. Вмѣстѣ съ тѣмъ царь замѣнилъ прежнюю подворную подать подушной, чтобы собирать съ многосемейныхъ крестьянскихъ дворовъ больше денегъ. Съ этою цѣлью въ 1718 году была произведена первая въ Россіи ревизская перепись, а въ 1724 году были впервые введены паспорта. тоже для того, чтобы и этимъ путемъ увеличить казенный доходъ.

Тяжело приходилось тогда русскому рабочему народу. Дорого обошлись ему царскія войны. „Съ тѣхъ поръ, какъ Богъ этого царя на царство послалъ,—говорили тогда въ народѣ,—такъ и свѣтлыхъ дней мы не видимъ: все рубли, да полтины, да подводы. Нѣтъ отдыха крестьянству. Это міроѣдъ, а не царь; весь міръ переѣлъ!“

Наконецъ, послѣ полтавской побѣды, Петръ отвоевалъ у шведовъ балтійское побережье и сталъ строить въ устьяхъ Невы новый городъ, Петербургъ. Для этого онъ опять потребовалъ съ народа рабочихъ людей.

Въ 1708 году было вытребовано въ Петербургъ сорокъ тысячъ рабочихъ; въ декабрѣ 1709 года снова сорокъ тысячъ; въ 1710 году опять было потребовано въ Петербургъ

сорокъ тысячъ рабочихъ; въ началѣ 1712 года такое же число, а въ 1714 году еще тридцать четыре тысячи. Всего, значитъ, было взято на постройку Петербурга около двухсотъ тысячъ рабочихъ, причемъ мало кто изъ этихъ рабочихъ вернулся домой; почти всѣ они перемерли отъ повальныхъ болѣзней на петербургскихъ болотахъ. Недаромъ въ народѣ говорили потомъ, что новая царская столица была построена на человѣческихъ костяхъ.

Но Петръ не жалѣлъ людей такъ же, какъ онъ, впрочемъ, не жалѣлъ и самого себя. Онъ безъ устали ѣздилъ по всему государству, самъ всему учился, самъ за всѣмъ наблюдалъ. Чтобы научиться строить корабли, онъ поѣхалъ въ Голландію и поступилъ тамъ въ простые корабельные плотники; чтобы обучиться военному строю, онъ самъ прошелъ всю военную службу, начиная со службы простого солдата. Онъ не былъ похожъ на другихъ царей, сидящихъ взаперти въ своихъ дворцахъ. Онъ самъ много зналъ и видѣлъ, самъ много работалъ и много сдѣлалъ полезнаго для своего государства. Но бѣда была только въ томъ, что пользу-то государственную онъ понималъ такъ же, какъ понимали ее и прежніе московскіе цари, и что польза эта не сходилась съ пользой народной. На народъ онъ смотрѣлъ по старому, какъ на прирожденныхъ царскихъ рабовъ: не государство существовало для пользы народа, а народъ для пользы государства; государство же предназначалось для царя и дворянъ. О дворянахъ Петръ очень заботился. Онъ издалъ очень важный законъ, по которому всѣ помѣстныя земли были отданы въ вѣчную собственность дворянамъ. Прежде помѣстья считались принадлежащими государству; дворяне владѣли ими только до тѣхъ поръ. пока несли военную службу; теперь же помѣстья уже перешли въ ихъ полное и потомственное владѣніе. Теперь они могли продавать эти земли, передавать ихъ по наслѣдству и, словомъ, дѣлать съ ними, что угодно. Далѣе мы увидимъ, что, черезъ тридцать семь лѣтъ послѣ Петра, его преемники освободили дворянство отъ обязательной военной службы, хотя оставили за нимъ по прежнему владѣне землею и крестьянами. Такимъ образомъ, сначала дворяне получили землю и право пользоваться крестьянскимъ трудомъ за то, что несли обязательную воинскую службу; но

затѣмъ русскіе цари и эту воинскую службу переложили на тѣхъ же крестьянъ, а ту землю, которою дворяне владѣли до тѣхъ поръ, пока они находились на военной службѣ, цари не только не взяли у нихъ обратно и не передали народу, а напротивъ того, отдали дворянамъ же въ ихъ полную собственность.

Что касается крестьянъ, то Петръ ничего не сдѣлалъ, чтобы облегчить ихъ положеніе. Когда онъ началъ вводить новые порядки въ своемъ государствѣ, то ему даже и въ голову не пришло не только отмѣнить совсѣмъ крѣпостное право, но хотя-бы нѣсколько ограничить власть помѣщиковъ надъ крестьянами, хотя-бы, напримѣръ, опредѣлить, сколько рабочихъ дней въ недѣлю они могли требовать отъ своихъ крѣпостныхъ, какъ барщину. Насчетъ крѣпостныхъ крестьянъ Петромъ былъ изданъ только одинъ указъ, а именно: чтобы всѣ крѣпостные крестьяне, отпущенные раньше того на волю, были снова приписаны къ какому-нибудь помѣщику. Такимъ образомъ, положеніе крестьянъ нисколько не измѣнилось къ лучшему отъ всѣхъ преобразованій Петра. Его воеводы и губернаторы по прежнему грабили, мучили и разоряли простой народъ, а помѣщики по прежнему покупали, продавали и мѣняли своихъ крѣпостныхъ, какъ рабочую скотину. Не мудрено, поэтому, что въ простомъ народѣ накопилось сильное раздраженіе противъ Петра.

Отъ поборовъ и жестокихъ истязаній крестьяне бѣжали, по старому обычаю, на Донъ и въ вольныя украинскія степи. Многіе изъ нихъ уходили также въ лѣсъ и составляли тамъ разбойничьи шайки. Царю приходилось повсюду разсылать военныя команды, чтобы сражаться съ этими разбойничьими шайками. Недовольство въ простомъ народѣ было всеобщее. Въ 1705 году вспыхнулъ мятежъ въ Астрахани. Ночью толпа ворвалась въ Кремль и убили воеводу Ржевскаго. Убивъ воеводу, астраханскіе жители устроили у себя казацкое управленіе. За астраханцами взбунтовались города Красный и Черный Яры. Но самый опасный бунтъ произошелъ при Петрѣ на Дону. Тамъ появился атаманъ Кондратій Булавинъ. Онъ задумалъ поднять всю казацкую голытьбу и идти на Москву. „Вѣдаете сами, молодцы,— говорилъ Булавинъ, — какъ ваши дѣды и отцы положили.

Прежде сего старое поле крѣпко было и держалось, а нынѣ тѣ злые люди старое поле перевели, ни во что поставили. Такъ чтобы вамъ, братцы, старое поле не утерять".

А другой атаманъ, товарищъ Булавина, Никита Голый, разсылалъ во всѣ мѣста такія письма: „Идите, голытьба, идите со всѣхъ городовъ нагіе и босые; будутъ у васъ и кони, и оружіе, и денежное жалованье!"

Къ Булавину пристали многія казацкія станицы, расположенныя по Сѣверному Донцу, по Хопру и по Медвѣдицѣ. Даже въ Тамбовской губерніи поднялись крестьяне, перебили помѣщиковъ и ввели у себя казацкое устройство.

Царь выслалъ противъ Булавина и его казаковъ большое войско. Казаки были разбиты, а Бузавинъ, видя, что дѣло проиграно, самъ застрѣлилъ себя изъ пистолета.

Тогда началась жестокая расправа. Царь велѣлъ выжечь и истребить всѣ казацкія станицы, гдѣ произошло возстаніе, а людей рубить безъ разбора; наиболѣе же виновныхъ колесовать, четвертовать и сажать на колья. Нѣсколько сотъ висѣлицъ съ повѣшенными на нихъ казаками было поставлено на плотахъ и пущено внизъ по Дону.

Такъ расправлялся Петръ съ возставшимъ народомъ, и такъ всегда поступаютъ цари въ подобныхъ случаяхъ. Вмѣсто того, чтобы обратить вниманіе на самую причину зла, на тяжелое, невыносимое положеніе, которое необходимо доводитъ людей до отчаянія, цари ограничиваются тѣмъ, что приказываютъ бить, казнить и истреблять этихъ несчастныхъ людей, а порядки въ государствѣ оставляютъ по старому. Проходитъ нѣсколько лѣтъ, снова люди доходятъ до отчаянія отъ этихъ порядковъ и снова поднимаютъ возстаніе. Тогда цари снова принимаются за кровавую расправу,—и въ этомъ заключается вся ихъ царская мудрость.

Петръ ничѣмъ не отличался въ этомъ отношеніи отъ своихъ предшественниковъ и отъ своихъ преемниковъ. Онъ былъ только умнѣе ихъ и лучше понималъ свою пользу. Петра называютъ великимъ преобразователемъ; и онъ дѣйствительно многое измѣнилъ въ государствѣ, многое преобразовалъ, многое устроилъ по новому: завелъ большую армію съ военнымъ флотомъ; вмѣсто старой боярской думы учредилъ сенатъ; уничтожилъ санъ патріарха, и вмѣсто патріарха, учредилъ святѣйшій синодъ, потому что хо-

тѣлъ окончательно подчинить себѣ духовенство, а патріархи встарину считались, какъ бы наравнѣ съ царями. Онъ строилъ фабрики и заводы, отыскивалъ мѣдную и желѣзную руду, изобрѣталъ новые налоги и въ три раза увеличилъ свои государственные доходы. Но отъ всего этого рабочему народу стало лишь втрое тяжелѣе. Положеніе рабочаго народа ни въ чемъ не измѣнилось къ лучшему при Петрѣ. Онъ не сдѣлалъ никакихъ преобразованій, никакихъ перемѣнъ въ пользу рабочаго народа; онъ только требовалъ отъ него все новыхъ и новыхъ тяжелыхъ повинностей. Вотъ почему рабочій народъ ненавидѣлъ Петра, называлъ его мучителемъ и даже антихристомъ.

Было, впрочемъ, одно нововведеніе Петра, которое, хотя и помимо воли самого царя, но послужило потомъ на великую пользу рабочему народу: это нововведеніе заключалось въ той наукѣ, которая проникла при Петрѣ въ Россію.

Петръ и науку вводилъ для своихъ собственныхъ надобностей: ему нужны были ученые мастера и ученые военные офицеры. Для этого онъ посылалъ молодыхъ дворянъ учиться въ чужія страны, выписывалъ къ себѣ на службу ученыхъ людей изъ за-границы и заводилъ въ Россіи среднія и высшія школы.

Но наука не могла служить только однимъ царямъ. Она служитъ одинаково и царямъ, и ихъ подданнымъ; она, какъ солнце, свѣтитъ одинаково и для угнетателей, и для угнетенныхъ; она разгоняетъ народную темноту и помогаетъ народу видѣть и понимать, что происходитъ вокругъ него въ государствѣ; она помогаетъ ему увидѣть и понять все то, что правители всѣми силами стараются скрыть отъ его глазъ и что они могли бы скрывать отъ него еще дольше, еслибы сами не нуждались въ ея наукѣ, еслибы сами могли обойтись безъ ея помощи. Но мы уже видѣли, что безъ науки трудно было обойтись и московскому государству. Мы видѣли, что въ старой Россіи, отгороженной отъ всего міра заставами, запрещеніями въѣзда и выѣзда, господствовало полное невѣжество въ самомъ правительствѣ и полное неустройство въ его дѣлахъ. У него не было ни мастеровъ, ни пушекъ, ни ружей, не было ни торговли,

ни денегъ. Московская Русь далеко отстала во всемъ этомъ отъ сосѣднихъ государствъ, а между тѣмъ ей приходилось вести съ ними постоянныя войны и покупать всѣ военные припасы заграницей. Тогда сама крайняя нужда заставила, наконецъ, царское правительство снять запретъ съ границъ и позволить русскимъ ѣздить въ чужія страны; заставила ихъ впустить въ свое государство опасную гостью, науку. Начало этому было положено еще при отцѣ и старшемъ братѣ Петра, а потомъ и онъ собственными руками прорубилъ широкое окно въ Европу. Вотъ въ это-то окно и сталъ потомъ пробиваться свѣтъ въ темное русское царство. Сначала наука была доступна одному высшему сословію, а потомъ стала распространяться по всему народу. Съ тѣхъ поръ у царскаго правительства явилась новая забота: бороться съ наукой, стѣснять обученіе народа, запрещать книги, истреблять людей, распространяющихъ «вредныя» (для правительства) мысли, хотя бы въ нихъ была сама истина. Эта борьба правительства съ наукой продолжается и до сихъ поръ.

Царь Петръ былъ очень крѣпкаго сложенія, но все-таки не дожилъ до старости, потому что разстроилъ свое здоровье невоздержанною жизнью. Онъ съ молоду привыкъ пить вино и часто проводилъ цѣлыя ночи въ пьянствѣ и разгулѣ съ подобраной имъ шутовской компаніей. Главную роль въ этихъ царскихъ попойкахъ игралъ уже извѣстный намъ палачъ, князь Ромодановскій; онъ назывался „всешутѣйшимъ патріархомъ“; другіе наряжались въ шутовскія архіерейскія одежды и собирались на «всепьянѣйшій соборъ». Часто въ такомъ видѣ веселая компанія, съ царемъ во главѣ, разъѣзжала по домамъ богатыхъ вельможъ и производила тамъ всякія безобразія. Отъ постояннаго пьянства и разгула Петръ нажилъ себѣ разныя болѣзни и умеръ пятидесяти трехъ лѣтъ, 28 января 1725 года, не успѣвъ сдѣлать никакихъ распоряженій о передачѣ престола. А между тѣмъ дѣло это оказалось очень запутаннымъ.

Мать Петра, царица Наталья Нарышкина, еще въ молодости женила его на Евдокіи Лопухиной. Но эта жена скоро надоѣла Петру, особенно, когда онъ влюбился въ красивую дѣвушку изъ нѣмецкой слободы, Анну Монсъ. Чтобы отдѣлаться отъ жены, онъ сталъ уговаривать ца-

рицу Евдокію пойти въ монастырь, но та ни за что не соглашалась на это. Тогда царь приказалъ отвезти ее въ Суздальскій монастырь и тамъ постричь силой въ монахини, а самъ сталъ жить съ Анной Монсъ. Анна Монсъ, впрочемъ, скоро измѣнила царю, за что и просидѣла три года въ тюрьмѣ. Послѣ этого Петръ сошелся съ другою женщиною, Мариною Скавронской, бывшей раньше служанкою у нѣмецкаго пастора Глюка.

Эта Марина Скавронская была взята въ плѣнъ во время войны въ Ливоніи и попала къ полковнику Балку, у котораго стирала бѣлье на солдатъ. У Балка ее увидѣлъ Меньшиковъ и взялъ къ себѣ, а у Меньшикова ее увидѣлъ царь. Она такъ ему полюбилась, что онъ сталъ съ тѣхъ поръ неразлучно жить съ ней и прижилъ отъ нея двухъ дочерей: Анну и Елизавету. Потомъ уже—послѣ рожденія дочерей—Петръ обвѣнчался съ этой Мариною Скавронской, причемъ она приняла православную вѣру и стала называться Екатериною Алексѣевной. Наконецъ, незадолго до своей смерти, Петръ короновалъ свою вторую жену царской короной.

Отъ первой жены, Евдокіи, у Петра былъ сынъ, царевичъ Алексѣй. Царевичъ этотъ боялся и не любилъ отца; отъ сносился тайно со своей матерью и былъ окруженъ ея сторонниками. Петръ также не любилъ своего сына, особенно за то, что тотъ былъ привязанъ къ старинѣ, не одобрялъ новыхъ порядковъ, заведенныхъ отцомъ, и только ждалъ его смерти, чтобы все повернуть на старый ладъ. Петръ рѣшилъ наконецъ отстранить сына отъ престола и даже грозилъ, что „поступитъ съ нимъ, какъ съ злодѣемъ". Тогда испуганный царевичъ убѣжалъ заграницу къ своему тестю, австрійскому императору. Петръ выманилъ его оттуда хитростью, обѣщая ему прощеніе, а когда царевичъ пріѣхалъ обратно, то царь велѣлъ подвергнуть его пыткѣ и замучилъ его въ застѣнкахъ Петропавловской крѣпости.

У замученнаго и убитаго такимъ образомъ царевича остался малолѣтній сынъ; но Петру видимо не хотѣлось, чтобы престолъ перешелъ къ потомству его старшаго сына: потому, вѣроятно, онъ и короновалъ еще при жизни своей свою вторую жену Екатерину царской короной; можно думать, что онъ именно ей и хотѣлъ передать престолъ, но

передъ смертью у него отнялся языкъ и онъ умеръ, не успѣвъ сдѣлать никакихъ распоряженій.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Правленіе временщиковъ.

Вотъ отчего, по смерти Петра, и произошла путаница въ передачѣ престола. Мы увидимъ потомъ, что эта путаница въ передачѣ престола продолжалась въ Россіи долгое время. Въ теченіе тридцати восьми лѣтъ царскій престолъ переходилъ въ Россіи изъ рукъ въ руки безъ всякаго установленнаго порядка, по волѣ придворныхъ заправилъ и отчасти при помощи пьяныхъ гвардейскихъ солдатъ. Это было время, когда Россіей правили преимущественно женщины и ихъ любовники.

Петръ Великій еще лежалъ на смертномъ одрѣ, а въ другой дворцовой залѣ уже собрались сенаторы и спорили о томъ, кому долженъ перейти царскій престолъ. Среди сенаторовъ было двѣ партіи. Одна партія состояла изъ старыхъ, родовитыхъ бояръ: князей Голицыныхъ, Долгорукихъ, Репниныхъ. Они хотѣли возвести на престолъ внука Петра, малолѣтняго сына царевича Алексѣя. Другая партія состояла изъ новыхъ людей, выслужившихся при Петрѣ: Меньшикова, Остермана и Толстого. Эти послѣдніе помогали Петру въ умерщвленіи царевича Алексѣя и, понятно, боялись теперь восшествія на престолъ его сына. И вотъ, во время совѣщаній о царскомъ престолѣ подъ окнами дворца вдругъ раздался барабанный бой и послышались крики гвардейскихъ солдатъ, чтобы всѣ присягали государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ. Это было устроено командирами гвардейскихъ полковъ, Меньшиковымъ и Бутурлинымъ. Услышавъ солдатскіе крики, сенаторы испугались, и споръ между ними прекратился. Они объявили императрицей Екатерину Алексѣевну. И вотъ эта простая необразованная женщина, бывшая служанка пастора Глюка, Марина Скавронская, попала на русскій престолъ.

Но она, конечно, была царицею только по имени. Всѣмъ распоряжались люди, возведшіе ее на престолъ: Меньшиковъ, Толстой и Остерманъ. Чтобы не возбудить недоволь-

ства въ другихъ вельможахъ, они присоединили къ себѣ трехъ самыхъ главныхъ изъ стародворянской партіи: Апраксина, Головина и Голицына, и составили верховный тайный совѣтъ. Меньшиковъ же, чтобы еще болѣе упрочить свое положеніе, задумалъ тогда выдать свою семнадцатилѣтнюю дочь за малолѣтняго сына царевича Алексѣя, внука Петра, котораго звали также Петромъ. Екатерина согласилась на это и уже было совершено обрученіе.

Но вскорѣ послѣ того Екатерина Первая умерла, въ 1727 году, процарствовавъ только два года. Послѣ ея смерти, опять возникъ вопросъ: кому быть русскимъ императоромъ? Враги Меньшикова хотѣли возвести на престолъ одну изъ взрослыхъ дочерей Петра Перваго, Анну или Елисавету; но большинство рѣшило объявить царемъ сына царевича Алексѣя, Петра Второго, съ тѣмъ, чтобы до шестнадцатилѣтняго возраста онъ находился подъ опекой ихъ верховнаго совѣта. Чтобы подкрѣпить это рѣшеніе, члены верховнаго совѣта или верховники, какъ стали ихъ называть, прочли въ сенатѣ подложное завѣщаніе, будто бы подписанное умершей императрицей.

Итакъ, послѣ Екатерины Первой, на престолъ вступилъ одиннадцатилѣтній мальчикъ, Петръ Второй. Всемогущимъ человѣкомъ сдѣлался тогда нарѣченный тесть его, князь Меньшиковъ. Этотъ князь Меньшиковъ еще при Петрѣ Великомъ пользовался большою властью и награбилъ огромныя богатства. Когда онъ попалъ потомъ въ ссылку, то у него было отобрано девяносто тысячъ душъ крестьянъ, тринадцать милліоновъ рублей деньгами и болѣе двухсотъ пудовъ одной золотой и серебряной посуды.

Меньшиковъ недолго однако оставался всемогущимъ опекуномъ малолѣтняго императора. Къ этому малолѣтнему императору сумѣли приблизиться князья Долгорукіе, особенно младшій изъ нихъ, князь Иванъ. Петръ второй былъ мальчикъ лѣнивый и своенравный; Меньшиковъ заставлялъ его учиться, а онъ не любилъ этого. Долгорукіе же старались всячески угождать ему, старались внушить ему мысль, что онъ царь и что ему нечего бояться Меньшикова. И вотъ, едва достигнувъ двѣнадцати лѣтъ, этотъ распущенный и ничему не учившійся мальчишка уже кричалъ: „Я покажу, кто изъ насъ императоръ, я или Мень-

шиковъ!"—Вскорѣ послѣ того Меньшикова лишили всѣхъ должностей и отправили въ ссылку въ Сибирь, въ отдаленный городъ Березовъ.

Тогда всѣмъ стали заправлять князья Долгорукіе. Петръ Второй сильно привязался къ Ивану Долгорукому. Они вмѣстѣ ѣздили на охоту и вмѣстѣ проводили все время въ кутежахъ. Молодой царь совсѣмъ бросилъ ученье; кто хотѣлъ угодить ему, тотъ долженъ былъ говорить объ охотѣ, о собакахъ и тому подобномъ. Иванъ же Долгорукій велъ самую распутную жизнь и позволялъ себѣ всякое своеволіе. Одинъ современникъ, князь Щербатовъ, пишетъ, что часто онъ затаскивалъ въ свой домъ замужнихъ женщинъ и дѣвушекъ и насиловалъ ихъ. „Другіе его пріятели сему примѣру подражали, и можно сказать, что честь женская не болѣе была въ безопасности тогда въ Россіи, какъ отъ Турковъ во взятомъ градѣ".

О томъ, какъ шло тогда управленіе государствомъ, иностранные посланники писали слѣдующее: „Все въ Россіи въ страшномъ разстройствѣ; царь не занимается дѣлами и не думаетъ заниматься. Денегъ никому не платятъ, и, Богъ знаетъ, до чего дойдутъ финансы; каждый воруетъ сколько можетъ. Члены верховнаго совѣта не собираются; другія учрежденія также остановили свои дѣла; жалобъ пропасть; каждый дѣлаетъ, что ему придетъ на умъ".

Но скоро молодой царь простудился на охотѣ, заболѣлъ оспой и умеръ четырнадцати съ небольшимъ лѣтъ отъ роду, въ 1730 году.

Тогда снова собрались во дворецъ члены верховнаго совѣта, а также многіе изъ сенаторовъ и генераловъ. Опять стали разсуждать, кому долженъ перейти царскій престолъ.

Мы уже видѣли, что у Петра Великаго остались двѣ дочери, Анна и Елизавета; но обѣ онѣ были незаконнорожденныя; онѣ родились у Петра до его вѣнчанія съ Екатериной. Вотъ почему члены верховнаго совѣта не хотѣли признать ихъ наслѣдницами престола и рѣшили сдѣлать императрицей племянницу Петра Великаго, дочь его слабоумнаго старшаго брата Ивана, который былъ посаженъ на царство вмѣстѣ съ нимъ послѣ смерти Ѳедора Алексѣевича. *)

(* Смотри первую часть.

Ее звали Анной Ивановной; она была отдана замужъ за герцога Курляндскаго, рано овдовѣла и жила въ Митавѣ, нисколько не помышляя о царствѣ.

Выбирая ее, члены верховнаго совѣта надѣялись, что при ней они будутъ пользоваться полною властью. Они даже заставили ее дать подпись въ томъ, что она ничего не будетъ предпринимать безъ ихъ согласія, не будетъ раздавать земель, не будетъ, помимо законнаго суда, лишать дворянъ жизни и имущества. Словомъ, они хотѣли воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобы ограничить царскую власть, и составили для этого особую грамоту. «А буде чего по сему обѣщанію не исполню, то лишена буду короны россійской»,—такъ говорилось въ этой грамотѣ.

Анна Ивановна дала свою подпись и пріѣхала въ Москву Но близкіе пріятели нарѣченной царицы сами захотѣли, конечно, быть первыми людьми при ней; имъ не нравилось, чтобы власть ихъ покровительницы была ограничена, и они стали настраивать противъ верховниковъ гвардейскихъ офицеровъ и солдатъ, говоря имъ, что знатные бояре хотятъ завладѣть царской властью. И вотъ, когда всѣ собрались во дворцѣ для провозглашенія Анны Ивановны императрицей, въ тронную залу снова ворвались пьяные гвардейцы съ оружіемъ въ рукахъ и стали кричать: „Не хотимъ, чтобы государынѣ предписывались законы! Она должна быть такою же самодержицей, какъ и прежніе цари! Прикажи только, государыня, и мы расправимся съ твоими злодѣями“. Тогда обрадованная Анна Ивановна на глазахъ у всѣхъ разодрала подписанную ею грамоту и объявила себя самодержицей.

Но новая самодержица такъ же, какъ и Екатерина Первая, была совсѣмъ необразованной, малограмотной женщиной и не могла сама управлять государствомъ. Какова была эта императрица по своему образованію, видно изъ того, что она любила шутовъ и говорливыхъ женщинъ. Во время ея царствованія такихъ говорливыхъ женщинъ искали по всему государству. Царица сама писала московскому губернатору: «у вдовы Авдотьи Ивановны живетъ княжна Вяземская, дѣвка, и ты сыщи ее и отправь сюда; а я ее беру для своей забавы, потому, какъ сказываютъ, что она много говоритъ». Въ другой разъ она писала воеводѣ въ Переяславль: „Поищи въ Переяславлѣ изъ бѣд-

ныхъ дворянскихъ дѣвокъ или изъ посадскихъ, которыя походили бы на Татьяну Новокщенову; ты знаешь нашъ нравъ, что мы такихъ жалуемъ, которыя бы были говорливы".

Кромѣ того, царица любила роскошь и пышныя празднества. При ней во дворцѣ праздникъ слѣдовалъ за праздникомъ. „Вы не можете себѣ вообразить роскошь здѣшняго двора",—писалъ тогда испанскій посланникъ: „Я былъ при многихъ дворахъ, но могу увѣрить, что здѣшній дворъ своей роскошью и великолѣпіемъ превосходитъ даже французскій". Между тѣмъ Россія была тогда очень бѣднымъ государствомъ, и всѣ ея доходы собирались съ однихъ крестьянъ. Крестьянъ всячески истязали тогда за недоимки, а собранныя деньги шли на дворцовыя потѣхи.

Первымъ человѣкомъ въ государствѣ при Аннѣ Ивановнѣ былъ ея любовникъ, бывшій конюхъ Биронъ, котораго она привезла съ собой изъ Курляндіи. Это былъ грубый и жестокій человѣкъ, знавшій толкъ только въ лошадяхъ. Императрица, питавшая къ нему женскую слабость, вполнѣ подчинялась его волѣ. Онъ дѣлалъ все, что хотѣлъ, а русскіе вельможи должны были гнуть передъ нимъ спину: иначе имъ грозила опала и казнь. „Всѣмъ нынѣ овладѣли иноземцы"—жаловались тогда русскіе люди:—«Биронъ взялъ силу, и государыня ничего безъ него не дѣлаетъ. Нѣмцы почитаютъ насъ хуже собакъ. Пропащее наше государство».

Но за такія рѣчи русскихъ людей хватали и подвергали жестокимъ пыткамъ. Тайная канцелярія, въ которой шелъ розыскъ по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ, работала тогда съ небывалымъ усердіемъ. Ни одно дерзкое слово противъ любовника императрицы не оставалось безъ жестокаго наказанія. Кто изъ русскихъ вельможъ не хотѣлъ тогда унижаться передъ Бирономъ и старался поддержать свое достоинство, тотъ попадалъ въ ссылку или лишался головы. Всѣ главныя должности были заняты нѣмцами: канцлеромъ былъ Остерманъ, фельдмаршаломъ—Минихъ, придворнымъ министромъ—Левенвольдъ.

Такимъ порядкомъ Анна Ивановна процарствовала цѣлыхъ десять лѣтъ. Умирая, она назначила наслѣдникомъ престола внука своей младшей сестры, малолѣтняго Ивана, только что родившагося передъ тѣмъ у нѣмецкаго принца

Антона Брауншвейгскаго. Правителемъ же при этомъ новорожденномъ императорѣ былъ опять назначенъ Бирономъ.

Когда было объявлено о вступленіи на престолъ этого новорожденнаго младенца Ивана Антоновича и о назначеніи правителемъ государства Бирона, то даже русскіе вельможи едва могли сдерживать свое недовольство, хотя уже давно привыкли къ холопству и раболѣпію передъ царями. Биронъ былъ чужеземецъ и человѣкъ безъ всякихъ заслугъ, и вотъ этотъ человѣкъ теперь получилъ почти царскую власть, и только потому, что состоялъ въ любовникахъ при старой императрицѣ. Такого позора еще не бывало до тѣхъ поръ даже на Руси.

Но у Бирона скоро нашелся соперникъ среди самихъ же нѣмцевъ, а именно фельдмаршалъ Минихъ. Онъ захотѣлъ самъ занять первое мѣсто и рѣшился свергнуть Бирона и объявить правительницей мать малолѣтняго императора, принцессу Анну Леопольдовну. Минихъ былъ человѣкъ смѣлый. 8 ноября, въ два часа ночи, онъ явился во дворецъ съ двадцатью гвардейскими солдатами, стащилъ съ постели спавшаго Бирона и отправилъ его сначала въ Шлиссельбургскую крѣпость, а потомъ въ городъ Пелымь Тобольской губерніи. Правительницей была объявлена тогда Анна Леопольдовна, а Минихъ былъ сдѣланъ генералиссимусомъ.

Но и это новое устройство продержалось недолго; за однимъ дворцовымъ переворотомъ сталъ подготовляться другой. Видя, какъ легко въ Россіи царская власть переходитъ изъ рукъ въ руки, захотѣла сдѣлаться императрицей младшая дочь Петра, незаконнорожденная Елисавета. У нея нашлись друзья при дворѣ, и — что еще важнѣе — она сумѣла расположить гвардейскихъ солдатъ: крестила у нихъ дѣтей, раздавала имъ деньги, устраивала имъ угощенія въ казармахъ. И вотъ скоро у нея составилась своя партія. Тогда она рѣшилась приступить къ дѣйствію.

Въ ночь, съ 24-го на 25-е ноября 1741 года, она послала своихъ близкихъ людей за гренадерами и спросила ихъ, можетъ-ли она на нихъ положиться. Тѣ съ радостью принесли ей присягу. Тогда Елисавета надѣла поверхъ женскаго платья военный мундиръ и поѣхала въ казармы, а оттуда со всею толпою солдатъ двинулась прямо во дво-

рецъ. Тамъ она приказала арестовать правительницу Анну Леопольдовну, а свергнутаго ею съ престола малолѣтняго императора взяла на руки, поцѣловала и сказала; „Бѣдное дитя!“

Въ ту же ночь были арестованы всѣ главные заправилы прежняго правительства: Минихъ, Остерманъ и другіе; а на слѣдующее утро былъ объявленъ манифестъ о восшествіи на русскій престолъ новой царицы Елисаветы,— „божіей милостью“ конечно. Прежній же царь, свергнутый съ престола, былъ отправленъ вмѣстѣ съ отцемъ и матерью въ Холмогоры; но потомъ Елисавета велѣла взять его у родителей и заточить его на вѣки въ Шлиссельбургскую крѣпость.

Такимъ порядкомъ вступила на русскій престолъ Елисавета Петровна.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Царствованія Елисаветы и Петра Третьяго. Восшествіе на престолъ Екатерины Второй.

Елисавета Петровна процарствовала цѣлыхъ двадцать лѣтъ, съ 1741 по 1761 годъ, но и эта русская императрица мало занималась сама государственными дѣлами. Она передала все управленіе въ руки своихъ приближенныхъ, причемъ, какъ женщина неглупая, дорожила опытными и умными людьми. Наибольшимъ значеніемъ пользовался при ней канцлеръ Бестужевъ-Рюминъ, старый и осторожный человѣкъ; это былъ полезный для государства канцлеръ: онъ хорошо охранялъ русскіе интересы и велъ удачную борьбу съ хитрымъ прусскимъ королемъ Фридрихомъ Великимъ. Но ему нелегко было ладить съ самой императрицей Елисаветой Петровной. Иногда онъ по цѣлымъ недѣлямъ не могъ добиться, чтобы она подписала спѣшную бумагу. Ей было не до того. Съ самаго ея воцаренія при дворѣ начались праздники, балы, маскарады. Царица была еще молода и умѣла веселиться. Никто не танцовалъ лучше нея и никто не одѣвался нарядѣе и красивѣе ея. Послѣ нея, въ ея сундукахъ осталось до четырехъ тысячъ шитыхъ золотомъ платьевъ. Кромѣ веселья и тан-

цевъ, царица была еще очень богомольна: съ вечерни она ѣхала на балъ, а съ бала прямо къ заутрени. Такимъ порядкомъ ночи у нея проходили безъ сна; вставала она очень поздно, а, вставши, должна была снова готовиться къ вечернему празднику. Дѣлами заниматься было некогда; да на это, впрочемъ, у царицы не было и умѣнья. Человѣкъ она была мало ученый и не знала даже, гдѣ находится какое государство; такъ, напримѣръ, она до конца своей жизни думала, что въ Англію можно проѣхать изъ Россіи сухимъ путемъ.

Легко понять, что при правленіи этой веселой и легкомысленной женщины во всемъ государствѣ былъ страшный безпорядокъ. Губернаторы и воеводы безнаказанно грабили области. Помѣщики мучили крестьянъ. Крестьяне, доведенные до отчаянія, поднимали бунты или же убѣгали въ дремучіе лѣса и становились разбойниками. Разбойниковъ тогда было такое множество въ Россіи, что иногда они нападали на города шайками человѣкъ въ полтораста. Другіе недовольные крестьяне покидали родину и уходили въ Польшу. Во время войны съ Пруссіей многіе изъ русскихъ солдатъ не захотѣли вернуться домой, а остались въ Саксоніи или Австріи. Очень ужъ жутко приходилось русскому народу въ своемъ собственномъ государствѣ.

Елисавета, съ самаго вступленія на престолъ, стала думать о наслѣдникѣ. Желая закрѣпить русскій престолъ за своимъ родомъ, она выписала изъ Голштиніи своего племянника, голштинскаго принца Карла-Ульриха, сына своей умершей старшей сестры Анны.

Этотъ выписанный изъ заграницы наслѣдникъ престола не зналъ ни слова по-русски; но еще хуже. было то, что онъ до мозга костей былъ пропитанъ тогдашнимъ нѣмецкимъ духомъ и ненавидѣлъ Россію. Къ довершенію же всего, онъ съ малолѣтства отличался слабоумiемъ и крайнимъ сумасбродствомъ. Можно прямо сказать, что это былъ какой-то полоумный голштинскій выродокъ. Будучи уже совершеннолѣтнимъ, женатымъ и наслѣдникомъ престола, онъ любилъ забавляться игрою въ деревянные солдатики, ночи-же проводилъ въ попойкахъ со своими лакеями. Любимое его занятіе состояло въ томъ, что онъ разставлялъ на длинныхъ столахъ множество игрушечныхъ солдати-

ковъ, сдѣланныхъ изъ дерева, свинца или тѣста, а потомъ стрѣлялъ въ нихъ горохомъ изъ деревянныхъ пушекъ. Въ этомъ занятіи онъ проводилъ цѣлые дни. Вотъ что разсказываетъ о немъ, въ своихъ запискахъ, его собственная жена, будущая русская императрица Екатерина Вторая.

„Въ 1753 году, когда великому князю было уже двадцать шесть лѣтъ, я вошла какъ то въ его комнату и увидала необычайное зрѣлище: посрединѣ комнаты была повѣшена крыса. Я спросила, что это значитъ? Великій князь отвѣтилъ, что эта крыса совершила уголовное преступленіе, заслуживающее по военнымъ законамъ жестокую казнь; крыса взобралась на картонную крѣпость, стоявшую на столѣ, перелѣзла черезъ крѣпостной валъ и сгрызла двухъ часовыхъ, сдѣланныхъ изъ крахмала. Великій клязь велѣлъ судить преступницу военно-полевымъ судомъ. Крысу немедленно повѣсили, и она должна была висѣть трое сутокъ на глазахъ у всѣхъ, для внушенія примѣра".

Вотъ этотъ-то шутъ гороховый и оказался теперь наслѣдникомъ русскаго престола, а по смерти Елизаветы Петровны былъ объявленъ русскимъ императоромъ подъ именемъ Петра Третьяго.

Тотчасъ же по вступленіи на престолъ, въ декабрѣ 1761 года, этотъ новый императоръ приступилъ къ выполненію своей любимой мысли: окружить себя нѣмцами и ввести въ ненавистной ему Россіи нѣмецкіе порядки. На русскихъ онъ смотрѣлъ, какъ на прирожденныхъ царскихъ холоповъ, съ которыми можно было дѣлать что угодно, а потому не стѣснялся ни въ чемъ. Онъ немедленно же прекратилъ войну съ прусскимъ королемъ и отдалъ ему назадъ всѣ завоеванные у Пруссіи русскими войсками города и области. По случаю заключенія этого невыгоднаго и обиднаго для Россіи мира во дворцѣ было устроено торжественное празднество, причемъ Петръ Третій сталъ при всѣхъ на колѣни передъ статуей прусскаго короля Фридриха Второго и заявилъ, что, какъ Голштинскій принцъ, онъ считаетъ себя его вѣрнымъ слугою. Онъ надѣлъ на себя прусскій мундиръ, одѣлъ въ прусскіе мундиры всю гвардію и назначилъ фельдмаршаломъ русскихъ войскъ своего дядю, голштинскаго Принца Георга. Затѣмъ онъ объ-

явилъ походъ всей русской арміи въ Данію, чтобы отвоевывать у Даніи спорныя голштинскія земли.

И вотъ русскія войска стали готовиться къ походу въ Данію для войны не за русскіе, а за голштинскіе интересы. И трудно сказать, чѣмъ бы кончились всѣ эти голштинскія сумазбродства и какихъ бы еще возмутительныхъ нелѣпостей не совершилъ этотъ русскій императоръ, ненавидѣвшій и презиравшій Россію. Передъ нимъ открывался полный просторъ; никто не могъ ему ни въ чемъ помѣшать, такъ какъ по русскимъ понятіямъ на самодержавнаго царя нѣтъ ни какой управы. Какая-бы нелѣпость и жестокость ни взбрела царю въ голову, русскій народъ обязанъ во всемъ повиноваться ему безпрекословно, ибо онъ-де „божій мазанникъ".

Но, къ счастью или къ несчастью для Россіи, царствованіе Петра Третьяго было неожиданно прекращено его собственной женой.

Женою Петра Третьяго была также нѣмка, принцесса Ангальтская, Софія-Августа-Фридерика. Елисавета Петровна выписала ее изъ заграницы и перекрестила въ Екатерину. Петръ третій возненавидѣлъ свою жену еще когда былъ наслѣдникомъ; а сдѣлавшись императоромъ, переѣхалъ отъ нея въ другой дворецъ съ своей любовницей, Елисаветой Воронцовой, причемъ заявлялъ во всеуслышаніе на своихъ вечернихъ попойкахъ, что онъ запретъ жену въ монастырь. Разъ даже на дворцовомъ обѣдѣ, въ присутствіи четырехсотъ гостей, въ числѣ которыхъ были иностранные послы, онъ закричалъ императрицѣ, сидѣвшей на другомъ концѣ стола, что она „дура".

Но Екатерина далеко не была дурой. Это была очень умная и хитрая женщина. Видя, что ей грозитъ явная опасность, она стала думать о сверженіи Петра Третьяго съ престола и стала искать себѣ сообщниковъ. Сообщники скоро нашлись у нея, какъ среди придворныхъ вельможъ, такъ и среди гвардейскихъ офицеровъ. Петръ Третій вызвалъ большое неудовольствіе въ гвардіи тѣмъ, что приказалъ ей готовиться къ походу въ Данію.

Всего больше помогли Екатеринѣ два брата Орловыхъ, Григорій и Алексѣй, оба гвардейскіе офицеры; особенно хлопоталъ Григорій Орловъ, высокій, статный силачъ, съ

которымъ Екатерина слюбилась, будучи еще великой княгиней*). Братья Орловы пользовались общей любовью среди офицеровъ. Это были смѣлые и отчаянные люди, извѣстные всему Петербургу своими кутежами и любовными похожденіями. Они начали старательно пріискивать сторонниковъ Екатерины, расхваливали ее солдатамъ, угощали ихъ отъ имени императрицы водкой послѣ ученій и раздавали имъ деньги. Екатерина очень нуждалась тогда въ деньгахъ и обратилась съ просьбою о ссудѣ къ французскому посланнику, но тотъ отказалъ; тогда она обратилась къ англійскому купцу Фельтену и заняла у него семьсотъ тысячъ рублей на наши деньги.

Заговорщики рѣшились воспользоваться послѣдними днями передъ выступленіемъ гвардіи въ походъ. Петръ жилъ тогда въ Ораніенбаумѣ, въ 37 верстахъ отъ Петербурга, а Екатерина жила въ Петергофѣ, находившемся на полпути изъ Петербургъ въ Ораніенбаумъ. Въ Петербургѣ уже стали ходить слухи о готовящемся переворотѣ. Двадцать шестого іюня какой-то капралъ преображенскаго полка спросилъ у поручика Измайлова, скоро-ли свергнутъ императора. Измайловъ удивился этому вопросу и донесъ о словахъ капрала полковому командиру. Когда стали допрашивать капрала, то оказалось, что онъ обращался съ такимъ же вопросомъ къ капитану Пассеку, но тотъ смолчалъ объ этомъ. Императоръ велѣлъ арестовать капитана Пассека, а тотъ былъ въ числѣ заговорщиковъ. Тогда Орловы увидѣли, что надо спѣшить, тѣмъ болѣе, что во всѣхъ гвардейскихъ полкахъ было страшное недовольство Петромъ.

Въ ту же ночь Алексѣй Орловъ и Василій Бибиковъ, оба гвардейскіе офицеры, выѣхали въ Петергофъ. Былъ шестой часъ утра, когда они пріѣхали во дворецъ Екате-

*) Она уже имѣла отъ него тогда сына, родившагося вскорѣ послѣ восшествія на престолъ Петра Третьяго. Екатерина должна была скрыть эти роды отъ мужа. Много лѣтъ спустя, въ 1781 году, будучи уже самодержавной царицей, она писала этому побочному сыну: „Ваша мать, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, спасая себя и старшаго своего сына, принуждена была скрыть ваше рожденіе, воспослѣдовавшее одиннадцатаго числа апрѣля 1762 года“. Отъ этого побочнаго сына Екатерины Второй произошла семья графовъ Бобринскихъ.

рины. Алексѣй Орловъ велѣлъ разбудить императрицу, вошелъ къ ней въ спальню и сказалъ спокойнымъ голосомъ: „Пора вставать; все готово“.—Екатерина спросила: „Что случилось?“—„Арестованъ Пассекъ.“—Тогда Екатерина не колебалась болѣе, наскоро одѣлась и сѣла въ карету. Орловъ помѣстился на козлахъ, и карета помчалась въ Петербургъ.

За шесть верстъ до города навстрѣчу имъ выѣхалъ Григорій Орловъ со свѣжими лошадьми. Екатерина пересѣла въ его коляску, и тогда всѣ поѣхали прямо въ казармы измайловскаго полка. Здѣсь Екатерину окружили солдаты, цѣловали ей руки и кричали „ура!“ Потомъ всею толпою двинулись къ слободамъ семеновскаго полка, а оттуда къ зимнему дворцу. Въ преображенскомъ полку вышло было замѣшательство: нѣкоторые изъ офицеровъ хотѣли удержать солдатъ въ повиновеніи императору, но другая сторона одолѣла, и преображенцы также побѣжали за Екатериной.

Около десяти часовъ утра Екатерина была уже въ Зимнемъ дворцѣ. Измайловскій и семеновскій полки окружили дворецъ и заняли всѣ караулы. Петербургскій архіепископъ Веньяминъ былъ уже тутъ, обходилъ съ крестомъ войска и приводилъ ихъ къ новой присягѣ. Въ Зимнемъ дворцѣ собрались члены синода, сенаторы, генералы, придворные, еще недавно присягавшіе на вѣрность Петру Третьему, а теперь цѣловавшіе крестъ на вѣрность Екатеринѣ. Народу раздавали отпечатанный ночью манифестъ, который начинался такъ: „Мы, божіею милостью, Екатерина вторая, императрица и самодержица всероссійская, и прочая, и прочая и прочая“.

Во всѣ армейскіе полки были разосланы гонцы съ этимъ манифестомъ и съ присяжными листами. Вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ выѣзды изъ Петербурга были заняты конными отрядами съ приказаніемъ никого не выпускать изъ города и задерживать всѣхъ прибывающихъ изъ Ораніенбаума или Петергофа. Хотѣли, чтобы Петръ какъ можно позже узналъ о случившемся.

А Петръ Третій долженъ былъ въ этотъ день пріѣхать къ своей женѣ праздновать канунъ Петрова дня. Ничего не подозрѣвая, онъ отправился со всей своей компаніей

въ Петергофъ и пріѣхалъ туда въ исходѣ второго часа. Дворецъ оказался пустымъ. Царю донесли, что Екатерина еще утромъ „потаенно“ уѣхала въ Петербургъ. Петръ оторопѣлъ и почуялъ бѣду. Болѣе опытные изъ его приближенныхъ, Трубецкой, Шуваловъ и Воронцовъ, вызвались ѣхать въ Петербургъ, узнать въ чемъ дѣло. Петръ отпустилъ ихъ; они уѣхали и уже не вернулись къ нему, поспѣшивъ принести присягу Екатеринѣ. Вскорѣ затѣмъ какой-то офицеръ привезъ изъ Петербурга припасы для предполагавшагося царскаго праздника и разсказалъ, что при выѣздѣ изъ города слышалъ большой шумъ и видѣлъ, какъ многіе солдаты бѣгали съ обнаженными тесаками и провозглашали Екатерину государыней. Тогда всѣ сомнѣнія исчезли, и Петръ Третій понялъ, въ чемъ было дѣло.

Приближенные царя посовѣтовали ему отплыть поскорѣе въ Кронштадтъ и утвердиться въ этой крѣпости. Но Екатерина уже успѣла раньше послать туда своихъ людей съ нужными приказаніями. Когда ночью императорская лодка подплыла ко входу въ кронштадтскую гавань, караульные закричали, что никого не вѣлено пускать, а если лодка не удалится, въ нее будутъ стрѣлять. Пропала и эта надежда. Измученный и напуганный императоръ вернулся въ свой Ораніенбаумъ.

Между тѣмъ Екатерина не теряла времени. Въ тотъ же день къ вечеру былъ объявленъ походъ въ Петергофъ. Она сама, въ гвардейскомъ мундирѣ, съ саблею въ рукѣ, на бѣломъ конѣ, ѣхала посреди войска. Впереди шли легкіе конные полки съ Алексѣемъ Орловымъ во главѣ. Ночевали въ деревнѣ „Красный Кабачекъ“, а утромъ прибыли въ Петергофъ.

Здѣсь Екатерина получила письмо отъ Петра Третьяго, въ которомъ онъ говорилъ, что хочетъ отречься отъ престола и просилъ отпустить его въ Голштинію. Но отпустить его въ Голштинію Екатерина не хотѣла; ей надо было захватить его въ свои руки; для него уже готовилось помѣщеніе въ Шлиссельбургской крѣпости.

Прочитавъ письмо, Екатерина отправила въ Ораніенбаумъ Григорія Орлова, Измайлова и Голицына, съ тѣмъ, чтобы они взяли съ Петра письменное отреченіе и арестовали его. Порученіе было исполнено и въ пятомъ часу

дня большая четырехмѣстная карета съ опущенными занавѣсками, окруженная сильнымъ конвоемъ, выѣхала изъ Ораніенбаума и отвезла бывшаго императора въ его небольшое имѣніе Ропшу. Начальство надъ конвоемъ было поручено Алексѣю Орлову, капитану Пассеку и князю Барятинскому.

Государственный переворотъ совершился. Торжествующая Екатерина вернулась въ Петербургъ. Но она еще не была вполнѣ спокойна; оставался нерѣшеннымъ трудный вопросъ: что дѣлать съ Петромъ? Сначала думали заточить его въ Шлиссельбургскую крѣпость. Но тамъ уже сидѣлъ одинъ бывшій императоръ, Иванъ Антоновичъ. Держать въ заключеніи двухъ живыхъ, свергнутыхъ съ престола царей было опасно. Всегда могли найтись недовольные люди; всегда можно было опасаться, что они захотятъ освободить свергнутаго царя и сдѣлать съ самой Екатериной то же самое, что она сдѣлала со своимъ мужемъ. Только смерть Петра Третьяго могла избавить ее отъ этой опасности. Во время совѣщанія самые близкіе къ Екатеринѣ люди читали въ ея глазахъ ея тайное желаніе, но никто изъ нихъ не обмолвился на этотъ счетъ ни однимъ словомъ. Они поняли другъ друга безъ словъ.

Братья Орловы были болѣе всѣхъ другихъ заинтересованы въ этомъ дѣлѣ. Они уже достигли очень высокаго положенія, Григорій Орловъ былъ любовникомъ самой императрицы и, слѣдовательно, могъ занять первое мѣсто въ государствѣ. Случись что-нибудь съ Екатериной, погибнутъ и Орловы. Но мы уже знаемъ, что братья Орловы были смѣлые отчаянные люди.

Петръ Третій содержался въ Ропшѣ подъ крѣпкимъ карауломъ. Онъ никуда не могъ выйти изъ своей комнаты, окна которой были завѣшаны зелеными шторами. При немъ безотлучно находились Алексѣй Орловъ, Барятинскій и другіе гвардейскіе офицеры, замѣшанные въ переворотѣ. Въ субботу, 6-го іюля, рано утромъ, когда узникъ еще спалъ, прислуживавшій ему старый лакей вышелъ въ садъ подышать чистымъ воздухомъ. Тогда одинъ изъ офицеровъ немедленно же приказалъ схватить этого лакея. Его посадили въ приготовленныи экипажъ и увезли изъ Ропши: это былъ послѣдній посторонній свидѣтель.

Вечеромъ того же дня нарочный, прискакавшій изъ Ропши, подалъ Екатеринѣ письмо отъ Алексѣя Орлова. Въ письмѣ говорилось слѣдующее:

„Матушка, милосердная государыня! Какъ мнѣ изъяснить, описать, что случилось: не повѣришь вѣрному рабу своему. Но какъ передъ Богомъ скажу истину: Матушка! готовъ идти на смерть, но самъ не знаю, какъ эта бѣда случилась. Погибли мы, когда ты не помилуешь. Матушка! его нѣтъ на свѣтѣ.... Но никто сего не думалъ, и какъ намъ задумать поднять руку на государя. Но, государыня, свершилась бѣда. Онъ заспорилъ за столомъ съ княземъ Барятинскимъ. Не успѣли мы рознять, а его уже и не стало. Сами не помнимъ, что дѣлали, но всѣ до единаго виноваты, достойны казни. Помилуй меня, хоть для брата. Повинную тебѣ принесъ, нечего и разыскивать. Прости или прикажи скорѣе кончить. Свѣтъ не милъ: прогнѣвили тебя и погубили свои души“.

Получивъ это письмо, Екатерина прочитала его въ присутствіи своихъ приближенныхъ вельможъ, а потомъ заперла его въ шкатулку, гдѣ оно пролежало до самой ея смерти. Народу же было объявлено, на другой день въ царскомъ манифестѣ, что бывшій императоръ волею божіею внезапно скончался „отъ геморойнаго припадка и прежестокой рѣзи въ кишкахъ“. Вотъ какъ умные люди устраиваютъ свои дѣла. Тѣло убитаго императора было выставлено въ Александро-Невскомъ монастырѣ. Гробъ стоялъ на катафалкѣ въ двѣ ступени. Кругомъ были поставлены свѣчи. Народъ впускали одного за другимъ, длинною вереницей. Дежурные офицеры приглашали входящихъ поклониться тѣлу усопшаго и проходить, не останавливаясь, въ противоположную дверь. Лицо покойника было черно, какъ бываетъ у задушенныхъ, а на шеѣ его лежалъ широкій шарфъ. Но офицеры не давали времени всматриваться и все приглашали проходить, проходить...

Десятаго іюля было совершено погребеніе, на которое собралось множество народа. Послѣ похоронъ народная толпа долго не расходилась, тихо переговариваясь между собой.

* * *

Такъ произошло восшествіе на престолъ императрицы

всероссійской, Екатерины Второй, «милостью Божіей». На другой день послѣ смерти Петра Третьяго, новая императрица писала народу въ своемъ манифестѣ слѣдующія слова: «Вступленіе наше на императорскій престолъ явное есть доказательство той истины, что гдѣ дѣйствуютъ нелицемѣрныя сердца во благо, тамъ рука Божія предводительствуетъ. Не имѣли мы намѣренія, ни желанія такимъ способомъ воцариться, каковымъ Богъ, по невѣдомымъ его промысламъ, намъ опредѣлилъ престолъ отечества россійскаго воспріять».

Итакъ, судя по этимъ словамъ, все произошло, якобы, по Божьему произволенію. Не удивительно поэтому, что императрица поспѣшила щедро наградить всѣхъ принимавшихъ участіе въ такомъ славномъ предпріятіи. Одни изъ нихъ получили высокіе чины, другіе пенсіи и деревни.

Братья Орловы были возведены въ графское достоинство; Разумовскому, Панину и Волконскому были назначены пожизненныя пенсіи по тридцати пяти тысячъ рублей въ годъ каждому (если считать на теперешнія деньги); семнадцати участникамъ было дано по восьмисотъ душъ крестьянъ на каждаго; одиннадцати—по шестисотъ душъ крестьянъ, а девяти по пятисотъ и триста душъ. Всего было роздано тогда восемнадцать тысячъ душъ крестьянъ и около четырехъ милліоновъ рублей деньгами,

Екатерина старалась задобрить также и простой народъ. Она велѣла убавить пошлину на соль на десять копѣекъ съ пуда, но больше всего она разсчитывала на пышную коронацію. Приготовленія къ коронаціи начались съ перваго дня вступленія на престолъ. Были отпущены изъ казны деньги и были отправлены въ Москву главные распорядители. Велѣно было сдѣлать 120 бочекъ съ желѣзными обручами; въ эти бочки была насыпана серебряная монета, по пяти тысячъ рублей въ каждую бочку; всѣ эти деньги приказано было разбрасывать народу во время коронаціи.

И вотъ 22 сентября 1762 года въ Москвѣ произошла торжественная коронація. Празднества продолжались цѣлую недѣлю. Подъ окнами царскаго дворца были пущены для народа фонтаны бѣлаго вина; вокругъ фонтановъ были разложены жаренные быки, бочки съ пивомъ и медомъ развозились также по всѣмъ улицамъ. Для нищихъ были поста-

влены особые столы съ различными яствами. Вечерами всѣ дворцы были освѣщены разноцвѣтными огнями. Такъ старались задобрить на первыхъ порахъ народъ.

Духовенство, какъ всегда, также поспѣшило, съ своей стороны, въ угоду царской власти, освятить и оправдать передъ народомъ, молитвами, образами и лживыми словами все это темное и кровавое дѣло. Вотъ что говорилъ, напримѣръ, въ своей проповѣди, новгородскій митрополитъ Дмитрій Сѣченовъ, обращаясь къ новой императрицѣ:

«Господь возложилъ на главу твою вѣнецъ. Онъ знаетъ, какъ избавить отъ напасти благочестивыхъ; онъ видѣлъ передъ собой чистое сердце твое; онъ зналъ непорочные пути твои... Сіе чудное воцареніе не человѣческаго ума и силы, но божьихъ несказанныхъ судебъ и его премудраго совѣта. Объ этомъ чудѣ будутъ восклицать проповѣдники, будутъ писать въ книгахъ историки, будутъ потомки повѣствовать чадамъ своимъ и прославлять величіе божіе!»

Вотъ что говорили русскіе духовные пастыри о сверженія Екатериной съ престола царя, которому они сами присягали, и о тайномъ убійствѣ этого царя съ вѣдома и согласія самой Екатерины.

Но Екатеринѣ надо было устранить со своей дороги еще одно препятствіе. Въ Шлиссельбургской крѣпости томился въ заключеніи еще одинъ бывшій русскій царь и «божій помазанникъ», Иванъ Антоновичъ. Ему тогда было уже двадцать два года. Можно было опасаться, что онъ явится помѣхой новому царствованію. Надо было принять свои мѣры. И вотъ «къ безымянному колоднику» были приставлены два тюремщика, капитанъ Власьевъ и поручикъ Чекинъ; никто, кромѣ нихъ, не могъ видѣть узника и никому, кромѣ нихъ, не было позволено входить въ его комнату. Въ случаѣ же, еслибы была сдѣлана попытка освободить его силою, то тюремщикамъ было приказано немедленно умертвить его. Такъ это и случилось. Черезъ два го а послѣ восшествія на престолъ Екатерины одинъ взбалмошный офицеръ, подпоручикъ Мировичъ, задумалъ освободить Ивана Антоновича и провозгласить его императоромъ. Будучи въ караулѣ, онъ арестовалъ коменданта и хотѣлъ ворваться въ ту казарму, гдѣ содержался заклю-

ченный. Тогда Власьевъ и Чекинъ, исполняя данное имъ приказаніе, закололи несчастнаго Ивана Антоновича.

Получивъ извѣстіе объ этомъ событіи, Екатерина воскликнула: «Руководство Божіе чудно и неисповѣдимо! Провидѣніе сказало мнѣ явный знакъ своей милости, придавъ такой конецъ этому предпріятію».

У этой благочестивой императрицы все происходило не иначе, какъ по Божьему произволенію.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Екатерина Вторая.

Екатерина Вторая была умная женщина. Сдѣлавшись императрицей, она старалась укрѣпить и усилить свою царскую власть. Этимъ она походила на Петра Великаго. Она не довольствовалась тѣмъ, что вела веселую царскую жизнь и выбирала себѣ въ любовники красивыхъ мужчинъ: она думала также и о другомъ, а именно о томъ, чтобы расширить границы своего государства и ввести больше порядка во внутреннія дѣла.

Но такъ же, какъ и Петръ Великій, она хлопотала при этомъ не столько о пользѣ народа, сколько о своемъ собственномъ могуществѣ. Чѣмъ обширнѣе государство, тѣмъ могущественнѣе царь; а что касается простого народа, то онъ съ такимъ же успѣхомъ можетъ умирать съ голода въ большомъ и сильномъ, какъ и въ маломъ и слабомъ государствѣ.

Екатерина понимала, что ей надо защищать границы своего государства, и вотъ она начала войну съ Турціей и, благодаря храбрости русскихъ солдатъ, отвоевала Крымъ. Послѣ этого навсегда прекратились набѣги на Россію крымскихъ татаръ. Кромѣ того, Россія пріобрѣла тогда южныя степныя земли и подошла къ самому берегу Чернаго моря, чего такъ добивался Петръ Первый. Но эти южныя степи достались конечно не народу, а были взяты въ казну,— а затѣмъ розданы по большей части дворянамъ-помѣщикамъ.

Кромѣ завоеванія Крыма, Екатерина присоединила еще къ Россіи часть Польши, Польское государство было окружено съ одной стороны Россіей, съ другой—Австріей, а

съ третьей—Пруссіей: и вотъ три „божьихъ помазанника“ задумали подѣлить между собою польскій народъ. При этомъ Екатерина не только пріобрѣла правый берегъ Днѣпра съ малорусскимъ населеніемъ, но и присоединила къ себѣ польскія земли съ кореннымъ польскимъ населеніемъ, а другія польскія области отдала въ руки прусскому королю и австрійскому императору.

Съ тѣхъ поръ все польское населеніе оказалось подъ чужеземнымъ игомъ. А такъ какъ всякій народъ любитъ свою родину, то и поляки много разъ пытались вернуть свободу своей странѣ и съ этой цѣлью поднимали возстаніе. Когда они возставали противъ Россіи, русскіе цари посылали войска и заливали кровью всю страну. Русскіе солдаты брали приступомъ польскіе города, жгли и разоряли польскіе деревни, закалывали и застрѣливали многія тысячи поляковъ за то только, что тѣ, любя свою родину, хотѣли свергнуть съ себя чужеземное владычество. И во всемъ этомъ морѣ пролитой человѣческой крови виновата прежде всего императрица Екатерина, такъ какъ она силою присоединила къ русскому государству польскій народъ.

Но цари вообще не боятся проливать человѣческую кровь. Они только любятъ прикрываться при этомъ именемъ Бога и говорятъ, кромѣ того, что жгутъ, убиваютъ и усмиряютъ для пользы своего государства. Между тѣмъ, русскому государству не было ровно никакой пользы отъ того, что къ нему была присоединена Польша. Польза отъ этого была только для тѣхъ знатныхъ вельможъ, которымъ были розданы отнятыя у поляковъ помѣстья, да для русскихъ чиновниковъ, которые получали на службѣ въ Польшѣ двойные оклады.

Что же касается пользы русскаго государства и всего русскаго народа, то кто хочетъ судить о томъ, какъ русскіе цари заботились объ этой пользѣ, тотъ долженъ всегда обращать главное вниманіе не на ихъ внѣшнія дѣла, не на ихъ войны и походы, а на ихъ дѣла внутри государства. Посмотримъ же, каково было правленіе Екатерины Второй внутри русскаго государства.

Все внутреннее управленіе Екатерины Второй клонилось къ тому, чтобы усилить дворянство, какъ свою глав-

ную опору, и отдать въ его полную власть крестьянъ. Изъ всѣхъ русскихъ царей и царицъ никто не сдѣлалъ такъ много поблажекъ дворянству и такъ много зла крестьянамъ, какъ именно Екатерина Вторая.

Она роздала въ свое царствованіе разнымъ своимъ любимцамъ около восьмисотъ тысячъ государственныхъ крестьянъ, обративъ ихъ такимъ путемъ въ крѣпостныхъ.

Она ввела крѣпостное право во всей Малороссіи, гдѣ его до тѣхъ поръ еще не было. Малорусскіе крестьяне могли еще свободно переходить тогда отъ одного помѣщика къ другому, какъ это было прежде во всемъ московскомъ государствѣ; но Екатерина, въ угоду дворянству, отмѣнила этотъ свободный переходъ и ввела въ Малороссіи полное крѣпостное состояніе.

Особымъ указомъ 1792 года она разрѣшила продавать крѣпостныхъ крестьянъ въ розницу, безъ земли, за долги ихъ помѣщиковъ. Между тѣмъ еще Петръ Первый писалъ сенату, что надо запретить розничную продажу крестьянъ, „яко скотовъ, чего во всемъ свѣтѣ не водится“.

Она разрѣшила помѣщикамъ ссылать своихъ крѣпостныхъ крестьянъ въ каторжную работу, безъ всякаго суда и слѣдствія, по одному своему усмотрѣнію.

Наконецъ, она запретила крѣпостнымъ крестьянамъ подавать жалобы на своихъ помѣщиковъ. Что ни дѣлали съ ними помѣщики, крестьяне не имѣли права даже жаловаться на нихъ высшему начальству. За подачу такой жалобы, а особливо самой государынѣ, самъ жалобщикъ и тотъ, кто писалъ ему жалобу, подлежали наказанію кнутомъ и ссылкѣ въ вѣчную каторжную работу. Этотъ царскій указъ велѣно было читать по всѣмъ сельскимъ церквамъ въ продолженіи цѣлаго мѣсяца.

Таковы были подвиги Екатерины Второй во внутреннемъ управленіи, и только по этимъ ея дѣламъ можно судить о пользѣ, какую она хотѣла принести русскому крестьянству. Желая угодить дворянамъ, она отдала крестьянъ въ ихъ полное распоряженіе. Помѣщикъ могъ теперь совершенно безнаказанно дѣлать со своимъ крѣпостнымъ все, что онъ хотѣлъ, и помѣщики конечно воспользовались этой безграничной властью надъ крестьянами; они налагали

на нихъ тяжелые оброки, мучили ихъ барщиной и подвергали самымъ жестокимъ наказаніямъ.

Въ началѣ царствованія Екатерины оброкъ съ крѣпостныхъ крестьянъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не было барщины, доходилъ до семнадцати рублей съ души; въ концѣ же царствованія Екатерины помѣщики подняли этотъ оброкъ уже до тридцати рублей съ души, не считая кромѣ того всякихъ поборовъ живностью, холстомъ, сѣномъ и подводами.

А въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ была барщина, помѣщики требовали съ крестьянъ по четыре и по пяти рабочихъ дней въ недѣлю; если же въ страдную пору стояла хорошая погода, то нѣкоторые помѣщики заставляли крестьянъ работать на себя сплошь всю недѣлю.

„Есть даже такіе помѣщики"—писалъ одинъ житель того времени—«которые отпускаютъ своимъ крестьянамъ мѣсячный провіантъ и употребляютъ ихъ на свои господскія работы всѣхъ безъ изъятія повседневно».

„Господскіе поборы и крестьянскія работы" — писалъ тогда графъ Петръ Панинъ—«не только превосходятъ примѣры другихъ странъ, но частенько выступаютъ изъ сносности человѣческой».

Вотъ, напримѣръ, какой былъ приказъ помѣщика Казанскаго уѣзда Бѣлявина своему управителю, въ 1785 году; «О крестьянахъ, что они неимущіе и ходятъ по міру, отнюдь мнѣ не пиши; мнѣ это ножъ; я хочу воровъ разорить и довести хуже прежняго; такъ они милы мнѣ. Уповаю и надѣюсь до тысячи рублей взыскать съ нихъ безъ всякаго сумнительства. Мужикъ сѣръ, но умъ не чортъ у него съѣлъ».

Продажа крестьянъ безъ земли вошла тогда во всеобщій обычай. Въ газетахъ часто печатались такія объявленія: «Продается лѣтъ тридцати дѣвка и молодая гнѣдая лошадь. Ихъ можно видѣть въ домѣ губернскаго секретаря». Или: „Продается мужской портной, поваръ и башмачникъ; тамъ же вѣнской прочной работы коляска и верховая лошадь".

Иногда крѣпостныхъ крестьянъ выводили цѣлыми толпами на рынокъ, какъ лошадей на конный базаръ. Вотъ что разсказывалъ одинъ старикъ крестьянинъ Петровскаго уѣзда Саратовской губерніи своему сельскому священнику:

„Бывало, говоритъ, наша барыня отберетъ парней да дѣвокъ человѣкъ тридцать; мы посажаемъ ихъ на тройки да и повеземъ на урюпинскую ярмарку продавать. Я былъ въ кучерахъ. Сдѣлаемъ тамъ на ярмаркѣ палатку да и продаемъ ихъ. Больше всего покупали армяне. Каждый годъ мы возили. Ужъ сколько вою было на селѣ, когда начнетъ барыня собираться въ Урюпино".

«Всѣмъ извѣстно», разсказываетъ въ своихъ запискахъ тотъ же священникъ, „что помѣщики—псари на одну собаку мѣняли сотню людей. Бывали случаи, что за борзую суку отдавали цѣлую деревню съ крестьянами".

«Бываютъ даже такіе негодяи»,—разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Россіи венгерскій путешественникъ Текели—«которые ставятъ на карту своего крѣпостного и проигрываютъ его».

Бить и наказывать своихъ крестьянъ помѣщики могли, сколько имъ было угодно. При этомъ многіе помѣщики изобрѣтали самыя жестокія наказанія: цѣпи, палки, плети, рогатки, не говоря уже о розгахъ.

Одинъ помѣщикъ установилъ у себя такія правила: всякій праздникъ дворовые должны были являться къ нему на поклонъ; за неявку тысячу розогъ. Если крѣпостной не говѣлъ и не пріобщался—пять тысячъ розогъ; и такъ далѣе.

Можно было бы написать цѣлую книгу о жестокостяхъ помѣщиковъ надъ своими крѣпостными. Вотъ нѣсколько примѣровъ.

Помѣщикъ Ефимовъ велѣлъ женѣ своего дворовaго выкармливать грудью двухъ щенятъ. Мужъ этой женщины не вынесъ такого издѣвательства и утопилъ барскихъ щенятъ. Тогда помѣщикъ приказалъ поджаривать ему ноги на раскаленныхъ угольяхъ.

Крѣпостные крестьяне генеральши Толстой послали къ ней своего мірского челобитчика просить о сбавкѣ оброка. Генеральша велѣла обрить ему голову и бороду, надѣть ему на шею желѣзную рогатку съ заклепами, «дабы ему не имѣть покою», и заставила его съ этой рогаткой работать на кирпичномъ заводѣ.

Другой помѣщикъ отдалъ свою крѣпостную дѣвушку учиться плести кружева. Когда она вернулась изъ ученья,

ее принуждали работать сверхъ силы: «просиживать каждый вечеръ по двѣ свѣчи». Молодая, семнадцатилѣтняя дѣвушка не выдержала и убѣжала въ Москву къ своей прежней мастерицѣ. Ее отыскали, заковали въ желѣзо, приковали къ стулу и опять заставили плести кружева. Черезъ нѣсколько дней ее освободили по просьбѣ священника. Тогда она опять убѣжала. Ее снова отыскали, наглухо заклепали въ кандалы, надѣли рогатку и заставили въ такомъ видѣ работать. Дѣвушка наложила на себя руки, но не успѣла совсѣмъ перерѣзать себѣ горла и промучилась цѣлый мѣсяцъ. Звѣрь—помѣщикъ даже тогда не сжалился и не снялъ съ нея кандаловъ. Такъ она и умерла закованная въ желѣзо. Это вопіющее дѣло было скрыто, и господа остались безъ всякаго наказанія.

Иногда помѣщики истязали своихъ крѣпостныхъ просто ради забавы. Такъ одна тульская помѣщица любила щи съ бараниной, и когда ѣла эти щи, то приказывала сѣчь передъ собою варившую ихъ кухарку, не потому, что та дурно сварила, а просто ради своего удовольствія.

Ничему не учившіеся, необразованные, жившіе въ полной праздности помѣщики съ малолѣтства привыкали къ грубому и жестокому обращенію съ крестьянами. Даже и не злые по природѣ помѣщики смотрѣли на крестьянъ, какъ на людей низшей породы. Если же помѣщикъ былъ золъ отъ природы, то изъ него выходилъ настоящій звѣрь. Нѣкоторые изъ нихъ даже попадали подъ судъ за убійства и истязанія своихъ крѣпостныхъ. Но это случалось рѣдко. Обыкновенно имъ все сходило съ рукъ, ибо начальство, состоявшее также изъ помѣщиковъ, прикрывало ихъ преступленія. Это всего лучше видно изъ дѣла богатой помѣщицы Дарьи Салтыковой или Салтычихи, какъ называлъ ее народъ.

Эта Салтычиха, по смерти своего мужа, тоже жестокаго помѣщика, въ теченіе шести лѣтъ безнаказанно мучила своихъ крестьянъ, преимущественно женщинъ и дѣвушекъ, а иногда и мужчинъ. Она била ихъ скалкою, полѣньями, утюгомъ, плетью, жгла имъ на головѣ волосы, хватала за уши раскаленными щипцами, лила на лицо горячую воду. Ея конюхи засѣкали по ея приказанію до смерти людей кнутьями. И все это происходило не въ глуши ка-

кой-нибудь, а въ самойМосквѣ, а также въ подмосковскомъ селѣ Салтыковой. Вотъ нѣсколько случаевъ, раскрытыхъ потомъ судебнымъ слѣдствіемъ.

Дворового Хрисанфа Андреева помѣщица сама била кучерскимъ кнутомъ, потомъ велѣла бить его своему конюху; потомъ выставила его на морозъ и продержала на морозѣ всю ночь; на другой день опять била его палкою, жгла раскаленными щипцами и лила на голову горячую воду; когда несчастный уже упалъ, она все еще продолжала колотить его. Послѣ этихъ истязаній она отправила избитаго, еле живого Андреева въ свое подмосковное имѣніе; но по дорогѣ онъ умеръ.

Дворовую дѣвушку Петрову она забила до смерти на возвратномъ пути съ богомолья. (Салтыкова, какъ и многіе подобные изверги, отличалась большою набожностью), Прежде всего она избила ее скалкою за нечисто вымытый полъ; затѣмъ конюхъ, по ея приказанію, билъ Петрову кнутомъ и загналъ ее въ прудъ, а дѣло было въ ноябрѣ. Продержавъ ее нѣсколько времени по горло въ водѣ, Салтыкова вновь заставила ее мыть полъ, но обезсилѣвшая отъ побоевъ дѣвушка уже не могла исполнить приказанія. Тогда Салтычиха, при помощи своего гайдука, опять принялась бить ее и била до того, что къ вечеру дѣвушка скончалась.

Подобнымъ же образомъ была забита до смерти батогами Прасковья Ларіонова. Когда ее сѣкли, то Салтычиха кричала: „Бейте до смерти; я сама въ отвѣтѣ и никого не боюсь!“ Когда тѣло убитой женщины повезли изъ Москвы, на него посадили ея грудного младенца, который такъ и замерзъ по дорогѣ на трупѣ своей матери.

Салтыкову обвиняли въ убійствѣ семидесяти пяти человѣкъ. Судъ призналъ вполнѣ доказаннымъ убійство тридцати восьми человѣкъ, а въ двадцати шести человѣкъ оставилъ въ подозрѣніи.

Замученныхъ ею людей Салтычиха хоронила въ Москвѣ же или въ своемъ подмосковскомъ селѣ. Когда сельскій священникъ не соглашался, то Салтычиха призывала его къ себѣ, и дѣло, обыкновенно, улаживалось ко взаимному удовольствію. У Салтычихи была сильная родня; кромѣ того, она задаривала чиновниковъ деньгами или своими же крѣ-

постными людьми и была увѣрена, что ей все сойдетъ съ рукъ. „Вы мнѣ ничего не сдѣлаете“,—говорила она тѣмъ, которые хотѣли на нее жаловаться; — „они меня на васъ не промѣняютъ“.

И дѣйствительно, слѣдствіе о ея преступленіяхъ начиналось двадцать одинъ разъ и каждый разъ прекращалось безъ всякихъ послѣдствій.

Наконецъ, лѣтомъ 1762 года, двумъ дворовымъ Салтычихи, Савелію Мартынову и Николаю Ильину, удалось подать челобитную на свою госпожу самой императрицѣ; ихъ прошеніе было передано въ судъ для производства слѣдствія, причемъ было арестовано сорокъ крестьянъ Салтычихи для снятія съ нихъ допроса. Въ декабрѣ 1762 года Екатерина снова получила челобитную отъ имени этихъ сорока крестьянъ. Они жаловались на то, что никакого слѣдствія не происходитъ и что судъ не допрашиваетъ Салтычиху будто бы по ея болѣзни, а между тѣмъ она вполнѣ здорова и попрежнему мучаетъ своихъ людей. Эта челобитная была подана императрицѣ уже послѣ ея указа, запрещавшаго крѣпостнымъ жаловаться на своихъ господъ. Но такъ какъ указъ былъ изданъ лишь на нѣсколько дней до того, то Сенатъ рѣшилъ не наказывать челобитчиковъ. Но вотъ черезъ мѣсяцъ императрицѣ было опять подано прошеніе тѣми же двумя дворовыми, которые подали первое прошеніе лѣтомъ 1762 года. Теперь они жаловались уже на полицію и на сыскной приказъ, которые скрывали раньше всѣ убійства, совершенныя ихъ госпожей, а кромѣ того просили, чтобы ихъ дѣло было взято изъ рукъ прокурора Глѣбова, такъ какъ онъ знакомъ съ ихъ госпожей. На этотъ разъ Сенатъ приказалъ бить челобитчиковъ плетьми на площади, за то, что они осмѣлились, не смотря на запрещеніе, утруждать императрицу своей жалобой.

Дѣло Салтыковой тянулось шесть лѣтъ. Судъ приговорилъ, наконецъ, наказать преступницу кнутомъ и сослать въ каторжную работу. Но императрица измѣнила приговоръ и постановила: лишить Салтыкову дворянскаго званія, продержать ее часъ времени у позорнаго столба, а потомъ надѣть оковы и отвезти въ одинъизъ женскихъ монастырей подлѣ какой-нибудь церкви, гдѣ посадить въ подземную

тюрьму. Въ такой подземной тюрьмѣ Салтычиха просидѣла одиннадцать лѣтъ, а затѣмъ ее перевели въ каменную тюрьму, пристроенную къ церкви, гдѣ она прожила еще двадцать два года и даже родила тамъ ребенка отъ своего сторожа.

Всѣ высшіе и низшіе чиновники, которые скрывали преступленія Салтыковой, остались безъ всякаго наказанія.

Уже одного этого дѣла Салтыковой достаточно, чтобы видѣть, въ какомъ ужасномъ положеніи находились крѣпостные крестьяне, отданные русскими царями въ полную волю дворянъ. Это дѣло показываетъ также, каковы были порядки въ русскомъ государствѣ, когда въ самой Москвѣ, на глазахъ у всѣхъ властей, помѣщица могла въ теченіи шести лѣтъ безнаказанно мучить и забивать до смерти цѣлые десятки людей.

Мы видѣли, что Екатерина лишила крѣпостныхъ крестьянъ даже права жаловаться на своихъ мучителей. За всякую такую жалобу крестьянъ велѣно было бить плетьми и ссылать на каторгу. И это не была простая угроза. Дворовые Салтыковой. Савелій Мартыновъ и Николай Ильинъ были биты плетьми на площади именно за подачу жалобы императрицѣ.

А вотъ другой случай. Крѣпостные крестьяне помѣщиковъ Лопухиныхъ, Леонтьева и Толстой подали жалобу императрицѣ, въ которой просили избавить ихъ отъ мучительства помѣщиковъ. „Лучше же, ваше императорское величество, опредѣлите насъ сами, вашею монаршею милостью, къ смерти или на вѣчное поселеніе“,—такъ писали крестьяне Алексѣя Лопухина. И вотъ послѣдовало рѣшеніе сената: половину этихъ крестьянъ, подававшихъ жалобу, наказать плетьми публично, съ барабаннымъ боемъ, въ Москвѣ, въ торговый день, на разныхъ площадяхъ; а другую половину наказать въ ихъ деревняхъ при собраніи крестьянъ. Затѣмъ, смотря по желанію помѣщиковъ, или отправить этихъ избитыхъ плетьми крестьянъ на каторгу въ Нерчинскъ, или же возвратить ихъ владѣльцамъ.

Таковы были порядки на Руси при правленіи „божіей помазаницы“ Екатерины Великой.

* * *

При такихъ порядкахъ, у крестьянъ оставалось только одно средство избавиться отъ притѣсненія и мучительства помѣщика: побѣгъ, и только одно средство смирить и укротить жестокаго звѣря: своя собственная расправа.

Мы уже говорили о побѣгахъ крестьянъ за границу при царицѣ Елисаветѣ. Эти побѣги продолжались и при Екатеринѣ Второй. Крестьяне бѣжали въ Польшу, бѣжали въ Ливонію и Эстляндію. Весною 1763 года помѣщичьи крестьяне Псковской губерніи бѣжали «не малымъ числомъ» въ Польшу, а потомъ, соединившись въ большія партіи, переходили обратно границу съ тѣмъ, чтобы разорять своихъ бывшихъ господъ. Въ томъ же году изъ Новгородской губерніи ушло за польскій рубежъ болѣе ста семей. По словамъ помѣщиковъ, изъ одной Смоленской губерніи въ Польшѣ жило бѣглыхъ болѣе пятидесяти тысячъ душъ обоего пола. Кромѣ Польши, крестьяне бѣжали на Кавказъ, въ Оренбургскія степи, на Уралъ и въ Сибирь, чтобы гдѣнибудь укрыться отъ царской правды и милости.

Но иногда крѣпостные крестьяне, выведенные изъ терпѣнія, прибѣгали къ собственной жестокой расправѣ. Въ Костромской губерніи восемь человѣкъ дворовыхъ и крестьянъ помѣщика Витовтова ворвались ночью въ его домъ, стащили его за волосы съ постели и избили до полусмерти, а потомъ ушли въ бѣга.

Крестьяне помѣщика Собакина, Шуйскаго уѣзда, убили его жену, а его самого избили до полусмерти. Крестьяне графа Шувалова такъ избили его управителя, что онъ черезъ двѣнадцать дней умеръ. Въ 1770 году былъ убитъ выстрѣломъ изъ окна тотъ самый помѣщикъ Леонтьевъ, на котораго жаловались крестьяне Екатеринѣ. И много было такихъ случаевъ. Въ одной только Московской губерніи, въ теченіи пяти лѣтъ, съ 1764 года по 1769-ой, убито было двадцать одинъ помѣщикъ и девять помѣщицъ.

Часто происходили также крестьянскіе бунты. Въ 1765 году крѣпостные Фролова-Багрѣева, Тамбовской губерніи, «учинили противъ него бунтъ и домъ его разграбили». Когда пришли солдаты, то произошло побоище, причемъ

былъ заколотъ рогатиной офицеръ и ранены двѣнадцать солдатъ.

Въ 1768 году, въ Воронежской губерніи, была послана команда изъ двадцати двухъ солдатъ усмирять крестьянъ села Аргамакова. Крестьяне даже не пустили солдатъ въ село. Тогда губернаторъ выслалъ триста рядовыхъ съ пушкою и два эскадрона гусаръ. Противъ нихъ вышло болѣе тысячи человѣкъ крестьянъ, вооруженныхъ чѣмъ попало. Солдаты стали стрѣлять и убили нѣсколькихъ крестьянъ; но остальные неустрашимо рвались впередъ, бросая чѣмъ попало въ солдатъ, и многихъ изъ нихъ ранили. Тогда солдаты зажгли деревню, и крестьяне разбѣжались. Болѣе ста человѣкъ изъ нихъ было поймано, и главные зачинщики жестоко наказаны.

Въ томъ же году произошелъ бунтъ въ Данковскомъ уѣздѣ Воронежской губерніи. Губернаторъ выслалъ для усмиренія крестьянъ капитана Балашева и сто тридцать солдатъ; ихъ встрѣтило больше пятисотъ человѣкъ крестьянъ, вооруженныхъ дубинами, копьями и ружьями. Не слушая никакихъ увѣщаній, они прямо вступили въ бой съ солдатами. Военная команда была разбита на голову, и самъ капитанъ такъ тяжело раненъ, что черезъ два часа умеръ.

Число такихъ бунтовъ все болѣе и болѣе возрастало въ царствованіе Екатерины, пока наконецъ общее народное недовольство не разразилось огромнымъ пугачевскимъ бунтомъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Пугачевщина.

Послѣ свержения съ престола Петра Третьяго Екатериной и объявленія о его внезапной смерти, среди народа сталъ ходить слухъ, будто Петръ Третій спасся отъ смерти и скитается подъ чужимъ именемъ по Россіи. Этимъ слухомъ воспользовался Пугачевъ.

Емельянъ Ивановичъ Пугачевъ былъ донскимъ казакомъ Зимовейской станицы. Семнадцати лѣтъ отъ роду онъ уже былъ отправленъ на войну; во время похода онъ нечаянно

упустилъ лошадь атамана, за что былъ нещадно избитъ плетьми. Послѣ того онъ еще два раза ходилъ на войну, въ Польшу и въ Турцію, и вернулся домой весь израненный. На Дону тогда усилилась казацкая старшина, которую поддерживало московское правительство; простые казаки терпѣли всякія притѣсненія. Емельянъ Пугачевъ захотѣлъ поискать болѣе вольной жизни и убѣжалъ съ Дона на Кавказъ, на рѣку Терекъ, гдѣ жили терскіе казаки. Тамъ онъ скоро былъ выбранъ въ атаманы, но потомъ открылось, что это былъ бѣглый донской казакъ. Тогда его схватили и посадили въ тюрьму, гдѣ приковали желѣзной цѣпью къ стулу. Пугачевъ просидѣлъ три дня на цѣпи и убѣжалъ. Убѣжавъ, онъ вернулся тайкомъ въ свою Зимовейскую станицу; но тамъ его снова признали и арестовали. Пугачевъ снова убѣжалъ изъ тюрьмы и направился теперь къ польской границѣ. Тамъ онъ прожилъ нѣкоторое время въ мѣстечкѣ Добрянкѣ у купца-раскольника Кожевникова. Отъ этого купца Кожевникова онъ узналъ, что на рѣкѣ Яикѣ, теперешнемъ Уралѣ, происходило большое волненіе среди яицкихъ или уральскихъ казаковъ. Казаки были недовольны своими старшинами. Старшины мошенничали и сбирали съ казаковъ лишнія деньги, а русское правительство, какъ это всегда бываетъ, держало сторону казацкихъ старшинъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что озлобленные казаки подняли бунтъ и убили присланнаго къ нимъ изъ Петербурга генерала. Узнавъ обо всемъ этомъ, Пугачевъ задумалъ идти къ уральскимъ казакамъ и звать ихъ за рѣку Кубань, въ турецкія владѣнія. Но прежде ему надо было достать себѣ паспортъ; для этого онъ перешелъ польскую границу. Изъ Польши Екатерина вызывала русскихъ бѣглецовъ и предлагала имъ селиться въ Россіи на свободныхъ земляхъ. Пугачевъ явился на русскую границу, какъ бы по этому зову, сказалъ, что онъ родился въ Польшѣ отъ русскихъ родителей, и получилъ паспортъ. Съ этимъ паспортомъ онъ отправился въ уральскія степи и остановился сначала у раскольниковъ въ Иргизскихъ скитахъ, а оттуда пришелъ въ Яицкій городокъ, теперешній Уральскъ, и жилъ тамъ нѣкоторое время у казака Пьянова подъ видомъ купца.

Между уральскими казаками было тогда большое недовольство; многіе изъ нихъ были жестоко наказаны за убій-

ство царскаго генерала. Въ это же время среди нихъ стали ходить слухи про царя Петра Третьяго, который появился будто-бы въ городѣ Царицынѣ, но былъ схваченъ начальствомъ и замученъ до смерти.

Когда казакъ Пьяновъ заговорилъ объ этомъ съ Пугачевымъ, то Пугачевъ сказалъ, что онъ знаетъ этого человѣка; что это дѣйствительно царь Петръ Ѳеодоровичъ, и что онъ спасся отъ смерти въ Царицынѣ, гдѣ поймали и замучили вмѣсто него кого-то другого, а Петръ Ѳедоровичъ ушелъ. На этомъ разговоръ кончился. Немного погодя Пугачевъ заговорилъ о переселеніи уральскихъ казаковъ за рѣку Кубань, въ турецкія владѣнія, причемъ сталъ обѣщать, что онъ выдастъ на выходъ каждой семьѣ по шестидесяти пяти рублей денегъ. Пьяновъ удивился этому и сталъ спрашивать, откуда у него взялись такія деньги. Тогда Пугачевъ вдругъ сказалъ: «Да вѣдь я не купецъ; я государь Петръ Ѳедоровичъ. Это я-то и былъ въ Царицынѣ, да меня Богъ и добрые люди сохранили, а вмѣсто меня засѣкли караульнаго солдата».—Пьяновъ былъ еще болѣе удивленъ и обѣщалъ переговорить обо всемъ этомъ со стариками. Такимъ путемъ среди уральскихъ казаковъ была пущена вѣсть о царѣ Петрѣ Ѳедоровичѣ, который появился у нихъ въ уральскихъ степяхъ.

Пугачевъ пробылъ въ Яицкомъ городкѣ около недѣли, а оттуда поѣхалъ съ какимъ-то другимъ казакомъ Филипповымъ въ Мечетную слободу, гдѣ были раскольничьи скиты.

По дорогѣ этотъ Филипповъ отсталъ отъ Пугачева и надумалъ разсказать обо всемъ нечальству. По этому доносу Пугачева схватили и отправили сначала въ Симбирскъ, а потомъ въ Казань, гдѣ посадили въ подземную тюрьму. Пугачевъ сговорился съ однимъ караульнымъ солдатомъ и при его помощи снова убѣжалъ изъ тюрьмы.

Убѣжавъ въ третій разъ изъ тюрьмы, Пугачевъ поѣхалъ прямо къ уральскимъ казакамъ, среди которыхъ уже распространилась о немъ молва. Нѣсколько казаковъ захотѣли провѣрить, точно ли онъ императоръ, и пріѣхали къ нему. Пугачевъ принялъ ихъ съ важностью и обѣщалъ всякія милости уральскому войску: «Я жалую васъ рѣкою Яикомъ и всѣми притоками,—говорилъ онъ,—жалую васъ

рыбными ловлями, землями и угодьями, безданно и безпошлинно».

Казаки не всѣ ему повѣрили. Особенно сомнѣвался казакъ Зарубинъ, который потомъ былъ его главнымъ помощникомъ. Но другіе казаки говорили: «Пусть это не государь, а донской казакъ; онъ будетъ у насъ вмѣсто государя; а намъ все равно, лишь бы быть въ добрѣ». Пугачевъ самъ потомъ сказалъ Зарубину, что онъ дѣйствительно донской казакъ и только рѣшился назваться императоромъ Петромъ Третьимъ. «Подъ его именемъ,—говорилъ онъ,—я могу взять Москву, ибо наберу прежде силу, и людей у меня будетъ много, а въ Москвѣ войска никакого нѣтъ». (Все русское войско было тогда въ Турціи).

Послѣ свиданія съ Пугачевымъ казаки разъѣхались по своимъ хуторамъ и стали набирать приверженцевъ. Все это скоро сдѣлалось извѣстно старшинамъ. Они выслали отрядъ, чтобы схватить Пугачева, но казаки во время извѣстили его, и онъ переѣхалъ въ другое мѣсто. Наконецъ, 17 сентября 1773 года на хуторѣ казака Толкачева собрался первый отрядъ пугачевцевъ изъ восьмидесяти человѣкъ. Былъ прочитанъ манифестъ, въ которомъ крестьянамъ обѣщалась земля и воля, а дворянамъ — жестокое наказаніе и лютая смерть. Затѣмъ казаки развернули знамена и двинулись къ Яицкому городку. Такъ начался пугачевскій бунтъ. Пугачеву было тогда 29 лѣтъ.

По дорогѣ къ Яицкому городку отрядъ Пугачева сталъ быстро возрастать. Но Пугачевъ не рѣшился сразу напасть на Яицкъ, а сталъ брать мелкія укрѣпленія или форпосты, разсыпанные по степи, захватывая въ нихъ ружья, пушки и съѣстные припасы. Почти всѣ форпосты сдавались добровольно. Комендантовъ и офицеровъ пугачевцы вѣшали; затѣмъ Пугачевъ собиралъ всѣхъ жителей и приказывалъ имъ самимъ выбирать себѣ атамана, эсауловъ и хорунжихъ.

Черезъ двѣ недѣли у него было уже до трехъ тысячъ человѣкъ войска. Въ Чернорѣченской крѣпости къ нему явилась крѣпостная дѣвушка съ жалобой на помѣщика. Пугачевъ велѣлъ повѣсить помѣщика. Теперь онъ былъ всего въ 28 верстахъ отъ Оренбурга; но онъ не пошелъ туда, а рѣшилъ соединиться съ казаками, жившими по рѣкѣ Сакмарѣ. По дорогѣ были разграблены всѣ хутора и

въ томъ числѣ хуторъ оренбургскаго губернатора. „Вотъ видите, какъ богато живутъ мои губернаторы“,—сказалъ при этомъ Пугачевъ,—„а на что имъ такіе хоромы, когда я самъ живу просто“.

Второго октября Пугачевъ вошелъ безпрепятственно въ Сакмарскій городокъ. Здѣсь къ нему явился знаменитый Хлопуша. Хлопуша былъ крестьянинъ Тверской губерніи. Сначала онъ занимался извознымъ промысломъ въ Москвѣ, а потомъ сдѣлался разбойникомъ. Его два раза ссылали въ Сибирь, четыре раза били кнутомъ, вырвали ноздри и наложили клейма на лицо. Когда Пугачевъ подходилъ къ Оренбургу, Хлопуша, скованный по рукамъ и ногамъ, содержался въ оренбургскомъ острогѣ. Узнавъ, что губернаторъ ищетъ, кого бы послать къ казакамъ съ указомъ и съ увѣщаніями, Хлопуша вызвался доставить ихъ, а самъ вмѣсто того явился къ Пугачеву и сдѣлался однимъ изъ его главныхъ атамановъ.

Не прошло и двухъ мѣсяцевъ, а пугачевскій бунтъ уже широко распространился по всему Заволжью: въ уральскихъ и киргизскихъ степяхъ, въ теперешней Уфимской губерніи и за Камой, на уральскихъ горныхъ заводахъ.

Уральскіе горно-рабочіе, приписанные къ заводамъ на положеніи крѣпостныхъ крестьянъ, несли тогда настоящую каторжную работу и терпѣли всякія притѣсненія отъ владѣльцевъ заводовъ и отъ начальства. Они возстали всѣ поголовно, когда къ нимъ явился Хлопуша. Хлопуша самъ работалъ когда-то на уральскихъ заводахъ и хорошо зналъ заводскую жизнь. Поднявъ всѣхъ заводскихъ крестьянъ и истребивъ все заводское начальство, Хлопуша роздалъ рабочимъ оружіе, набралъ изъ нихъ войско и сталъ лить для Пугачева пушки на Петровскомъ заводѣ.

Зарубинъ дѣйствовалъ въ башкирскихъ степяхъ, въ теперешней Уфимской губерніи. Онъ разослалъ по всѣмъ деревнямъ воззваніе, въ которомъ обѣщалъ крестьянамъ отъ имени Петра Третьяго избавленіе отъ рабства: „Всему свѣту извѣстно,—писалъ онъ,—сколько во изнуреніе приведена Россія; а отъ кого — вамъ самимъ то не безъизвѣстно. Дворянство обладаетъ крестьянами, и хотя въ законѣ божіемъ написано, чтобы они крестьянъ такъ же содержали, какъ и дѣтей, но они не только за работника,

но хуже почитаютъ собакъ своихъ. Компанейщики завели премножество заводовъ и такъ крестьянъ работой угнетаютъ, что и въ ссылкахъ того никогда не бывало, да и нѣтъ. А не было ли, съ женами и дѣтьми малолѣтними ко Господу слезъ?"

Воззваніе это имѣло большой успѣхъ. Простой народъ читалъ его и готовъ былъ оказать Пугачеву всякое содѣйствіе, желая ему полнаго успѣха. Самъ Пугачевъ осаждалъ въ это время Оренбургъ. У него уже было пятнадцать тысячъ войска и 86 пушекъ. Онъ жилъ со своимъ главнымъ штабомъ въ селѣ Берды, въ семи верстахъ отъ Оренбурга.

Когда въ Петербургъ пришло извѣстіе о томъ, что дѣлалось за Волгой, то Екатерина очень встревожилась, тѣмъ болѣе, что война съ Турціей еще не была окончена, и всѣ ея войска находились за Дунаемъ.

Сначала она выслала противъ Пугачева генерала Кара, но Хлопуша разбилъ его, и генералъ Каръ долженъ былъ отступить. Въ это же время Пугачевъ окружилъ отрядъ другого генерала, Чернышева, который подошелъ къ Оренбургу. Весь отрядъ былъ взятъ въ плѣнъ, Чернышевъ и его 32 офицера были повѣшаны, а солдаты перешли на службу къ Пугачеву.

Тогда Екатерина увидѣла, что дѣло принимаетъ опасный оборотъ. Она написала главнокомандующему дунайской арміей, чтобы онъ торопился заключить миръ съ Турціей и прислалъ-бы въ Петербуръ Суворова, а тѣмъ временемъ выбрала самаго умнаго изъ своихъ приближенныхъ, генерала Бибикова, и послала его усмирять пугачевскій бунтъ.

Бибиковъ пріѣхалъ въ Казань и засталъ тамъ полное разстройство. Казанскій губернаторъ трусилъ, и всѣ чиновники его обманывали. «Воеводы и гражданскіе начальники»,— писалъ Бибиковъ императрицѣ,—«изъ многихъ мѣстъ отъ страху удалились, оставя города и свои управленія на расхищеніе злодѣямъ». Бибиковъ созвалъ въ Казань все окрестное дворянство и убѣждалъ ихъ помочь ему справиться съ Пугачевымъ.

«Господа»,—говорилъ онъ—«я совершенно не понимаю, какъ вы спокойно смотрите на бунтъ, словно дѣло васъ вовсе не касается. Возстаніе Пугачева для васъ, дворянства

и богатыхъ, можетъ быть, еще опаснѣе, чѣмъ для императрицы. Это бунтъ бѣдныхъ противъ богатыхъ, холоповъ противъ господъ. Вѣдь если правительство погибнетъ, погибнете и вы. И наоборотъ: покуда будетъ цѣло правительство, до тѣхъ поръ будетъ цѣло и русское дворянство. А вы, вмѣсто того чтобы помогать правительству, бѣжите, словно зайцы. Вѣдь вамъ, господа, бѣжать некуда. Нынче мятежъ на Уралѣ, а завтра онъ будетъ въ Казани, послѣ завтра—въ Москвѣ. Вездѣ по Руси есть крѣпостные и господа; вездѣ крѣпостные ненавидятъ господъ».

Тогда дворянство рѣшило поставить на свой счетъ конный корпусъ, набравъ по одному человѣку съ каждыхъ двухсотъ своихъ крестьянъ. Императрица объявила, что она также казанская помѣщица, и велѣла дворцовому управленію произвести наборъ рекрутовъ въ ея казанскихъ помѣстьяхъ. За поимку Пугачева была объявлена награда въ пятьдесять тысячъ рублей (двѣсти пятьдесятъ тысячъ на теперешнія деньги).

Наконецъ былъ заключенъ миръ съ Турціей, и въ началѣ января 1774 года стали подходить правительственныя войска. Между тѣмъ Пугачеву все еще не удавалось взять Оренбурга. Онъ потерпѣлъ пораженіе подъ Татищевой крѣпостью и долженъ былъ снять осаду. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ онъ снова потерпѣлъ пораженіе и тогда бѣжалъ въ Башкирію. Войска его были разсѣяны, и многіе попались въ плѣнъ. Екатерина вздохнула свободно, дворяне ободрились, всѣ думали, что дѣло кончено.

Но имъ еще рано было радоваться. Пугачевъ еще былъ живъ, и у него вездѣ являлись новыя шайки. «Не Пугачевъ важенъ»,—писалъ Екатеринѣ Бибиковъ,—«а важно общее народное негодованіе». Полковникъ Михельсонъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ гонялся за Пугачевымъ по Башкиріи и по всему Уралу, но не могъ его настигнуть. Мятежники не собирались теперь въ одну армію, а дѣйствовали въ разсыпную, небольшими отрядами. Михельсонъ часто наносилъ имъ пораженія, но они дрались съ большимъ упорствомъ и не отдавались живыми въ руки.

Въ маѣ Пугачевъ вдругъ появился у Магниной крѣпости, находившейся за Уральскими горами, и взялъ ее. Затѣмъ онъ опять потерпѣлъ пораженіе и ушелъ на рѣку

Міасъ, гдѣ собралъ новое ополченіе. Оттуда онъ перешелъ за Каму, взялъ города Бирскъ и Осу. Тогда передъ нимъ открылась свободная дорога къ Казани.

Въ Казани было тогда до шести тысячъ дворянского войска. Пугачевъ послалъ губернатору приказъ сдать городъ, но губернаторъ рѣшилъ защищаться. Тогда Пугачевъ пошелъ на приступъ. Городъ былъ взятъ имъ и разграбленъ.

На другой день послѣ того, 12-го іюля, къ Казани подошелъ гнавшійся за Пугачевымъ полковникъ Михельсонъ. Пугачевъ вышелъ изъ города, и вотъ, въ семи верстахъ отъ него, при селѣ Царицынѣ произошло кровопролитное сраженіе, кончившееся не въ пользу Пугачева. Но черезъ три дня у него уже снова было пятнадцать тысячъ войска, и онъ попытался еще разъ овладѣть Казанью. На этотъ разъ онъ потерпѣлъ, однако, рѣшительное пораженіе, и Казань осталась въ рукахъ правительства,

Но зато Пугачеву была открыта теперь дорога на Москву, такъ какъ всѣ царскіе войска находились за Волгой. И вотъ Пугачевъ рѣшилъ переправиться на другой берегъ Волги и проникнуть въ самое сердце крѣпостной Россіи. Онъ перешелъ Волгу неподалеку отъ Сундыря и сейчасъ же разослалъ по всѣмъ окрестнымъ деревнямъ и по всѣмъ губерніямъ манифестъ, въ которомъ объявлялъ свободу всему закрѣпощенному населенію и разрѣшалъ мужикамъ грабить и убивать помѣщиковъ, — «противниковъ нашей власти», какъ было сказано въ манифестѣ, «возмутителей имперіи и разорителей крестьянъ».

Тогда все крестьянское населеніе Пензенской, Симбирской, Тамбовской и Саратовской губерній, давно уже слѣдившее за тѣмъ, что происходило за Волгой, поголовно возстало противъ помѣщиковъ. Пугачева всюду встрѣчали съ радостью, и никто ему не оказывалъ сопротивленія. Онъ взялъ города Курмышъ, Алатырь и Саранскъ, гдѣ повѣсилъ предводителя дворянства и еще 62 человѣка. Изъ Саранска онъ разослалъ, 31 іюля, слѣдующій манифестъ:

«Жалуемъ симъ именнымъ указомъ всѣхъ крестьянъ, находившихся до сихъ поръ въ подданствѣ у помѣщиковъ, быть вѣрноподданными нашей собственной коронѣ и награждаемъ древнимъ крестомъ и бородами, вольностью и

свободою, вѣчно казаками, не требуя рекрутскихъ наборовъ, подушныхъ и прочихъ денежныхъ податей; награждаемъ владѣніемъ землями, лѣсными, сѣнокосными угодьями и рыбными ловлями, безъ податей и безъ оброку, и освобождаемъ отъ всѣхъ чинимыхъ прежде отъ злодѣевъ-дворянъ и судей-мздоимцевъ податей и отягощеній».

Отъ Саранска Пугачевъ пошелъ въ Пензу, а оттуда къ Саратову. Мятежъ разливался все шире и шире; со всѣхъ сторонъ присоединялись шайки крестьянъ; города сдавались безпрепятственно, такъ какъ некому было защищать ихъ. Саратовъ сдался послѣ очень слабаго сопротивленія. Здѣсь Пугачевъ держалъ такую рѣчь къ народу:

«Я вашъ законный императоръ. Жена моя увлеклась на сторону дворянъ, и я поклялся передъ Богомъ истребить всѣхъ ихъ до одного. Они склонили ее, чтобы всѣхъ васъ отдать въ рабство, но я этому воспротивился, и они возненавидѣли меня, подослали убійцъ, но Богъ спасъ меня».

При такихъ словахъ у крестьянъ радостно забились сердца. Читая манифесты Пугачева, они говорили: «Колибы намъ Богъ далъ хоть одинъ годъ на волѣ пожить; теперь всѣ мы измучены».

«Настали, знать, для господъ послѣднія времена»,— говорилъ тогда какой-то крестьянинъ барину;—«теперь мы у васъ больше не подъ началомъ, прошла ваша пора!» Многіе изъ крестьянъ вѣрили, что Пугачевъ дѣйствительно императоръ Петръ Третій.

Мы видѣли, что Пугачевъ приказывалъ въ своемъ манифестѣ ловить помѣщиковъ, казнить ихъ и вѣшать. У сотоварищей Пугачева была мысль истребить все дворянство на Руси, а потомъ завести новые порядки: «Руби столбы, заборы повалятся», говорили они. И вотъ крестьяне, исполняя царскій указъ, стали хватать дворянъ и приводить ихъ къ Пугачеву, а тѣхъ дворянъ, которые отличались жестокостью, истребляли сами. Помѣщики укрывались, сколько могли, по лѣснымъ трущобамъ; нѣкоторые изъ нихъ переодѣвались въ крестьянское платье. Такихъ узнавали по рукамъ или заставляли исполнять крестьянскую работу: неумѣвшихъ взяться за цѣпъ или за косу убивали. Всѣхъ дворянъ погибло тогда болѣе полуторыхъ тысячъ обоего пола. Мятежъ распространился на Тамбовскую губернію и уже

приближался къ Москвѣ. Пугачевъ велъ переписку съ московскими раскольниками. «Холопы и фабричные, и вся многочисленная чернь московская»,—писалъ тогда одинъ московскій житель,—«шатаясь по улицамъ, почти явно оказываютъ буйственное свое расположеніе и приверженность къ самозванцу». Многіе изъ дворянъ уже стали перебираться изъ Москвы въ Тверь. Въ Тулѣ также опасались волненій между оружейными мастерами. Въ Коломнѣ, когда тамъ былъ полученъ приказъ Екатерины снарядить отрядъ изъ крестьянъ противъ Пугачева и когда начальникъ отряда сталъ увѣщать крестьянъ драться хорошенько, одинъ изъ нихъ отвѣтилъ: «Сталъ-бы я бить свою братію! Вотъ васъ, бояръ, такъ готовъ десятерыхъ посадить на копье».

Но время между тѣмъ проходило, и войска, вызванныя изъ Турціи, все прибывали и прибывали. Екатерина выписала даже Суворова, чтобы поймать Пугачева и усмирить крестьянское возстаніе. У Пугачева же не хватило рѣшимости прямо двинуться на Москву. Онъ изъ Саратова повернулъ къ Дону и уже сталъ подумывать о томъ, чтобы пробраться за Кубань. Это очень повредило всему его дѣлу. Донскіе казаки не тронулись и остались вѣрными Екатеринѣ, которая заранѣе постаралась задобрить ихъ всякими обѣщаніями. Кромѣ того, на Дону стали встрѣчаться старые знакомые Пугачева, которые узнавали его; вслѣдствіе этого среди пугачевцевъ стало все больше и больше возникать сомнѣніе насчетъ ихъ предводителя,—особенно послѣ того, какъ онъ, по своей безграмотности, отказался подписать собственноручно манифестъ къ донскимъ казакамъ. И вотъ у главныхъ сообщниковъ Пугачева уже стала являться мысль схватить его и выдать властямъ.

Съ Дона Пугачевъ повернулъ къ Камышину, взялъ Дубовку, а 21 августа подошелъ къ городу Царицыну Царицынъ не сдался Пугачеву; въ немъ укрѣпился храбрый полковникъ Цыплетевъ. Въ то же время Пугачевъ узналъ о приближеніи Михельсона и отступилъ къ Сарептѣ. Здѣсь 24 августа, недалеко отъ Чернаго Яра, произошло жестокое сраженіе, въ которомъ Михельсонъ одержалъ побѣду. До двухъ тысячъ пугачевцевъ было убито, а шесть тысячъ попало въ плѣнъ. Эта послѣдняя неудача рѣшила

судьбу Пугачева. Онъ бѣжалъ за Волгу, въ уральскія степи, и думалъ перебраться на зиму къ Каспійскому морю; но его главные сообщники, Чумаковъ, Твороговъ, Федульевъ и Желѣзновъ уже рѣшились тогда выдать его властямъ, чтобы спасти свои головы.

— Будетъ намъ ѣздить за тобой; пора и тебѣ поѣхать за нами,—сказали они ему.

Они схватили его, посадили на лошадь и повезли въ Яицкій городокъ, гдѣ сдали капитану Симонову. Туда, какъ разъ въ это время, пріѣхалъ Суворовъ, но дѣло обошлось безъ него.

Пугачева посадили въ желѣзную клѣтку, поставленную на телѣгу, и повезли въ Москву. Въ Москвѣ его содержали въ особомъ помѣщеніи подъ строгимъ карауломъ, прикованнаго желѣзною цѣпью къ стѣнѣ.

Его судила особая комиссія изъ сенаторовъ, членовъ синода, министровъ и генераловъ. Судъ приговорилъ четвертовать Пугачева, голову его воткнуть на колъ, а части тѣла развести по четыремъ концамъ Москвы, положить на костры и сжечь. Зимовейскую станицу, гдѣ родился Пугачевъ, велѣно было переименовать въ Потемкинскую, рѣку Яикъ велѣно было называть Ураломъ, а Яицкій городомъ—Уральскомъ. Всѣ сообщники Пугачева были также присуждены къ четвертованію.

Крестьяне, возставшіе въ разныхъ мѣстахъ противъ своихъ помѣщиковъ, были усмирены войсками Екатерины; всѣ ихъ полчища были одно за другимъ разбиты и разсѣяны. Въ одной Пензенской губерніи были уничтожены двадцать пугаческихъ шаекъ, въ Тамбовской губерніи—шесть, въ теперешней Уфимской губерніи—восемь.

Графъ Панинъ, который заступилъ мѣсто умершаго Бибикова, предписалъ казнить лютою смертью всѣхъ крестьянъ, убивавшихъ помѣщиковъ или выдававшихъ ихъ Пугачеву. Остальныхъ велѣно было бить жестоко плетьми подъ висѣлицами. Въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ нельзя было доискаться виновныхъ въ убійствѣ дворянъ, Панинъ приказалъ вѣшать по жребію третьяго, а остальныхъ бить плетьми. Усмиренныхъ и избитыхъ крестьянъ велѣно было приводить къ присягѣ въ томъ, что они будутъ повино-

ваться начальству и помѣщикамъ. Сколько было тогда перевѣшано и перебито крестьянъ—никто не считалъ.

* * *

Такъ кончился этотъ страшный пугачевскій бунтъ, продолжавшійся безъ малого два года и оставившій по себѣ на долгое время память, какъ среди народа, такъ и среди дворянъ. У крестьянъ не хватило тогда силы сбросить съ себя дворянское ярмо, но они все-таки жестоко отомстили своимъ злодѣямъ.

«Я не воронъ» — говорилъ Пугачевъ на допросѣ — «я только вороненокъ; настоящій воронъ еще летаетъ по поднебесью». Такъ и пугачевскій бунтъ еще не былъ настоящимъ народнымъ возстаніемъ. Крестьяне еще вѣрили тогда въ царское имя. Они шли за Пугачевымъ, какъ за царемъ Петромъ Третьимъ; они присоединялись къ его царскому войску и избивали помѣщиковъ по его царскому приказу. Въ то же самое время другія царскія войска шли избивать крестьянъ и защищать помѣщиковъ—также отъ царскаго имени. Выходила поэтому невообразимая путаница, такая же путаница, какая была тогда въ головахъ у самихъ крестьянъ, которые ненавидѣли дворянство и въ то же время вѣрили въ царя Петра Третьяго, перваго дворянина и помѣщика—какъ своего защитника и покровителя. При такой путаницѣ въ понятіяхъ не могло выйти большого толка изъ пугаческаго бунта, хотя онъ охватилъ тогда собою почти всю Россію. Настоящее народное возстаніе начнется лишь тогда, когда рабочій народъ будетъ вести борьбу не по царскому приказу, а отъ своего собственнаго имени, за свое собственное дѣло, и когда онъ будетъ добиваться не восшествія на престолъ новаго самодержавнаго императора, а созыва всеобщаго земскаго собора и установленія свободнаго народнаго правительства.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Откуда появились въ Россіи богатые помѣщики.

Мы видѣли, что Екатерина Вторая хотѣла утвердиться на престолѣ при помощи дворянства; простой же народъ

она хотѣла держать въ страхѣ и въ полномъ повиновеніи. Такова была ея государственная политика. Вотъ почему она не только усилила власть помѣщиковъ надъ крестьянами, но старалась также умножить число богатыхъ дворянъ. Съ этою цѣлью она съ самаго своего вступленія на престолъ стала раздавать дворянамъ казенныя земли и казенныхъ крестьянъ. Благодаря такой щедрости, въ ея тридцати-четырехлѣтнее царствованіе на Руси появилось множество новыхъ помѣщиковъ. Это было настоящее расхищеніе обще-народнаго богатства въ пользу дворянскаго сословія. Наши богатые дворяне считаютъ теперь себя законными землевладѣльцами; а если спросить, какими путями попала земля въ руки ихъ предковъ, то и окажется, что попала она къ нимъ безъ всякихъ трудовъ и безъ всякихъ заслугъ съ ихъ стороны, а по одному слову какой-нибудь щедрой царицы.

Мы уже знаемъ, что тотчасъ же послѣ насильственнаго захвата престола Екатерина поспѣшила назначить большія награды своимъ главнымъ сообщникамъ. Вотъ полный списокъ этихъ наградъ:

Графамъ Разумовскому и Панину и князю Волконскому была назначена ежегодная пенсія въ тридцать пять тысячъ рублей каждому (на наши деньги).

Генералу Вадковскому—восемьсотъ душъ крестьянъ.

Братьямъ Григорію и Алексѣю Орловымъ по восьмисотъ душъ крестьянъ каждому.

Капитану Пассеку сто шестьдесятъ тысячъ рублей.

Поручику Протасову восемьсотъ душъ крестьянъ.

Поручикамъ Барятинскому и Черткову и капитану Ѳедору Орлову по восьмисотъ душъ крестьянъ каждому.

Князю Голицыну сто шестьдесятъ тысячъ рублей деньгами.

Капитану Вырубову и ротмистру Хитрово по восьмисотъ душъ крестьянъ каждому.

Капитану Бредихину сто двадцать тысячъ рублей деньгами.

Капитану Баскакову, поручикамъ Дубянскому и Ступишину по шестисотъ душъ крестьянъ каждому.

Капитанамъ Обухову и Ржевскому по сто двадцати тысячъ рублей каждому.

Графу Мусину-Пушкину, поручикамъ Несвицкому, Дубенскому, Бибикову и Всеволожскому —по шестисотъ душъ каждому.

Подпоручику Потемкину четыреста душъ крестьянъ.

Прапорщикамъ Сергѣю и Ильѣ Всеволожскимъ по шестисотъ душъ крестьянъ каждому.

Ѳедору и Григорію Волковымъ пожаловано дворянство и семьсотъ душъ крестьянъ.

Евреинову—дворянство и триста душъ крестьянъ.

Княгинѣ Дашковой сто шестьдесятъ тысячъ рублей.

Фрейлинѣ Шаргородской семьдесятъ тысячъ рублей.

Дѣйствительному статскому совѣтнику Теплову сто сорокъ тысячъ рублей.

Статскому совѣтнику Еропкину восемьдесятъ душъ крестьянъ.

Лакею Шкурину тысячу душъ крестьянъ.

Такимъ образомъ, въ первый-же мѣсяцъ своего царствованія Екатерина Вторая роздала, кромѣ денегъ, около восемнадцати тысячъ душъ казенныхъ крестьянъ. Такое начало не обѣщало ничего путнаго, и, дѣйствительно, русскими историками высчитано, что всего на всего Екатериною было роздано въ ея царствованіе болѣе восьмисотъ тысячъ душъ казенныхъкрестьянъ, вмѣстѣ съ казенными землями, конечно. При этомъ многіе изъ этихъ казенныхъ земель и казенныхъ крестьянъ попали въ руки многочисленныхъ любовниковъ императрицы, которая очень часто мѣняла ихъ.

Екатерина Вторая вступила на престолъ еще молодой женщиной и по числу своихъ любовниковъ была одною изъ самыхъ распутныхъ женщинъ въ мірѣ. Намъ конечно не было бы никакого дѣла до ея домашней жизни и мы не стали-бы упоминать здѣсь объ ея любовникахъ, если-бы эти многочисленные любовники не обошлись слишкомъ дорого русскому народу.

Первымъ любовникомъ императрицы былъ, какъ мы знаемъ, Григорій Орловъ, отъ котораго она имѣла сына еще при жизни своего мужа. И вотъ, вся семья Орловыхъ получила въ ея царствованіе ни болѣе, ни менѣе, какъ сорокъ пять тысячъ душъ крестьянъ и восемьдесятъ пять милліоновъ рублей деньгами и разными драгоцѣнными вещами. Немудрено поэтому, что потомки этихъ Орловыхъ,

теперешніе графы Орловы-Давыдовы, владѣютъ огромными помѣстьями въ Саратовской и другихъ губерніяхъ.

Вторымъ любовникомъ Екатерины былъ князь Васильчиковъ, пользовавшійся ея милостями годъ и девять мѣсяцевъ. За это короткое время онъ получилъ отъ нея пятьсотъ тысячъ рублей деньгами, на пятьсотъ тысячъ драгоцѣнныхъ вещей и серебряной посуды да еще семь тысячъ душъ крестьянъ. Кромѣ того, послѣ отставки отъ должности царицына любовника, ему была назначена пенсія въ сто тысячъ рублей въ годъ.

Послѣ отставки Васильчикова, его мѣсто занялъ гвардейскій поручикъ, Григорій Потемкинъ, который сдѣлался потомъ княземъ и первымъ вельможей въ государствѣ. Онъ состоялъ любовникомъ ровно два года и за это время получилъ отъ императрицы сорокъ пять милліоновъ деньгами и тридцать семь тысячъ душъ крестьянъ. Но Потемкинъ былъ крупный звѣрь. Онъ не отошелъ просто въ сторону, когда наскучилъ Екатеринѣ, а занялъ высшія должности въ государствѣ. Онъ былъ назначенъ главнокомандующимъ всѣми войсками, посланными въ Турцію, и, пользуясь огромною властью, распоряжался государственною казною, какъ своею собственною. Его роскошь и его причуды удивляли всѣхъ даже въ то расточительное время. Одинъ его парадный шитый золотомъ кафтанъ съ драгоцѣнными камнями цѣнился болѣе чѣмъ въ милліонъ рублей. На одинъ свой столъ, даже при тогдашней дешевизнѣ съѣстныхъ припасовъ, онъ издерживалъ по четыре тысячи рублей въ день.

Послѣ Григорія Потемкина, любовникомъ Екатерины сдѣлался дворянинъ Завадовскій, возведенный потомъ въ графское достоинство. Онъ получилъ отъ императрицы четыреста тысячъ рублей деньгами, двѣ тысячи душъ крестьянъ и пожизненную пенсію въ двадцать пять тысячъ рублей въ годъ.

Въ 1778 году Потемкинъ, не любившій Завадовскаго и желавшій отдалить его отъ Екатерины, приблизилъ ко двору красиваго серба Зорича. Этотъ Зоричъ былъ сынъ сербскаго крестьянина и еще мальчикомъ попался въ плѣнъ къ туркамъ. Ему удалось убѣжать изъ плѣна и поступить на русскую службу. Какъ только Екатерина увидѣла кра-

савца Зорича, она немедленно же удалила Завадовскаго и сдѣлала Зорича своимъ любовникомъ. Зоричъ состоялъ при императрицѣ всего одиннадцать мѣсяцевъ, но ни одинъ изъ ея любовниковъ не получилъ отъ нея въ такое короткое время столько богатствъ, сколько получилъ этотъ Зоричъ. Ему подарена была въ Лифляндіи земля, стоившая шестьсотъ тысячъ рублей, и при этомъ еще деньгами четыреста тысячъ рублей; затѣмъ ему былъ подаренъ великолѣпный домъ въ Петербургѣ, около Зимняго дворца, а въ придачу къ дому двѣсти тысячъ рублей на первое обзаведеніе и милліонъ двѣсти тысячъ на уплату долговъ. Наконецъ, Екатерина подарила ему мѣстечко Шкловъ, около Могилева, которое она купила у князя Чарторижскаго за два съ половиною милліона рублей.

Послѣ Зорича, наложникомъ Екатерины сдѣлался Римскій-Корсаковъ. Этотъ получилъ отъ нея четыре тысячи душъ крестьянъ и около двухъ милліоновъ деньгами.

За Корсаковымъ слѣдовали по очереди—Ланской, Ермоловъ, Дмитрій Мамоновъ и Платонъ Зубовъ. Всѣ они также получили отъ императрицы огромныя помѣстья, милліоны денегъ и генеральскіе чины или графское достоинство.

У всѣхъ этихъ «случайныхъ» людей, какъ ихъ называли тогда, которымъ прямо сыпались милліоны въ руки, были, разумѣется, родственники и прихлебатели. Они также получали, благодаря вліянію любовниковъ царицы, разныя выгодныя должности и, пользуясь покровительствомъ сильныхъ людей, безнаказанно грабили народъ, грабили казну, захватывали казенныя земли, становились помѣщиками и получали въ свое владѣніе крѣпостныя крестьянскія души.

Вотъ что писалъ объ этомъ извѣстный всему свѣту Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ:

„Екатерина знала плутни и грабежи своихъ любимцевъ, но молчала. Ободренные таковою слабостью, они не знали мѣры своему корыстолюбію, и самые отдаленные родственники временщика съ жадностью пользовались краткимъ его царствованіемъ. Отселѣ произошли сіи огромныя владѣнія вовсе неизвѣстныхъ фамилій".

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Новиковъ и Радищевъ.

Мы уже говорили, что русскіе цари были вынуждены открыть въ Россію доступъ наукѣ для своихъ собственныхъ надобностей. Имъ нужны были ученые офицеры, ученые мастера и служащіе. Безъ ученыхъ людей царское правительство не въ силахъ было бы справиться со всѣми своими государственными дѣлами. Вслѣдствіе этого цари волей-неволей должны были открывать университеты, посылать заграницу молодыхъ русскихъ учениковъ, разрѣшить печатать ученыя книги. А тогда, вмѣстѣ съ казенной наукой, въ Россію проникла и свободная наука. Науку нельзя вогнать въ казенныя рамки; отъ науки нельзя взять только одно то, что выгодно самому начальству, а все остальное устранить. И вотъ, еще при Екатеринѣ Великой въ Россіи стали появляться ученые люди, которые обращали науку на служеніе не правительству, а всему народу. Такими людями при Екатеринѣ были Новиковъ и Радищевъ.

Николай Ивановичъ Новиковъ родился въ дворянской семьѣ, учился въ школѣ при московскомъ университетѣ, а потомъ поступилъ на военную службу въ петербургскую гвардію. Но вмѣсто того, чтобы вести праздную офицерскую жизнь, онъ читалъ книги и пополнялъ свое образованіе. Когда Екатерина созвала въ Москву разныхъ депутатовъ для обсужденія новаго Уложенія Законовъ, то Новикова пригласили туда въ секретари, какъ человѣка умнаго и образованнаго. Здѣсь онъ хорошо познакомился съ русскими законами, а также съ грубостью и невѣжествомъ высшаго русскаго дворянства. Онъ увидалъ, напримѣръ, что изъ всѣхъ тогдашнихъ вельможъ только двое, Потемкинъ и Безбородко, умѣли писать по русски безъ грубыхъ ошибокъ.

Кончивъ службу въ этой комиссіи, Новиковъ вышелъ въ отставку и сталъ издавать газету, гдѣ въ шутливой формѣ осмѣивалъ русскіе порядки и дворянскіе нравы. Вотъ что онъ печаталъ напримѣръ, въ этой газетѣ:

«На дняхъ прибыли въ Петербургъ французскіе корабли; на нихъ привезены: французскіе шпаги разныхъ сортовъ,

табакерки черепаховыя, кружева, бахромы, манжеты, ленты, пряжки, шляпы и другія необходимыя вещи; а изъ Петербурга тѣ корабли повезутъ заграницу разныя домашнія бездѣлицы, какъ-то: пеньку, желѣзо, юфть, сало, свѣчи, полотно и прочее. Многіе наши дворяне смѣются надъ глупыми французами, что они мѣняютъ свои модные товары на наши бездѣлицы».

Въ другой разъ онъ напечаталъ такое объявленіе:

«Желающіе смотрѣть молодого поросенка, который, объѣздивъ съ пользою чужія земли, вернулся уже совершенною свиньею, могутъ видѣть его безденежно по многимъ улицамъ сего города».

Или печаталъ такое объявленіе: «Недавно пожалованный воевода отъѣзжаетъ въ назначенное ему мѣсто и для облегченія въ пути продаетъ свою совѣсть. Желающіе купить могутъ его сыскать въ здѣшнемъ городѣ».

Но особенно онъ нападалъ на крѣпостное право. Онъ изображалъ въ своей газетѣ помѣщика Змѣина, который хотѣлъ, чтобы крестьяне «боялись его взора, чтобы они были голодны, наги и босы, и чтобы одна жестокость держала сихъ звѣрей въ порядкѣ и послушаніи».

«Безразсудный!—говоритъ дальше Новиковъ,—«развѣ ты не знаешь, что твои крестьяне больше походятъ на людей, нежели ты самъ!» Затѣмъ онъ предлагаетъ Змѣину «каждый день по два раза разсматривать кости господскія и крестьянскія, до тѣхъ поръ пока найдетъ различіе между ними».

Такія правдивыя рѣчи были, конечно, не по нраву Екатеринѣ и петербургскимъ вельможамъ; вслѣдствіе этого Новиковъ скоро долженъ былъ прекратить свою газету. Тогда онъ переѣхалъ изъ Петербурга въ Москву и завелъ тамъ собственную типографію. Въ этой типографіи онъ сталъ печатать разныя полезныя книги, главнымъ образомъ, переведенныя съ иностранныхъ языковъ, и разсылалъ эти книги для продажи по всѣмъ губернскимъ городамъ. Онъ поставилъ это дѣло на широкую ногу, и его книги стали расходиться въ большомъ количествѣ, содѣйствуя просвѣщенію русскаго общества. Около Новикова собралось тогда еще нѣсколько честныхъ и умныхъ людей, которыхъ привлекло къ нему затѣянное имъ хорошее дѣло. Одинъ изъ нихъ, сынъ богача Татищева, отдалъ въ распоряженіе

Новикова большую часть своего состоянія. Тогда Новиковъ и его друзья основали въ Москвѣ Дружеское Общество съ большимъ капиталомъ. Отъ имени этого общества они основали высшую школу для подготовленія народныхъ учителей, посылали способныхъ учениковъ учиться за-границу, еще больше расширили типографію и повсюду разсылали свои книги. Цѣль ихъ была распространять всѣми способами въ Россіи просвѣщеніе.

Екатерина смотрѣла съ неудовольствіемъ на эту дѣятельность: она казалась ей опасной; да она и въ самомъ дѣлѣ была опасна для ея власти, основанной не на просвѣщеніи, а на темнотѣ народа. И вотъ императрица рѣшилась уничтожить Дружеское Общество и погубить самого Новикова. Она послала приказъ московскому генералъ-губернатору сдѣлать обыскъ въ типографіи и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Новикова, а его самого отправить къ епископу Платону для испытанія въ вѣрѣ. Екатерина хотѣла обвинить Новикова въ безбожіи и велѣла предложить ему двѣнадцать вопросовъ, на которые онъ долженъ былъ отвѣтить письменно. Но послѣ этого испытанія епископъ Платонъ не могъ самъ не проникнуться уваженіемъ къ Новикову и написалъ Екатеринѣ, что „по совѣсти долженъ молить Бога, чтобы и во всемъ мірѣ были такіе христіане, какъ Новиковъ“.

Екатерина ждала не такого отвѣта и не успокоилась на этомъ. При обыскѣ въ типографіи у Новикова были отобраны нѣкоторыя книги, и ему было запрещено продавать ихъ. Но у него остались такія же книги на дому и въ книжныхъ лавкахъ, и онъ по забывчивости или намѣренно не уничтожилъ ихъ. И вотъ черезъ нѣкоторое время у него снова сдѣлали обыскъ, причемъ нашли эти запрещенныя книги. Кромѣ того полиція перехватила на почтѣ нѣсколько писемъ, посланныхъ ему изъ-заграницы его врагомъ, который нарочно писалъ въ нихъ о какомъ-то тайномъ обществѣ. Тогда Екатерина приказала арестовать Новикова и увезти въ Шлиссельбургскую крѣпость. Его схватили ночью, привезли больного, убитаго горемъ и посадили въ тотъ самый казематъ, гдѣ томился когда-то несчастный сверженный царь Иванъ Антоновичъ.

Черезъ два мѣсяца вышелъ царскій указъ. Новиковъ

былъ названъ въ немъ вреднымъ государственнымъ преступникомъ; онъ обвинялся въ томъ, что печаталъ и продавалъ „непозволенныя, развратныя и противныя закону православному книги". „И хотя онъ не открылъ своихъ тайныхъ замысловъ",— говорилось въ указѣ,—„но всего сказаннаго довольно, чтобы подвергнуть его тягчайшей и нещадной казни". Однако же Екатерина, „слѣдуя своему природному милосердію и желая дать ему время на принесеніе въ своихъ злодѣйствіяхъ покаянія", отмѣнила смертную казнь и приказывала „запереть его на пятнадцать лѣтъ въ Шлиссельбургскую крѣпость".

Въ этой крѣпости Новиковъ просидѣлъ до самой смерти Екатерины. Новый императоръ Павелъ, по вступленіи на престолъ, велѣлъ немедленно же освободить его. Послѣ этого Новиковъ прожилъ еще больше двадцати лѣтъ въ своемъ имѣніи Авдотьинѣ, около Москвы, въ болѣзняхъ и въ крайней бѣдности, ибо арестъ и тюрьма разрушили его здоровье и довели его до полнаго разоренія. Онъ умеръ семидесяти четырехъ лѣтъ отъ роду въ 1818 году.

* * *

Радищевъ, Александръ Николаевичъ, жилъ также въ царствованіе Екатерины Второй. Онъ былъ въ молодости посланъ правительствомъ заграницу для высшаго образованія. Тамъ онъ много учился и вернулся домой проникнутый новыми мыслями.

Вернувшись въ Россію, Радищевъ ужъ не могъ оставаться спокойнымъ зрителемъ того, что происходило вокругъ. Болѣе всего возмущало его сердце положеніе крѣпостныхъ крестьянъ. И вотъ онъ написалъ книгу: «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву», въ которой описывалъ всѣ несчастія и бѣдствія русскихъ земледѣльцевъ. Онъ писалъ эту книгу четыре года, а когда написалъ, то завелъ собственную типографію, самъ отпечаталъ свою книгу и сталъ ее распространять. Тогда еще не было установлено строгихъ цензурныхъ порядковъ, и книга Радищева не была задержана при самомъ ея выходѣ въ свѣтъ. Она стала быстро расходиться по рукамъ, но Екатерина узнала о ней лишь спустя нѣкоторое время. А въ этой книгѣ Радищевъ говорилъ, между прочимъ, слѣдующее:

„Назовемъ-ли счастливою страну, гдѣ сотня гордыхъ дворянъ утопаетъ въ роскоши, а тысячи гражданъ не имѣютъ достаточнаго пропитанія? Кто носитъ между нами оковы, кто ощущаетъ тяжесть неволи? Земледѣлецъ, кормилецъ нашъ, тотъ, кто даетъ намъ здравіе, кто продолжаетъ нашу жизнь.—Кто же имѣетъ ближайшее право на землю, буде не дѣлатель ея? У насъ же онъ не токмо отъ того исключенъ совершенно, но, работая ниву чужую, зависитъ въ своемъ пропитаніи отъ власти другого человѣка. Крестьянинъ въ законѣ мертвъ.—О еслибы рабы, тяжкими узами отягченные, въ отчаяніи своемъ разбили своими цѣпями головы безчеловѣчныхъ господъ своихъ и обагрили ихъ кровію нивы! Что бы тѣмъ потеряло государство?—Еслибы хоть немного имѣли они твердости, то уничтожили бы удручительные помыслы тирановъ своихъ.—Звѣри алчные, піявицы ненасытныя! Что крестьянину вы оставляете? То, чего отнять не можете: воздухъ. Да, одинъ воздухъ, отъемля у него нерѣдко не токмо даръ земли, хлѣбъ и воду, но и самый свѣтъ. Законъ запрещаетъ отнять у крестьянина жизнь, но развѣ только мгновенно; а сколько способовъ отнять ее у него постепенно!—Крестьянинъ въ законѣ мертвъ, сказали мы. Нѣтъ, нѣтъ! Онъ живъ, онъ будетъ, если того восхочетъ!“.

Такая смѣлая, пламенная рѣчь еще въ первый разъ раздалась тогда на Руси. Радищевъ не могъ не знать, что ожидаетъ его, но не устрашился. Онъ хотѣлъ открыто высказать правду.

Какъ только книга Радищева попалась въ руки Екатерины, она не могла придти въ себя отъ гнѣва и испуга. Она даже заплакала.

Радищевъ былъ схваченъ, посаженъ въ крѣпость и осужденъ на смертную казнь. Императрица не рѣшилась однако казнить его, а сослала его „по своему природному материнскому милосердію“ на вѣки въ Сибирь, въ Якутскую область, гдѣ онъ и томился до самой смерти Екатерины. Книга Радищева была отобрана у всѣхъ, у кого могли ее найти, и предана сожженію.

Эта книга до сихъ поръ остается запрещенной въ Россіи. Но она была перепечатана заграницей, въ 1849 году, русскимъ изгнанникомъ Герценомъ. И не мало русскихъ людей,

прочитавшихъ эту книгу, научилось по ней ненавидѣть крѣпостное право. Не читали этой книги только сами русскіе крестьяне, въ защиту которыхъ она написана. Врядъ-ли многіе изъ нихъ даже слышали имя Радищева, имя того человѣка, который, не устрашившись смерти, поднялъ свой голосъ противъ крѣпостнаго рабства.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Императоръ Павелъ и его смерть.

Екатерина Вторая была настоящая дворянская царица. Дворяне возвели ее на престолъ, и она во все свое царствованіе крѣпко держалась за дворянъ. Кромѣ раздачи дворянамъ казенныхъ земель и крестьянъ, и усиленія крѣпостного права, она даровала дворянамъ жалованную грамоту, въ силу которой они получили право выбирать изъ своего дворянскаго сословія предводителей, исправниковъ и уѣздныхъ судей, а также обращаться съ ходатайствами о своихъ нуждахъ прямо къ самому государю. Дворянамъ хорошо жилось при Екатеринѣ, особенно же высшему дворянству при дворѣ, въ Петербургѣ. На нихъ сыпались милости императрицы, и на всѣ ихъ безчинства она смотрѣла сквозь пальцы.

Но наконецъ, въ 1796 году, Екатерина умерла, и на престолъ вступилъ сынъ ея Павелъ. Екатерина не любила своего сына и боялась его. Она боялась, что онъ будетъ мстить ей и ея любовникамъ за смерть своего отца. Павелъ также не любилъ мать. Онъ зналъ, конечно, какъ она попала на престолъ, и видѣлъ, какую жизнь она вела: у него на глазахъ она чуть не каждый мѣсяцъ мѣняла своихъ любовниковъ. Павелъ не могъ не видѣть также, какъ расхищалась при ней государственная казна и какое своеволіе позволяло себѣ высшее дворянство. Нѣкоторые изъ любовниковъ Екатерины, какъ напримѣръ Потемкинъ, обращались грубо даже съ самимъ цесаревичемъ и оскорбляли его.

И вотъ онъ ждалъ съ нетерпѣніемъ, когда дойдетъ до него чередъ царствовать, и когда наконецъ онъ получитъ въ свои руки власть. А ждать ему пришлось долго. Мало

этого: въ послѣдніе годы своей жизни Екатерина собиралась даже лишить его престола и объявить наслѣдникомъ его сына Александра Павловича. Все это чрезвычайно безпокоило и раздражало Павла; онъ чуть не сходилъ съ ума отъ страха и ожиданія.

Наконецъ его часъ пробилъ. Съ Екатериной на шестьдесятъ седьмомъ году случился ударъ. Она лишилась языка. лежала безъ движенія и уже не была болѣе опасна Павлу, Тогда онъ, не дождавшись даже ея смерти, вступилъ на престолъ и съ перваго же дня царствованія точно сорвался съ цѣпи. Вся накопившаяся въ немъ злоба противъ Екатерины и высшаго дворянства вырвалась наружу. Онъ началъ рвать и метать, все передѣлывать и перестраивать по своему, не разбирая, что хорошо, что дурно, только чтобы вышло наперекоръ матери.

Желая отмстить за смерть отца, онъ велѣлъ вырыть изъ могилы его гробъ, поставить его рядомъ съ гробомъ Екатерины и хоронить ихъ вмѣстѣ, причемъ заставилъ Алексѣя Орлова, одного изъ убійцъ Петра Третьяго, итти за гробомъ.

Многіе изъ вельможъ Екатерины были лишены должностей и высланы изъ Петербурга. На все дворянство начались гоненія. Жалованная грамота, данная Екатериной дворянамъ, была отмѣнена. Павелъ отмѣнилъ даже указъ, избавлявшій дворянъ отъ тѣлеснаго наказанія. Въ Петербургѣ всѣ дворяне и ихъ жены должны были при встрѣчѣ съ царемъ выходить изъ своихъ каретъ, снимать шляпы и стоять съ непокрытой головой на улицѣ. Они не смѣли даже одѣваться, какъ хотѣли: не смѣли носить круглыхъ шляпъ и фраковъ. Каждый служащій дворянинъ, даже высшаго чина, могъ всякую минуту ожидать, что его лишатъ всего имущества и сошлютъ въ Сибирь. Павелъ былъ очень вспыльчивъ и въ гнѣвѣ не помнилъ себя. Особенно доставалось отъ него офицерамъ и генераламъ на ежедневныхъ военныхъ парадахъ, куда даже въ сильные морозы всѣ должны были являться въ однихъ мундирахъ. За малѣйшую ошибку во фронтѣ виновному грозило жестокое наказаніе. Въ теченіе своего четырехлѣтняго царствованія, Павелъ выгналъ со службы семь фельдмаршаловъ, триста генераловъ и свыше двухъ тысячъ простыхъ офицеровъ,

причемъ многіе попали въ крѣпость или въ ссылку. Онъ навелъ страхъ на весь Петербургъ; всѣ трепетали передъ нимъ, даже его жена и дѣти, а особенно старшій его сынъ Александръ, любимецъ Екатерины.

Но при всемъ томъ Павелъ былъ иногда добръ и справедливъ. Такъ, напримѣръ, онъ освободилъ изъ крѣпости Новикова и вернулъ изъ ссылки Радищева. Онъ запретилъ помѣщикамъ заставлять крестьянъ работать по воскресеньямъ и требовать съ нихъ больше трехъ дней барщины въ недѣлю. Онъ велѣлъ также прекратить гоненія на старообрядцевъ. Случалось иногда, что онъ самъ сознавался въ своей ошибкѣ и тогда просилъ у обиженнаго извиненія. Но такія хорошія минуты находили на него рѣдко. Гораздо чаще онъ давалъ волю свою бѣшеному и сумасбродному характеру.

Не надо думать также, чтобы его дикое самовластіе обрушивалось только на дворянъ и военныхъ: съ крестьянами онъ еще менѣе церемонился. Не говоря уже о томъ, что онъ нисколько не думалъ объ отмѣнѣ крѣпостного права и что онъ, напротивъ того, самъ, въ свое короткое царствованіе, роздалъ дворянамъ болѣе шестисотъ тысячъ крестьянскихъ душъ, — онъ обращался съ крестьянами, какъ настоящій потомокъ московскихъ великихъ князей, бывшихъ ставленниковъ татарскаго хана. Вотъ одинъ изъ такихъ случаевъ.

Въ Новгородской губерніи, въ царствованіе Екатерины, было много сектантовъ—духоборцевъ. Ихъ главный духовный руководитель, старый ямской голова, пользовался огромнымъ почетомъ среди всего окружающаго населенія. Онъ жилъ на почтовомъ трактѣ; и вотъ Павелъ, когда ѣхалъ короноваться изъ Петербурга въ Москву, велѣлъ позвать къ себѣ старика, Такъ какъ духоборцы считаютъ всѣхъ людей равными и не передъ кѣмъ не снимаютъ шапки, то сѣдовласый старецъ подошелъ къ царю съ покрытой головой. Этого Павелъ не могъ, конечно, выдержать.

„Передъ кѣмъ ты стоишь въ шапкѣ?“—закричалъ онъ въ бѣшеной ярости;—„Ты знаешь меня?“

—„Знаю“,—отвѣчалъ спокойно старикъ;—„ты—Павелъ Петровичъ.“

— „Въ цѣпи его, въ каторжную работу, въ рудники!“— снова закричалъ Павелъ. Старика схватили; но этого мало: Павелъ приказалъ зажечь съ четырехъ концовъ село, въ которомъ жилъ старикъ, а всѣхъ крестьянъ выслать въ Сибирь на поселеніе. На слѣдующей станціи однако самодержавный самодуръ нѣсколько отрезвѣлъ; это была его первая поѣздка по Россіи, и онъ понялъ, что нельзя начинать свое знакомство съ народомъ, выжигая селенія и ссылая безъ суда въ рудники. Онъ отмѣнилъ приказаніе насчетъ уничтоженія села, а старика велѣлъ заточить въ монастырь.

Павелъ не терпѣлъ ни малѣйшаго противорѣчія своей царской власти; онъ былъ какъ-бы опьяненъ ею. На крестьянъ же смотрѣлъ, какъ на какихъ-то ничтожныхъ червей, пресмыкающихся у его ногъ, какъ на безсловесныхъ рабовъ, которымъ и въ голову не могло придти, оказать ему неповиновеніе. Но понятно, что больше всего приходилось терпѣть отъ его бѣшенаго характера тѣмъ, кто ближе всего стоялъ къ нему, то есть придворнымъ вельможамъ.

И вотъ нѣкоторые изъ нихъ, чтобы избавиться отъ вѣчнаго страха и трепета, задумали убить царя. Съ этою цѣлью въ Петербургѣ составился заговоръ. Главнымъ руководителемъ этого заговора былъ графъ Паленъ, а помощниками его три брата Зубовыхъ, генералъ Бенигсенъ, полковой командиръ Уваровъ и многіе другіе. Зналъ о намѣреніи заговорщиковъ и старшій сынъ Павла, будущій императоръ Александръ Первый; по крайней мѣрѣ онъ зналъ, что его отца собираются свергнуть съ престола, хотя заговорщики по всей вѣроятности обѣщали ему оставить Павла живымъ. Но вѣдь онъ самъ долженъ былъ понимать, можно-ли полагаться на такое обѣщаніе.

Заговорщики начали съ того, что разными хитростями отстранили отъ Павла особенно преданныхъ ему людей; они постарались даже зародить въ немъ подозрѣніе противъ его собственной жены и тѣмъ самымъ вошли къ нему въ еще большее довѣріе. Умный и коварный графъ Паленъ добился того, что Павелъ назначилъ его петебургскимъ военнымъ губернаторомъ, такъ что въ его рукахъ оказалась вся петербургская полиція. Павелъ чувствовалъ, что затѣвается что-то недоброе противъ него. Незадолго

до своей смерти онъ призываетъ какъ-то къ себѣ Палена и говоритъ ему:

«Знаете-ли, сударь, что теперь дѣлается?»—Знаю.—„А отчего-же вы ничего не предпринимаете, по вашему званію военнаго губернатора? Знаете-ли вы, кто противъ меня въ заговорѣ?»—Знаю, ваше величество! вотъ списокъ заговорщиковъ, и я самъ въ числѣ ихъ. — „Какъ такъ?“— Иначе я не могъ бы узнать всѣ ихъ замыслы. Довѣрьтесь мнѣ, государь.

Павелъ вдался въ этотъ обманъ, но все-таки поспѣшилъ вызвать въ Петербургъ, преданнаго ему душой и тѣломъ, графа Аракчеева; но графъ Паленъ велѣлъ задержать Аракчеева у заставы и не впустилъ его въ Петербургъ. Это было вечеромъ 11 марта 1801 года, а въ ту же ночь, съ 11-го на 12-е марта Павелъ былъ задушенъ въ своемъ новомъ Михайловскомъ дворцѣ.

За ужиномъ въ этотъ вечеръ Павелъ былъ очень веселъ, а его старшій сынъ Александръ сидѣлъ молчаливъ и задумчивъ.

— Что съ тобою сегодня?—спросилъ его отецъ.

— Я несовсѣмъ здоровъ, государь,—отвѣтилъ цесаревичъ.

— Надо лѣчиться, если нездоровъ,—сказалъ Павелъ.

Великій князь ничего не отвѣтилъ, но наклонился и потупилъ глаза.

Вскорѣ послѣ того Павелъ ушелъ въ свои комнаты, ни съ кѣмъ не простившись.

Ночь была холодная и дождливая. Во дворцѣ все затихло. Въ главной караульной комнатѣ дремали конные гвардейцы. Вдругъ вбѣгаетъ къ нимъ лакей Павла въ ужасѣ и кричитъ: „Скорѣе, спасайте царя!“ Дежурный офицеръ обнажилъ шпагу и бросился съ солдатами по парадной лѣстницѣ, которая вела въ царскіе покои. Но въ это время на верхней площадкѣ появляются графъ Паленъ и генералъ Бенигсенъ. Раздается команда: „Караулъ, стой!“ Затѣмъ Паленъ громко говоритъ караулу:

— Государь скончался отъ удара. Теперь у васъ новый императоръ, Александръ Павловичъ.

Такъ кончилось кратковременное царствованіе Павла и началось царствованіе Александра Перваго, который, по-

добно своей бабкѣ, при вступленіи на престолъ перешагнулъ черезъ трупъ убитаго царя. Это не помѣшало, конечно, московскому митрополиту короновать его торжественно царскимъ вѣнцомъ, съ произнесеніемъ обычныхъ лживыхъ словъ, о волѣ провидѣнія, о рукѣ всевышняго и тому подобное.

*
* *

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Царствованіе Александра Перваго.

Александръ Первый вступилъ на престолъ съ очень хорошими намѣреніями. Его учителемъ былъ швейцарецъ Лагарпъ, умный человѣкъ, пріѣхавшій въ Россію изъ свободной страны. Онъ старался внушить своему ученику отвращеніе къ рабству и самовластію, и кое-что изъ его словъ запало въ душу Александра, даже среди праздной придворной жизни.

Будучи уже двадцати-лѣтнимъ наслѣдникомъ престола, Александръ писалъ своему другу, графу Кочубею: «Въ нашихъ дѣлахъ господствуетъ неимовѣрный безпорядокъ; всѣ части управляются дурно; порядокъ изгнанъ отовсюду. При такомъ ходѣ вещей возможно-ли одному человѣку управлять государствомъ, а тѣмъ болѣе измѣнить укоренившіяся въ немъ злоупотребленія? Это выше силъ даже самаго умнаго человѣка, а не только одареннаго, подобно мнѣ, обыкновенными способностями».

У Александра являлась даже мысль отказаться отъ престола. Онъ хотѣлъ уѣхать за границу и жить тамъ простымъ человѣкомъ. Но потомъ онъ измѣнилъ свое намѣреніе. Видя, какое зло причиняетъ Россіи царское самовластіе, онъ рѣшился принять царскую власть, но только затѣмъ, чтобы созвать Земскій Соборъ и передать ему управленіе государствомъ. Онъ писалъ объ этомъ своему учителю Лагарпу, уже уѣхавшему тогда въ Швейцарію, а въ разговорѣ съ молодымъ княземъ Чарторижскимъ говорилъ ему, что «ненавидитъ самодержавную власть». Точно также онъ ненавидѣлъ крѣпостное право и собирался немедленно же по восшествіи на престолъ освободить крестьянъ.

Вотъ съ какими мыслями и намѣреніями вступилъ на престолъ новый молодой царь. Но отъ намѣренія до выполненія разстояніе, какъ извѣстно, большое. Сдѣлавшись самодержавнымъ императоромъ, Александръ увидалъ, разумѣется, что созвать Земскій Соборъ, это не шутка; что тогда и самому царю будетъ во всемъ положенъ предѣлъ; что народные депутаты захотятъ узнать, куда идутъ народныя деньги, что царю уже нельзя будетъ тогда исполнять всякую свою прихоть, а придется во всемъ давать отвѣтъ: почему такъ сдѣлано и полезно-ли это для народа? Словомъ, при Земскомъ Соборѣ царское правительство было-бы всегда на глазахъ у народныхъ представителей и подъ ихъ надзоромъ. А вѣдь наши цари къ этому не привыкли.

И вотъ, когда надо было перейти отъ словъ къ дѣлу, Александръ Первый сталъ медлить и колебаться, сталъ охотно слушать старыхъ придворныхъ совѣтчиковъ, отклонявшихъ его отъ большихъ перемѣнъ, сталъ и самъ мало по малу привыкать къ неограниченному самовластію.

Вмѣсто созыва Земскаго Собора, онъ придумалъ учредить Государственный Совѣтъ, который существуетъ у насъ и до сихъ поръ. Этотъ Государственный Совѣтъ обсуждаетъ новые законы и подаетъ о нихъ свое мнѣніе, причемъ Государь можетъ утвердить это мнѣніе, а можетъ и не утвердить, какъ самъ того пожелаетъ. Но главная-то разница въ томъ, что члены Государственнаго Совѣта избираются не народомъ, а назначаются самимъ же Государемъ, по его собственному выбору, и притомъ назначаются изъ одного только высшаго сословія, изъ высшихъ сановниковъ, изъ князей и графовъ, изъ бывшихъ губернаторовъ, изъ старыхъ чиновниковъ, получающихъ огромное жалованье. Понятно, что отъ такого совѣщательнаго собранія порядки въ государствѣ не могли измѣниться, и все осталось по старому.

То же самое вышло и съ крѣпостнымъ правомъ. Когда новый царь сталъ обсуждать это дѣло, то оказалось, что освободить крестьянъ значитъ обидѣть дворянъ. А кругомъ него были однѣ дворяне; даже его близкіе друзья, съ которыми онъ совѣщался тогда, Кочубей, Новосильцевъ, и Чарторижскій, говорили ему, что не надо было слишкомъ

обижать дворянъ. Одни совѣтовали ему освободить крестьянъ, но совсѣмъ безъ земли. Другіе же сановники прямо говорили ему, что опасно освобождать «черный народъ». «Нашей непросвѣщенной черни опасно много твердить о вольности»,—говорилъ оберъ-прокуроръ Державинъ. «Позволить, чтобы ноги поднимались выше рукъ, а наипаче выше головы, есть сущій безпорядокъ», кричали со всѣхъ сторонъ защитники крѣпостного права. «Крестьяне должны повиноваться властямъ»,—говорили они;—«эту татарщину одними исправниками да палками не усмирить; должна быть еще и власть помѣщика».

И вотъ Александръ Первый, въ концѣ концовъ послѣ всѣхъ своихъ хорошихъ обѣщаній и намѣреній, ограничился тѣмъ, что, оставивъ въ полной силѣ прежнее крѣпостное право, издалъ только одинъ ничтожный указъ о вольныхъ хлѣбопашцахъ. Согласно этому указу, если помѣщикъ захотѣлъ-бы самъ, по своему собственному желанію, освободить своихъ крестьянъ отъ крѣпостного права, то онъ могъ заключить съ ними особое условіе и назначить оброкъ, который они должны были-бы платить ему, за отведенную имъ землю. Тогда его крестьяне переходили-бы на положеніе вольныхъ арендаторовъ и причислялись-бы къ государственнымъ крестьянамъ; но въ случаѣ неисправности въ платежѣ оброка они опять обращались-бы въ крѣпостныхъ. Въ этомъ и заключался весь новый законъ. Все зависѣло въ немъ отъ доброй воли помѣщика, который могъ дать земли сколько хотѣлъ и назначить за нее плату по своему усмотрѣнію. Но даже и на это пошли тогда очень немногіе помѣщики, такъ что всего на всего перешло въ вольные хлѣбопашцы при Александрѣ Первомъ только сорокъ семь тысячъ душъ мужескаго пола, да при Николаѣ Первомъ шестьдесятъ семь тысячъ душъ.

Александръ Первый даже не уменьшилъ ни въ чемъ власти помѣщиковъ надъ крѣпостными; въ его царствованіе помѣщики такъ же мучили и тиранили крестьянъ, какъ и при Екатеринѣ Второй.

Одна помѣщица, важная барыня, носила фальшивые волосы, которые ей расчесывалъ крѣпостной парикмахеръ. Чтобы никто не узналъ, что у нея поддѣльные волосы, помѣщица держала этого парикмахера въ желѣзной клѣткѣ

у себя въ спальнѣ. Онъ три года пробылъ въ такомъ заточеніи, а когда наконецъ ему удалось убѣжать, то на него страшно было взглянуть: онъ былъ блѣденъ и сгорбленъ, какъ дряхлый старикъ. Между тѣмъ барыня была очень обезпокоена побѣгомъ парикмахера и хотѣла во что бы то ни стало отъискать его. Для этого она обратилась къ самому государю. Государь поднялъ на ноги всю петербургскую полицію; но полиція сообщила ему, въ чемъ было дѣло, и какую муку вытерпѣлъ несчастный парикмахеръ отъ жестокой помѣщицы. И вотъ Александръ Первый, вмѣсто того чтобы наказать ее, какъ требовалъ того даже русскій законъ, стали заботиться о томъ, какъ-бы успокоить ее-же, эту помѣщицу, и придумали объявить ей черезъ полицію, что ея парикмахеръ утонулъ въ Невѣ. Тѣмъ и кончилось все дѣло.

Въ началѣ своего царствованія, Александръ Первый хотѣлъ было запретить продажу крѣпостныхъ въ розницу, безъ земли, но и на это не рѣшился, не желая обидѣть дворянъ, а потомъ даже забылъ обо всемъ этомъ дѣлѣ и самъ не зналъ, продаются или не продаются люди въ его государствѣ. Однажды графъ Кочубей подходитъ въ Государственномъ Совѣтѣ къ Николаю Ивановичу Тургеневу, дядѣ знаменитаго писателя, и говоритъ ему: «Представьте себѣ: государь увѣренъ, что въ Россіи уже давно запрещена розничная продажа крестьянъ; а между тѣмъ напротивъс амого Зимняго дворца, въ петербургскомъ губернскомъ правленіи, идетъ постоянный торгъ крѣпостными». Незадолго передъ тѣмъ тамъ была продана одна старуха за два рубля пятьдесятъ копеекъ, въ двухъ шагахъ, отъ царскаго дворца. А русскій царь даже не зналъ, что въ Россіи существуютъ такіе законы!

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Нашествіе французовъ.

Такъ шли дѣла внутри Россіи при Александрѣ Первомъ. Что касается внѣшнихъ дѣлъ, то въ его царствованіе Россія долго вела войну съ Франціей. Вслѣдствіе этой войны и произошло нашествіе французовъ на Россію. Это

случилось въ 1812 году. Чтобы понять, какъ это случилось, надо сказать нѣсколько словъ о томъ, что происходило тогда во Франціи.

Во Франціи за двадцать три года передъ тѣмъ, въ 1789 году, произошелъ большой государственный переворотъ или революція. До этого переворота во Франціи, какъ и въ Россіи, былъ самодержавный король, а французскіе крестьяне платили тяжелые оброки помѣщикамъ и были обременены всякими повинностями. Все государство находилось въ рукахъ дворянъ, и всѣ государственныя дѣла были въ страшномъ безпорядкѣ. Король тратилъ на свой дворъ безумныя деньги, дворяне расхищали казну; податей, собиравшихся съ народа, не хватало на всѣ эти траты, и потому король каждый годъ занималъ деньги у банкировъ. Наконецъ французское правительство дошло до того, что уже не могло больше платить процентовъ по государственному долгу; государство оказалось банкротомъ.

Тогда французскій король Людовикъ Шестнадцатый рѣшился созвать народное собраніе изъ депутатовъ отъ всѣхъ сословій, чтобы это народное собраніе придумало какіе-нибудь новые налоги и помогло ему выпутаться изъ бѣды.

Но какъ только собралось народное собраніе, то депутаты отъ промышленнаго и крестьянскаго сословія рѣшили, что такъ дѣло дальше итти не можетъ, что надо ограничить королевскую власть, обуздать дворянство и такъ устроить государственное управленіе, чтобы государственные доходы тратились не иначе, какъ съ согласія народныхъ депутатовъ, и чтобы всѣ законы обсуждались въ народномъ собраніи. О такомъ своемъ твердомъ желаніи они заявили королю.

Но королю трудно было отказаться отъ самодержавной власти; да и всѣ окружавшіе его дворяне совѣтовали ему не уступать передъ низшимъ сословіемъ и защитить ихъ дворянскія права. И вотъ король задумалъ разогнать силой народныхъ депутатовъ, а самыхъ смѣлыхъ изъ нихъ посадить въ государственную тюрьму. Для этого онъ сталъ стягивать къ Парижу свои войска.

Но тогда возстала вся страна на защиту своихъ выборныхъ депутатовъ. По всей Франціи началось волненіе. Пер-

вымъ возсталъ Парижъ. Парижскіе рабочіе, вмѣстѣ съ промышленнымъ сословіемъ, бросились огромной толпой къ арсеналу, т. е. оружейному складу, вытащили оттуда ружья и пушки и первымъ дѣломъ взяли приступомъ государственную тюрьму, Бастилію, возвышавшуюся въ видѣ крѣпости въ самомъ Парижѣ,— вотъ какъ наша Петропавловская крѣпость въ Петербургѣ. Это было страшнымъ ударомъ для короля. Съ этого дня и началась во Франціи революція.

Узнавъ о томъ, что произошло въ Парижѣ, измученные и разоренные крестьяне поднялись, какъ одинъ человѣкъ, по всей Франціи. Повсюду собирались толпы крестьянъ, вооруженныхъ вилами и косами; они выгоняли помѣщиковъ, жгли ихъ усадьбы, истребляли старинныя дворянскія грамоты и захватывали дворянскія земли.

При такомъ всеобщемъ народномъ возстаніи королевскія войска стали переходить на сторону народа; они отказывались стрѣлять въ возставшій народъ и братались съ парижскими рабочими. Только одна наемная гвардія изъ чужеземныхъ швейцарцевъ стрѣляла въ парижскихъ рабочихъ; но съ нею народу легко было справиться.

Тогда король увидѣлъ, что ему невозможно дальше сопротивляться и рѣшилъ уступить. Онъ явился въ народное собраніе и принесъ присягу новому государственному уложенію, по которому власть короля ограничивалась волею всего народа. Съ тѣхъ поръ законы должны были издаваться отъ имени верховнаго народнаго собранія, а король являлся только исполнителемъ этихъ законовъ. Такъ было уничтожено во Франціи самодержавіе.

Но король Людовикъ Шестнадцатый и окружавшіе его дворяне еще не отказались отъ своихъ надеждъ. Король принесъ присягу не искренно, а притворно. Въ сердцѣ своемъ онъ еще рѣшилъ попытать счастья. Онъ надѣялся на помощь другихъ самодержавныхъ государей. Еще въ самомъ началѣ революціи братья короля и многіе изъ дворянъ покинули Францію и уѣхали въ нѣмецкія земли. Тамъ они стали уговаривать австрійскаго императора и прусскаго короля, объявить войну Франціи, чтобы силой возстановить въ ней прежній самодержавный порядокъ. Они говорили имъ, и что новые французскіе порядки опасны

для всѣхъ самодержавныхъ властителей, что и ихъ подданные, когда узнаютъ о томъ, что произошло во Франціи, станутъ также добиваться своихъ правъ и не захотятъ оставаться въ рабствѣ. Они говорили имъ, что у всѣхъ самодержавныхъ властителей одно общее дѣло, что они должны защищать другъ друга противъ ихъ общаго врага— народа. Такимъ образомъ французскіе дворяне призывали чужеземцевъ идти войной на ихъ собственное отечество.

Объ этомъ же старался и самъ король Людовикъ Шестнадцатый. Онъ вступилъ въ тайную переписку съ австрійскимъ императоромъ, и вотъ у нихъ составился планъ, чтобы ему, Людовику, убѣжать изъ Франціи, убѣжать отъ своего народа, и присоединиться къ нѣмецкому войску, которое уже стало стягиваться къ французской границѣ; тогда они пошли-бы вмѣстѣ войной на французскій народъ.

Когда все было условлено и устроено, Людовикъ Шестнадцатый приступилъ къ выполненію этого плана. Въ ночь съ 20-го на 21-го іюня 1791 года онъ тайкомъ вышелъ изъ дворца, переодѣтый лакеемъ, и сѣлъ со своей семьей въ приготовленную карету. Черезъ сутки они уже должны были переѣхать границу; но къ ихъ несчастію они были узнаны по дорогѣ однимъ почтовымъ смотрителемъ. Планъ не удался. Королъ былъ арестованъ, окруженъ стражей и со стыдомъ привезенъ обратно въ Парижъ.

Нѣкоторые изъ народныхъ депутатовъ тогда же требовали, чтобы короля лишили престола и судили, какъ измѣнника. Но большинство депутатовъ все еще боялось поступить рѣшительно; они думали, что французскій народъ по старой привычкѣ все еще привязанъ къ своему королю. Вслѣдствіе этого народное собраніе рѣшило оставить дѣло о побѣгѣ короля безъ всякихъ послѣдствій и считать его по прежнему главою государства, но только усилить за нимъ надзоръ. Король опять явился въ народное собраніе и опять далъ торжественное обѣщаніе не нарушать новаго государственнаго уложенія.

Но и на этотъ разъ, давши такое клятвенное обѣщаніе, король не сдержалъ его, а продолжалъ вести тайныя сношенія съ нѣмецкими государями, жалуясь имъ, что онъ находится въ плѣну у своего народа. Тогда австрійскій императоръ и прусскій король дѣйствительно объ-

явили войну Франціи. Войска ихъ вторглись во Францію и стали разорять страну. Они брали одна за другою французскія крѣпости и уже стали приближаться къ Парижу.

Тогда, въ виду такой опасности, вся Франція поднялась на ноги; весь французскій народъ взялся за оружіе. Изъ городовъ и деревень, старики и молодые спѣшили защищать свое отечество; всѣми овладѣло неописуемое одушевленіе; нѣмецкимъ войскамъ приходилось сражаться теперь уже не съ одними французскими солдатами, а со всѣмъ французскимъ народомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ по всей Франціи вспыхнуло страшное негодованіе противъ короля, который накликалъ бѣду на свой народъ и призвалъ въ свою же страну чужеземное войско. Теперь уже ничто не могло спасти Людовика. Парижскіе жители ворвались во дворецъ, свергли Людовика съ престола и перевезли со всею семьею въ городскую тюрьму. При этомъ во дворцѣ была захвачена вся тайная переписка короля съ нѣмецкими государями, и его измѣна обнаружилась для всѣхъ. Черезъ нѣкоторое время надъ королемъ былъ назначенъ судъ. Его судило все народное собраніе и приговорило за измѣну своей странѣ къ смертной казни. И вотъ 21-го января 1793 года французскому королю всенародно отрубили на площади голову.

Такое безпримѣрное событіе еще болѣе перепугало и сблизило между собою всѣхъ самодержавныхъ властителей. Они заключили между собою военный союзъ, чтобы соединенными усиліями наказать французовъ и заставить ихъ снова ввести у себя самодержавную власть. Къ этому союзу самодержавныхъ властителей присоединилась и наша Екатерина Вторая, пославъ на помощь нѣмецкимъ государямъ свои войска. Такъ началась война Россіи съ Франціей. Она продолжалась и при Павлѣ, продолжалась и при Александрѣ Первомъ. Соединенныя войска самодержавныхъ государей старались задавить свободолюбивую Францію.

Но это оказалось труднѣе, чѣмъ они думали. Французскій народъ, защищавшій свою свободу, былъ непобѣдимъ. Онъ не только выгналъ чужеземцевъ изъ своей страны, но и самъ перешелъ въ наступленіе, самъ сталъ завоевывать чужіе земли.

Во время этихъ войнъ, у французовъ появилось много

знаменитыхъ полководцевъ, и самое французское войско, хотя состояло изъ новобранцевъ, но оказалось храбрѣе и лучше подневольныхъ самодержавныхъ войскъ. Французскіе солдаты сражались за свою родину и за свободу; они сражались за свои новые свободные порядки. Во всѣхъ завоеванныхъ ими странахъ они свергали самодержавныхъ властителей и предоставляли народу право устанавливать у себя болѣе свободное правительство. Такимъ путемъ новыя, свободныя понятія разносились повсюду.

Но въ концѣ концовъ эти продолжительныя войны принесли много вреда самимъ французамъ. Ими овладѣлъ воинственный духъ; а воинственный духъ всегда опасенъ для свободы. Вмѣстѣ съ воинственнымъ духомъ у народа появляется военный задоръ, хвастовство своей военной славой, а главное—усиливается чрезмѣрно власть полководцевъ начинается военное самовластіе. Такъ случилось и во Франціи. Тамъ скоро пріобрѣлъ большую славу знаменитый полководецъ, генералъ Наполеонъ Бонапартъ. Онъ одержалъ много побѣдъ, и солдаты очень привязались къ нему, готовы были итти за нимъ въ огонь и воду, и считали его непобѣдимымъ. У Бонапарта у самого голова закружилась отъ побѣдъ. Онъ объявилъ себя французскимъ императоромъ и задумалъ завоевать весь міръ. Онъ завоевалъ Италію, Египетъ, многія нѣмецкія государства, завоевалъ Австрію и вездѣ вмѣсто прежнихъ королей сажалъ на престолъ своихъ родственниковъ или подручниковъ. Наконецъ онъ объявилъ войну и Россіи. Собравъ огромное войско и присоединивъ къ себѣ всѣхъ своихъ подручныхъ королей, онъ перешелъ въ іюнѣ 1812 года русскую границу, взялъ Смоленскъ, послѣ кровопролитнаго боя, и сталъ быстро приближаться къ Москвѣ. Русскій полководецъ Кутузовъ началъ отступать, избѣгая сраженій и завлекая Бонапарта все дальше и дальше вглубь Россіи. Только подъ Бородинымъ, въ десяти верстахъ отъ Можайска. Кутузовъ принялъ наконецъ сраженіе, 26-го августа. Сраженіе было кровопролитное; всѣхъ убитыхъ съ обѣихъ сторонъ насчитывалось до восьмидесяти тысячъ. Побѣда была ничья, но Кутузовъ рѣшилъ опять отступить и отдалъ французамъ Москву. Москва была покинута жителями; французы нашли ее пустой, безъ жителей и

безъ съѣстныхъ припасовъ. Кромѣ того въ Москвѣ скоро начались пожары. Причина этихъ пожаровъ осталась неизвѣстной. Одни думаютъ, что русскіе сами поджигали дома, чтобы выжить французовъ; другіе думаютъ, что пожары происходили отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ французскихъ солдатъ.

Между тѣмъ наступила суровая зима, а французская армія стояла безъ всякаго дѣла. Наполеонъ думалъ, что послѣ взятія Москвы Россія признаетъ себя побѣжденной, но вышло совсѣмъ другое: ему также пришлось воевать теперь не съ однимъ русскимъ войскомъ, а со всѣмъ русскимъ народомъ. Въ Россіи было объявлено всеобщее ополченіе. Вездѣ появились вольные отряды и нападали врасплохъ на французовъ. Крестьяне по деревнямъ вооружались чѣмъ попало и, гдѣ только можно было, избивали французскихъ солдатъ.

Наполеонъ увидѣлъ, что онъ зашелъ съ своей арміей слишкомъ далеко отъ Франціи, такъ далеко, что ему невозможно было обезпечить правильный подвозъ военныхъ и съѣстныхъ припасовъ. Тогда онъ рѣшилъ покинуть Россію, приказалъ своему войску отступать, а самъ уѣхалъ впередъ въ Парижъ. За нимъ потянулась его огромная, голодная и плохо одѣтая армія, въ трескучіе морозы, по той же разоренной дорогѣ, по которой она пришла въ Москву. Большая часть этой арміи погибла отъ холода или была перебита русскими отрядами. Особенно много погибло французскихъ солдатъ при переправѣ черезъ рѣку Березину (15 ноября). Въ концѣ концовъ только жалкіе остатки побѣдоносной наполеоновской арміи перешли обратно русскую границу,

Вслѣдъ за отступавшей французской арміей двинулась заграницу и русская армія съ Александромъ Первымъ во главѣ. Онъ пошелъ теперь освобождать завоеванныя Наполеономъ нѣмецкія государства. Но Наполеонъ еще долго боролся съ союзными войсками. Пріѣхавъ во Францію, онъ собралъ новое войско, и хотя противъ него теперь были Россія, Пруссія и Англія, онъ всетаки боролся съ ними въ теченіе цѣлаго года и не разъ одерживалъ большія побѣды. Но наконецъ у Франціи не хватило больше солдатъ; вся ея молодежь погибла въ походахъ; союзники подавили Напо-

леона своею численностью. Когда они овладѣли Парижемъ, Наполеонъ принужденъ былъ отдаться въ ихъ руки. Они лишили его престола и сослали на отдаленный островъ, а во Францію призвали царствовать брата казненнаго короля. Но чтобы успокоить французскій народъ, который ужъ не потерпѣлъ бы больше у себя самодержавнаго правительства, союзники должны были ограничить власть французскаго короля и оставить при немъ выборную палату депутатовъ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ

Тайное общество декабристовъ.

Война съ Франціей имѣла для Россіи двоякое значеніе: она произвела большую перемѣну въ царѣ и въ то же время произвела большую перемѣну во многихъ русскихъ офицерахъ и даже солдатахъ, побывавшихъ заграницей.

Александъ Первый вернулся въ Россію съ мыслью укрѣпить самодержавіе. Послѣ войны съ Франціей, всѣ европейскіе государи собрались въ Вѣнѣ и заключили между собою «Священный Союзъ». Они обязались другъ передъ другомъ поддерживать самодержавную власть не только у себя дома, но и въ чужихъ государствахъ. Съ этою цѣлью они посылали свои войска въ тѣ страны, гдѣ народъ возставалъ противъ своихъ королей. Такъ они послали свои войска въ Италію, въ 1820 году, когда тамъ вспыхнуло народное возстаніе, а потомъ также и въ Испанію. Чужеземные солдаты вторгались въ эти страны и возстановляли тамъ самодержавіе.

Но главная забота коронованныхъ союзниковъ заключалась въ томъ, чтобы искоренить „свободный духъ“, какъ они говорили, въ своихъ собственныхъ государствахъ. Лучшимъ средствомъ для этого они считали, во первыхъ, церковную, поповскую вѣру, которая учитъ безпрекословному, слѣпому повиновенію начальству, а во вторыхъ — цензуру на книги.

И вотъ, по повелѣнію Александра Перваго, въ Россіи стало утверждаться тогда начальствомъ фальшивое церковное благочестіе. Отъ всѣхъ требовалось хожденіе въ церковь и соблюденіе церковныхъ обрядовъ; кто не хотѣлъ

подчиняться этому, тотъ претерпѣвалъ гоненіе. Всѣ школы и университеты были отданы подъ надзоръ духовенства. Правительство допускало въ школы только такихъ учителей, которые внушали дѣтямъ слѣпое повиновеніе всякому начальству, какое-бы оно ни было; а кто изъ учителей не хотѣлъ кривить душой, того безжалостно выгоняли со службы. Мало того, такому человѣку грозила за одно свободное слово тюрьма или ссылка въ Сибирь. Правительство хотѣло силой навязать народу и иновѣрцамъ свою церковную вѣру.

Съ этою-же цѣлью оно старалось задержать народное просвѣщеніе; при Александрѣ Первомъ была установлена въ Россіи строгая цензура на книги.

Ни одна книга не могла быть съ тѣхъ поръ напечатана въ Россіи безъ разрѣшенія особаго чиновника, который назывался цензоромъ. Этому цензору предоставлялась власть или совсѣмъ запретить книгу, или вычеркнуть изъ нея тѣ мѣста, которыя онъ находилъ опасными для правительства. Такимъ образомъ изъ книги вытравлялась всякая свободная мысль. Печатать можно было только то же самое, что утверждало само правительство, хотя бы это была явная ложь: а кто хотѣлъ сказать правду, тотъ принужденъ былъ молчать; на его уста какъ-бы налагалась печать. Правительство старалось не о томъ, чтобы распространять истину и поступать справедливо, а только о томъ, чтобы никто не смѣлъ говорить о его неправыхъ поступкахъ. Съ этою цѣлью и была установлена цензура на книги.

Мы уже знаемъ, какъ жестоко расправилась Екатерина Вторая съ Новиковымъ и Радищевымъ. Но тогда въ Россіи еще не было особаго цензурнаго вѣдомства. Тогда не слѣдили строго за книгами и каждый могъ завести у себя печатный станокъ. Особое цензурное вѣдомство было установлено въ Россіи только при Александрѣ Первомъ и существуетъ у насъ по сіе время. Вотъ почему неклейменныя цензоромъ, свободныя, книги можно печатать теперь только въ тайныхъ типографіяхъ или заграницей, откуда тайно провозятъ ихъ въ Россію.

Но кромѣ казенной, царской вѣры и запрета на свободное слово, у правительства есть еще средство поддержать свою власть: послушное войско. Кто не хочетъ вѣровать

по царскому указу и не хочетъ таить въ душѣ своей правду, того остается только убить. Но для этого необходимо, чтобы солдаты безпрекословно повиновались начальству, даже когда ихъ посылаютъ стрѣлять въ своихъ братьевъ. Армія существуетъ у самодержавныхъ царей не столько для защиты государства отъ внѣшняго врага, сколько для охраны своей власти противъ своего собственнаго народа. Вотъ почему царское правительство прежде всего стремится заглушить въ солдатѣ разсудокъ и совѣсть; а этого можно добиться только однимъ страхомъ; надо, чтобы солдатъ привыкъ бояться начальства, чтобы онъ ежеминутно трепеталъ передъ нимъ за свою собственную жизнь; тогда онъ забудетъ обо всемъ остальномъ. Это и называется военной дисциплиной.

И вотъ, по возвращеніи изъ заграницы, Александръ Первый ввелъ въ своихъ войскахъ строжайшую дисциплину. Солдатъ стали муштровать по цѣлымъ днямъ на ученьяхъ, причемъ офицеры били ихъ кулаками и сѣкли розгами, сколько хотѣли, даже безъ всякой вины; а за малѣйшую провинность несчастныхъ прогоняли сквозь строй.

Главное начальство надъ войскомъ Александръ передалъ тогда графу Аракчееву, жестокому человѣку, оставившему по себѣ злую память. Это былъ настоящій палачъ; въ его сердцѣ никогда не просыпалась жалость; ему ничего не стоило приказать забить человѣка до смерти палочными ударами. Случилось такъ, что солдата прогоняли сквозь строй первый разъ до потери сознанія, потомъ уносили въ лазаретъ, залечивали кое-какъ избитую спину и снова прогоняли сквозь строй уже на смерть. Иногда добивали палками ужъ мертвое тѣло, чтобы отсчитать полное число назначенныхъ ударовъ. Вотъ какими средствами царь Александръ Первый хотѣлъ приготовить для себя послушное войско.

* * *

Съ другими совсѣмъ мыслями вернулись изъ за-границы многіе русскіе офицеры. Послѣ того какъ они побывали въ свободныхъ странахъ, имъ еще тяжелѣе стало смотрѣть на русскую жизнь съ ея крѣпостнымъ правомъ, съ ея розгами и палками, съ плачемъ и стонами вокругъ. Одинъ

офицеръ разсказываетъ, что на первомъ же смотру, по возвращеніи въ Россію, онъ увидѣлъ, какъ полиція била народъ, желавшій ближе подойти къ выстроенному войску. Потомъ онъ увидѣлъ царя, ѣхавшаго верхомъ по улицѣ, а въ эту самую минуту черезъ улицу перебѣжалъ какой-то мужикъ. Тогда полиція бросилась на мужика и на глазахъ у царя избила его до полусмерти палками. Такія сцены происходили на каждомъ шагу. Въ Россіи царствовали кнутъ и палка. «Крестьянинъ въ законѣ былъ мертвъ", какъ писалъ Радищевъ; надъ нимъ тяготѣло крѣпостное ярмо, и вся русская жизнь была основана на этомъ рабствѣ крестьянина. Надѣяться на Александра Перваго уже нельзя было больше; всѣ его обѣщанія оказались одними словами.

И вотъ вскорѣ послѣ возвращенія русской арміи изъ заграницы, въ 1816 году, въ Россіи образовалось, преимущественно среди офицеровъ, тайное общество, которое было названо Союзомъ Благоденствія. По уставу этого общества, его члены должны были трудиться для блага Россіи. Каждый изъ нихъ долженъ былъ поступить на службу и стараться занять какое-нибудь важное мѣсто, такъ, чтобы со временемъ всѣ высшія должности были въ рукахъ тайнаго общества. Наконецъ было положено, что если царствующій императоръ не дастъ никакихъ правъ народу, то ни въ какомъ случаѣ не присягать его наслѣднику, не ограничивъ его самодержавія.

Главными членами этого тайнаго общества были полковникъ Пестель, четверо братьевъ Муравьевыхъ, изъ которыхъ одинъ былъ полковникомъ, двое подполковниками и одинъ капитаномъ. Затѣмъ отставной поручикъ Рылѣевъ, полковникъ князь Трубецкой, генералъ Фонвизинъ, полковникъ Давыдовъ, генералъ князь Волконскій и многіе другіе. Всего было въ этомъ тайномъ обществѣ три генерала, двадцать восемь полковыхъ или батальонныхъ командировъ и 78 низшихъ офицеровъ. Были также среди нихъ и не военные: Николай Тургеневъ, служившій въ Государственномъ Совѣтѣ, Юшневскій, Пущинъ, князь Одоевскій и другіе.

Это тайное общество просуществовало около десяти лѣтъ. За это время члены его успѣли сдѣлать много хо-

рошаго. Они повсюду защищали обиженныхъ, устраивали школы въ деревняхъ, выводили изъ употребленія тѣлесныя наказанія; нѣкоторые изъ нихъ уничтожили въ своихъ помѣстьяхъ барщину и хлопотали объ освобожденіи своихъ крестьянъ. Въ Семеновскомъ полку, пока въ немъ ротными командирами были члены тайнаго общества, о розгахъ и палкахъ не было и помина; то же было и въ нѣкоторыхъ другихъ полкахъ. Словомъ, каждый членъ тайнаго общества свято исполнялъ взятое на себя обязательство: трудиться всѣми силами для блага Россіи.

Но у тайнаго общества была болѣе важная цѣль: измѣнить государственный порядокъ въ Россіи, ограничить самодержавіе и освободить крестьянъ.

Они ждали только удобнаго случая, чтобы приступить къ дѣлу. Они разсчитывали на то, что многіе изъ нихъ командовали полками и ротами, въ которыхъ солдаты любили ихъ и готовы были итти за ними въ огонь и воду. По примѣру уже бывшихъ въ Россіи государственныхъ переворотовъ, они намѣревались, при помощи преданныхъ имъ полковъ, захватить въ свои руки правительство и заставить царя отказаться отъ самодержавія, а потомъ созвать Земскій Соборъ. Главныя военныя силы были у нихъ въ южной арміи, расположенной въ Каменецъ-Подольской и Кіевской губерніяхъ. Тамъ служилъ адъютантомъ при главнокомандующемъ фельдмаршалѣ полковникъ Пестель, который самъ командовалъ Вятскимъ полкомъ; тамъ же командовали полками Артамонъ Муравьевъ, Швейковскій, Митьковъ, Аврамовъ и Норовъ,—все члены тайнаго общества. Въ рѣшительную минуту они должны были итти со своими полками въ Петербургъ, соединиться тамъ съ членами сѣвернаго общества и овладѣть дворцомъ.

Но слухи объ этомъ заговорѣ уже стали мало-по-малу доходить до государя. Между членами тайнаго общества нашлось четверо предателей. Каждый изъ нихъ послалъ отъ себя доносъ Александру Первому, который находился въ то время въ Таганрогѣ. Но тамъ онъ вскорѣ сильно заболѣлъ и умеръ 19 ноября 1825 года, не успѣвъ сдѣлать никакихъ распоряженій. Послѣ его смерти, однако, въ его бумагахъ былъ найденъ доносъ на Пестеля и вслѣдствіе этого доноса Пестеля приказано было арестовать.

Между тѣмъ смерть Александра Перваго вызвала большое замѣшательство въ дѣлѣ о престолонаслѣдіи. Дѣтей у умершаго царя не было, и наслѣдникомъ престола считался по закону слѣдующій за нимъ братъ его Константинъ, второй сынъ Павла. Но Константинъ отказался отъ престола еще при жизни Александра Перваго, въ 1822 году. Онъ женился на польской графинѣ Ловичъ, не изъ владѣтельнаго дома, и по русскимъ законамъ его дѣти уже не имѣли-бы права на престолъ. Александръ Первый принялъ отказъ Константина и назначилъ наслѣдникомъ престола второго своего брата Николая, но манифеста объ этомъ онъ почему-то не обнародовалъ, а положилъ этотъ манифестъ на храненіе въ трехъ спискахъ; въ Успенскомъ соборѣ, въ сенатѣ и въ Государственномъ Совѣтѣ. Никто поэтому не зналъ, кто настоящій наслѣдникъ престола, Константинъ или Николай; вотъ почему и вышла путаница послѣ смерти Александра Перваго. Константинъ, жившій тогда въ Варшавѣ, принесъ присягу Николаю, а Николай присягнулъ въ Петербургѣ Константину, какъ старшему брату, и велѣлъ привести къ присягѣ петербургскія войска. Константинъ послалъ гонца къ Николаю съ извѣстіемъ, что онъ отказывается отъ престола, а Николай послалъ гонца къ Константину съ извѣстіемъ, что онъ принесъ ему присягу. Желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ тогда еще не было, гонцы скакали на почтовыхъ, а отъ Петербурга до Варшавы далеко. Вслѣдствіе этого въ теченіи трехъ недѣль никому не было извѣстно, кто настоящій царь. Этимъ замѣшательствомъ и захотѣли воспользоваться члены тайнаго общества, находившіеся въ Петербургѣ. Они уже знали, что на нихъ сдѣланъ доносъ и что имъ надо спѣшить. Пестель, главный ихъ руководитель на югѣ, былъ уже арестованъ. Хотя они еще не были готовы тогда къ возстанію, но все-таки рѣшились дѣйствовать.

На 14-ое декабря 1825 года была назначена новая присяга въ Петербургѣ, теперь уже не Константину, а Николаю. Этотъ именно день и выбрали заговорщики, чтобы вывести преданныя имъ войска на Сенатскую площадь и, если удастся, то овладѣть дворцомъ.

Наканунѣ они собрались всѣ у Рылѣева. Рылѣевъ говорилъ, что если съ ними будетъ только пятьдесятъ че-

ловѣкъ, то онъ все-таки пойдетъ. Рылѣевъ уже давно готовъ былъ погибнуть за святое дѣло свободы. Онъ былъ другомъ Пушкина и также писалъ стихи; въ одномъ изъ его стихотвореній встрѣчаются такія слова:

Погибну я за край родной,
Я это чувствую, я знаю,
И съ радостью, отецъ святой,
Я жребій свой благословляю.

Раннимъ утромъ 14-го декабря, когда отданъ былъ приказъ приводить полки къ присягѣ, члены тайнаго общества бросились въ казармы и стали уговаривать солдатъ не присягать второй разъ, такъ какъ они уже принесли присягу Константину. Московскій гвардейскій полкъ почти въ полномъ составѣ отказался отъ присяги и вышелъ на Сенатскую площадь. Къ нему присоединились три роты лейбъ-гренадерскаго полка и всѣ гвардейскіе матросы. Всего собралось на площади около двухъ тысячъ солдатъ. Съ ними были Рылѣевъ, братья Бестужевы, Каховскій, князья: Щепкинъ-Ростовскій, Оболенскіе и Одоевскій, Якубовичъ, Сутгофъ и другіе.

Отказавшіеся отъ присяги, солдаты построились въ каре передъ зимнимъ дворцомъ и ждали присоединенія другихъ полковъ. Дѣйствительно, отъ нѣкоторыхъ полковъ къ нимъ приходили посланные и просили ихъ продержаться до вечера; это были посланные отъ рядовыхъ, которые безъ офицеровъ не рѣшались идти днемъ на площадь.

На другой сторонѣ площади, около зимняго дворца, вокругъ Николая, собрались вѣрные ему генералы со своими солдатами. Обѣ стороны стояли другъ противъ друга и не рѣшались начать дѣйствіе. Наконецъ Николай приказалъ пустить въ аттаку кавалерію. Генералъ Орловъ три раза бросался въ аттаку, но былъ отбитъ. Тогда Николай велѣлъ выдвинуть впередъ пушки. Генералъ Сухозанетъ скомандовалъ стрѣлять, но выстрѣла не послѣдовало. Тогда одинъ изъ офицеровъ закричалъ съ бранью на запальщика (который прикладывалъ къ пушкѣ зажженый фитиль): «Что же ты не стрѣляешь?»—«Ваше благородіе! Это — свои», отвѣчалъ запальщикъ.—«Дуракъ! развѣ ты долженъ раз-

суждать?» закричалъ офицеръ и, выхвативъ фитиль, самъ приложилъ его къ запалу. Тогда раздался первый выстрѣлъ картечью; затѣмъ еще и еще; въ рядахъ возставшихъ повалились убитые. Каре дрогнуло и стало отступать; оно не могло устоять противъ пушекъ. Побѣда осталась на сторонѣ Николая.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ южную армію былъ также посланъ приказъ арестовать главныхъ заговорщиковъ. Первымъ арестованы были Сергѣй и Матвѣй Муравьевы; но ихъ отбили другіе офицеры и освободили. Тогда Сергѣй Муравьевъ бросился въ свой Черниговскій полкъ и повелъ его въ Бѣлую Церковь, гдѣ надѣялся поднять другіе полки. Но на дорогѣ онъ встрѣтилъ войска Николая, былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ; вмѣстѣ съ нимъ были взяты его братъ Матвѣй и Михаилъ Бестужевъ-Рюминъ. Итакъ кончилась неудачей и эта попытка въ южной арміи. Слишкомъ еще мало было войска на сторонѣ тайнаго общества. Кромѣ того, смерть Александра Перваго застала тайное общество врасплохъ; члены его не имѣли времени сговориться между собой и дѣйствовали безъ общаго плана.

Послѣ этихъ неудавшихся возстаній въ Петербургѣ, а также въ южной арміи и по всей Россіи начались аресты. Въ рукахъ у Николая были списки членовъ тайнаго общества и скоро они всѣ были схвачены, оторваны отъ семей и заключены въ Петропавловскую крѣпость. Всего было арестовано около пятисотъ человѣкъ.

Всѣ они держали себя мужественно и безстрашно. Когда Рылѣева привели въ слѣдственную комиссію, онъ прямо сказалъ своимъ судьямъ: «Я главный виновникъ событія четырнадцатаго декабря. Я могъ все остановить, но я напротивъ побуждалъ къ дѣйствію. Если кто заслуживаетъ смерть за этотъ день, то это, конечно, я».

Когда слѣдователь, генералъ Левашевъ, спросилъ арестованнаго отставного гвардейскаго капитана Якушкина, что онъ дѣлалъ въ тайномъ обществѣ, тотъ отвѣтилъ, что всего болѣе былъ занятъ отысканіемъ способа уничтожить крѣпостное прваo въ Россіи.

Затѣмъ его ввели въ комнату, гдѣ находился новый царь. Николай велѣлъ ему подойти поближе и началъ такъ:

— Что васъ ожидаетъ на томъ свѣтѣ? Проклятіе. Я не хочу васъ окончательно губить; я пришлю къ вамъ священника. Что же вы ничего не отвѣчаете мнѣ?

— Что вамъ угодно, государь, отъ меня?

— Я, кажется, говорю довольно ясно. Если вы не хотите губить ваше семейство, то вы должны во всемъ признаться.

— Этого я не могу сдѣлать. Вступивъ въ тайное общество, я далъ честное слово не называть никого.

— Что вы мнѣ толкуете о вашемъ мерзкомъ честномъ словѣ!—закричалъ Николай.

— Назвать, государь, я никого не могу,—снова повторилъ Якушкинъ.

Тогда Николай отступилъ на шагъ, протянувъ руку впередъ, и сказалъ съ гнѣвомъ: «Заковать его такъ, чтобы онъ пошевелиться не могъ».

Когда былъ приведенъ на допросъ Сергѣй Муравьевъ, то онъ сталъ говорить въ присутствіи царя о бѣдственномъ положеніи Россіи и говорилъ такъ горячо, что тронулъ даже сердце Николая. Тотъ протянулъ ему руку и предложилъ помилованіе, если онъ дастъ обѣщаніе быть ему вѣрнымъ. Но Сергѣй Муравьевъ отказался отъ помилованія, говоря, что «онъ возсталъ противъ царскаго произвола и потому никакой царской милости не приметъ».

Таковы были люди, задумавшіе освободить Россію отъ рабства и пожертвовавшіе ради этого всѣмъ, что имѣли: богатствомъ, чинами, семьями и даже своею жизнью.

Шесть мѣсяцевъ ихъ держали подъ слѣдствіемъ въ казематахъ Петропавловской крѣпости, а потомъ объявили приговоръ. Всѣхъ осужденныхъ было 121 человѣкъ. Изъ нихъ пятеро были приговорены къ смертной казни: Павелъ Пестель, Кондратій Рылѣевъ, Сергѣй Муравьевъ, Михаилъ Бестужевъ-Рюминъ и Петръ Каховскій; 88 человѣкъ были сосланы въ каторжныя работы, 15 человѣкъ на поселеніе, трое приговорены къ ссылкѣ на житье въ Сибирь, а 9 человѣкъ отданы въ солдаты.

13 іюля 1826 года, во второмъ часу утра, осужденные на смерть были выведены на площадь передъ Петропавловскимъ соборомъ, внутри крѣпости, гдѣ были поставлены висѣлицы; всѣ осужденные смотрѣли спокойно и шли бодро,

кромѣ Бестужева, который былъ очень молодъ, и ему тяжело было умирать. Его велъ подъ руку священникъ Мысловскій, протоіерей Казанскаго собора. Николай назначилъ этого священника въ крѣпость, чтобы уговаривать заключенныхъ во всемъ признаваться; но Мысловскій, видаясь каждый день съ заключенными, привязался къ нимъ всей душой и былъ на ихъ сторонѣ.

Передъ смертью Сергѣй Муравьевъ попросилъ позволенія помолиться. Онъ сталъ на колѣни и громко произнесъ: «Боже, спаси Россію и царя». Многимъ такая молитва показалась непонятной. Но Сергѣй Муравьевъ былъ истиннымъ христіаниномъ; онъ молился за царя, такъ же какъ Іисусъ Христосъ молился на крестѣ за своихъ враговъ.

Потомъ священникъ подошелъ къ каждому изъ осужденныхъ съ крестомъ. Пестель былъ лютераниномъ, но все-таки сказалъ священнику: „Хотя я и не православный, но прошу васъ и меня благословить на дальній путь“.

Прощаясь въ послѣдній разъ, всѣ они пожали другъ другу руки. На нихъ надѣли длинныя бѣлыя рубахи и колпаки на лицо, и завязали имъ руки. Сергѣй Муравьевъ и Павелъ Пестель нашли возможность и послѣ того еще разъ пожать другъ другу руки. Наконецъ ихъ поставили на помостъ и накинули на шею петли. Въ это время протоіерей Мысловскій, сошедши по ступенямъ съ помоста, обернулся и съ ужасомъ увидѣлъ, что Пестель и Бестужевъ уже качаются на веревкахъ, а трое другихъ оборвались и упали на помостъ. Сергѣй Муравьевъ сильно расшибся, переломилъ себѣ ноги и могъ только проговорить: „Бѣдная Россія! И повѣсить то не умѣютъ“. Каховскій крѣпко выругался; Рылѣевъ не произнесъ ни слова. Распорядитель казни, генералъ Чернышевъ, велѣлъ поднять трехъ упавшихъ и повѣсить во второй разъ.

* *
*

Такъ кончилось возстаніе 14-го декабря 1825 года. Но дѣло, за которое погибли члены тайнаго общества или «декабристы», какъ ихъ стали называть потомъ, не погибло вмѣстѣ съ ними. Они громко возвѣстили о своихъ

завѣтныхъ стремленіяхъ всей Россіи, и возвѣстили о нихъ не только словомъ, но и своимъ собственнымъ примѣромъ. И вотъ вслѣдъ за ними пошли другіе люди на трудную борьбу за свободу и за народное счастье, свято храня въ сердцѣ своемъ память объ этихъ первыхъ мученикахъ за народное дѣло. Черезъ два года послѣ 14-го декабря Пушкинъ переслалъ осужденнымъ на каторгу декабристамъ свое посланіе, написанное стихами. Въ этомъ посланіи онъ говорилъ имъ:

Во глубинѣ сибирскихъ рудъ
Храните гордое терпѣнье,
Не пропадетъ вашъ скорбный трудъ
И душъ высокое стремленье....
Придетъ желанная пора,
Оковы тяжкія падутъ,
Темницы рухнутъ, и свобода
Васъ приметъ радостно у входа!

* * *

И вотъ съ надеждою на эту желанную пору сосланные въ Сибирь декабристы жили долгіе годы въ далекихъ и пустынныхъ сибирскихъ городахъ и селахъ. Они оставались тамъ въ теченіе всего тридцатилѣтняго царствованія Николая Перваго. Только немногіе изъ нихъ были переведены солдатами на Кавказъ. Николай до конца своей жизни хранилъ въ сердцѣ ненависть къ людямъ, которые отказались признать въ немъ сверхъестественнаго рѣшителя народныхъ судебъ, а видѣли въ немъ лишь простого, ограниченнаго и притомъ еще недобраго человѣка. Живя въ пустынной и еще почти незаселенной тогда Сибири, они принесли много пользы этому краю своими свѣдѣніями и своими выдающимися умственными способностями. Они учили дѣтей, просвѣщали взрослыхъ, разводили новыя огородныя овощи, придумывали нѣкоторыя простыя и полезныя для края машины.

Нѣкоторымъ изъ нихъ довелось пережить Николая и дожить до новаго царствованія, когда русское самодержавное правительство принуждено было наконецъ освободить

крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Тогда исполнилась хотя малая часть того, чего они требовали для народа отъ царскаго правительства; новый русскій царь утвердилъ закономъ это требованіе, за одну мысль о которомъ его отецъ гноилъ людей въ тюрьмахъ и ссылалъ въ каторжныя работы.

* * *

Мы видѣли, что въ 1730 г., при воцареніи Анны Ивановны, произошла первая попытка ограничить самодержавную власть въ Россіи. Тогда это дѣло задумали члены верховнаго совѣта, старые, родовитые вельможи, руководимые княземъ Дмитріемъ Голицынымъ. „Россія много претерпѣла отъ самодержавія и отъ иностранцевъ“ — говорилъ онъ—„надобно намъ себѣ полегчить, воли себѣ прибавить“. Верховники заставили Анну подписать условія, ограничивающія ея власть; но попытка эта не удалась. Среднее и мелкое дворянство, служившее тогда въ гвардіи, потребовало возстановленія самодержавія. „Пиръ былъ готовъ“,— сказалъ тогда Дмитрій Голицынъ,— „но гости были недостойны его. Знаю, что я буду его жертвой, но тѣ, которые заставляютъ меня плакать, будутъ проливать слезы долѣе меня“.

Съ тѣхъ поръ прошло сто лѣтъ. Русскій народъ еще болѣе познакомился за это время съ самодержавіемъ. Онъ перенесъ правленіе временщиковъ, видѣлъ Петра Третьяго, Екатерину, Павла, Александра Перваго, видѣлъ полоумныхъ и умныхъ, добрыхъ и злыхъ царей. Цари мѣнялись, но порядки оставались тѣ же. Крестьянство стонало подъ крѣпостнымъ игомъ; казенныя земли и деньги расхищались, наука подвергалась гоненію; мягкосердечный и кое-чему учившійся въ молодости Александръ Первый отдалъ государство въ руки жестокаго палача Аракчеева. Самодержавіе доказало, что оно зло само по себѣ и не можетъ не быть пагубнымъ для народа даже при сравнительно доброжелательномъ государѣ.

И вотъ тогда произошла вторая попытка ограничить въ Россіи самодержавную власть. Теперь выступила уже не кучка вельможъ, а многія сотни лучшихъ людей своего времени. Они выступили съ широкими и благородными за-

мыслами: освободить крестьянство и передать власть въ руки самого народа, въ руки великаго Земскаго Собора; самые лучшіе и просвѣщенные изъ нихъ, какъ напримѣръ, Пестель и Рылѣевъ, тогда же составляли планы о передачѣ крестьянству земли.

Но и эта попытка не удалась. Декабристы достигли того, что провозгласили всенародно свои благородныя мысли, они заронили сѣмена будущей свободы въ Россіи; но самодержавіе побѣдило и на этотъ разъ, погубивъ своихъ благородныхъ противниковъ.

Чѣмъ-же было сильно самодержавіе въ Россіи? Что дѣлало его непобѣдимымъ, несмотря на всѣ его преступленія, несмотря на тотъ страшный вредъ, который оно приносило странѣ?

Оно было сильно тѣмъ, что опиралось на темную народную массу, вѣрившую въ него, несмотря на свои страданія. Пока въ народѣ крѣпка эта вѣра, трудно было одинокимъ передовымъ борцамъ добиться народнаго освобожденія. Но борьба, начатая декабристами, не могла остановиться; съ тѣхъ поръ движеніе стало все болѣе и бо[illegible] расширяться, стало все глубже и глубже проникать въ самое сердце народной жизни. Духовные преемники декабристовъ поняли, что ихъ главная задача заключалась въ томъ, чтобы понести свое освободительное слово въ народъ, въ рабочую массу, поколебать самую основу стараго порядка и построить дѣло народнаго освобожденія на прочномъ фундаментѣ народнаго самосознанія. «Дѣло освобожденія рабочаго народа должно быть дѣломъ самого русскаго народа»—съ такимъ завѣтомъ выступили на борьбу духовные преемники декабристовъ. Съ этимъ движеніемъ мы и познакомимся въ послѣдней, третьей части нашей русской исторіи.

45 коп.

Складъ изданія
при книжномъ складѣ «Библіотечное Дѣло».
С.-Петербургъ, Невскій, 42.